

Альманах
История. Культура. Литература
УЧРЕДИТЕЛИ:
НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. ЯРОСЛАВА МУДРОГО,
АДМИНИСТРАЦИЯ НОВГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ
издается с 1995 года №2 (21) 2001 год

СОДЕРЖАНИЕ:

НОВГОРОД

Валерий ВАСИЛЬЕВ, Владимир СЕВЕРИНОВ - Названия улиц
древнего Новгорода (Торговая сторона) 2

Алексей ПШАНСКИЙ - Новгородец с Первой Мировой 8

ЭХО

Виола ГУЩИНА, Борис ГУЩИН - Рука не поднялась на красоту 11

Татьяна БОГОМОЛОВА - О снабжении хлебом 14

КАФЕДРА

Нинель ДОЙНИКОВА - Поэты «серебряного века» и Новгородский край 17

Геннадий КОВАЛЕНКО - Новгородские студенты
Петербургского академического университета 21

EXLIBRIS

Владимир ЯДРЫШНИКОВ - Книга, которая стала событием 24

Наталья МОРЫЛЕВА - Для тех, кому дорог Новгород 27

ПЕРО

Каари УТРИО - Битва на реке Шелонь 29

СЛОВО

Сергей МАНТЕЙФЕЛЬ - Воскресенское 33

КОЛОКОЛА

Ирина САВИНОВА - Фортепианный концерт
для доктора Даля (пьеса в 4-х действиях) 41

АРХИВ

Людмила ПЕТРОВА - Листая страницы прошлого:
Из истории Старорусской центральной
городской библиотеки имени Ф.М. Достоевского 56

Владимир ТЮРИН - «Все совдепы не сдвинут армий,
если марш не дадут музыканты» 62

Сергей ВИТУШКИН - «Война нас гнула и косила» 67

ИМЕНА

Людмила ПОДОБЕД - Аничковы 80

Наталья КУЗЬМИЧЁВА - Выпускница Новгородского училища 87

Юрий МАРКИТАНОВ - Редкий юбилей или
один день из жизни Кречевицких Казарм 89

МАСТЕРА

Владимир ЯРЫШ - «Каков инструмент, таков и мастер» 93

Ульрих МОРГЕНШТЕРН - Нам это интересно 96

ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ

Тамара СИГАЛОВА - GUTEN MORGEN, ГЕРМАНИЯ 100

СТЁЖКИ-ДОРОЖКИ

Юрий БОЛЬШАКОВ - Шагнуть навстречу красоте 102

ЗЫБКА

Тамара СИГАЛОВА - Стихи 107

ВЕРНИСАЖ

Анатолий МИЩЕНКО - Пейзажи Новгорода 108

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор
Тамара СИГАЛОВА

Леонид БАРАНОВСКИЙ
Валерий БОЛЬШАКОВ
Марина БУРЬЯК
Сергей ВИТУШКИН
Анатолий ДОНЧЕНКО
Виктор ДУДКИН
Татьяна ЗОЗУЛЕНКО
Геннадий ИГНАТЬЕВ
Вячеслав ИЩЕНКО
Геннадий КОВАЛЕНКО
Наталья МОРЫЛЕВА
Людмила ПЕТРОВА
Владимир ПОВЕТКИН
Эдуард РАНЕНКО
Ирина САВИНОВА
Наталья САУКОВА
Людмила СЕКРЕТАРЬ
Владимир ТЮРИН
Владимир ЯДРЫШНИКОВ
Владимир ЯРЫШ

Валерий ВАСИЛЬЕВ, Владимир СЕВЕРИНОВ

НАЗВАНИЯ УЛИЦ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА (Торговая сторона)

Предлагаемый авторами очерк является второй частью комментария к названиям улиц Новгорода X–XV веков. Первая часть — улицы Софийской стороны — была опубликована ранее¹.

Исследования в области топонимии столь сложного административно-территориального, политического, культурного образования, как средневековый Новгород, носят комплексный характер. Они находятся на стыке исторического и лингвистического изучения, что требует совместной работы историка и филолога. Выводы, полученные в ходе такого исследования, не претендуя на законченность, могут послужить надежной базой для дальнейших историко-археологических и лингвистических изысканий.

Специальных работ, посвященных средневековой топонимии Новгорода, немного. В разное время Е. Болховитинов, Н.Н. Муравьев, Н.И. Костомаров, Б.А. Рыбаков, С.Н. Орлов и другие исследователи, касаясь вопросов городской топографии, предлагали свои толкования названий новгородских улиц, имевшие чаще косвенный характер, и не задавались целью представить цельный лингвистический анализ всего комплекса². Отдельные древние названия улиц получили объяснение в трудах новгородского диалектолога В.П. Строговой³. Интересную классификацию предложил М.Х. Алешковский, вычленив несколько групп улиц по однородным признакам, заложенным в топониме (наименование церкви, форма и направление улицы, этническое имя первопоселенцев, патрональное имя главы общины или ремесленная специализация уличан)⁴. К наиболее архаичной группе историк отнес названия, сохранившие патронимическое имя, к самой поздней группе — названия, связанные с ремесленным производством.

Впрочем, М.Х. Алешковский, рассматривая названия улиц, решал в основном вопросы собственно исторического характера, связанные с формированием городской территории. Используя элементы разработанной им классификации, предлагаем историко-лингвистический комментарий к названиям улиц Торговой стороны древнего Новгорода. Подавляющее большинство их упоминается либо в связи с пожарами, либо по поводу строительства церкви. Это, естественно, не означает необходимости хронологического соответствия между первым упоминанием улицы и ее возникновением.

В качестве опорного плана взят план Новгорода X–XIV веков, составленный В.Л. Яниным и Б.А. Колчиным⁵, в ко-

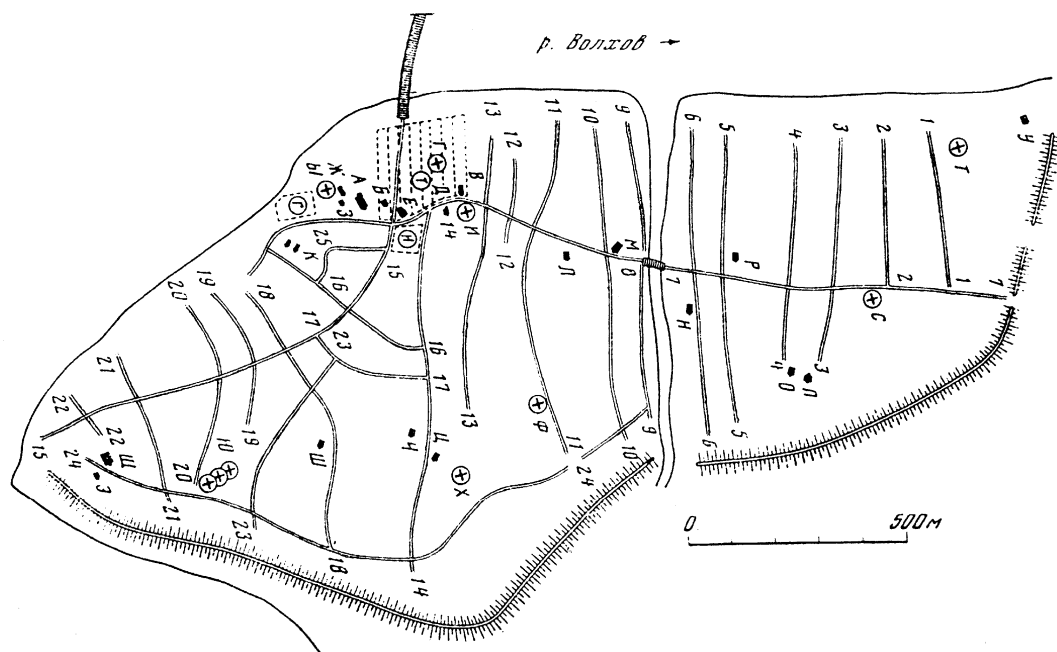
тором учитываются лишь улицы, указанные ранними новгородскими источниками. Улицы Торговой стороны перечисляются нами последовательно с севера на юг.

Конюхова улица. Упоминается в Новгородской первой летописи (далее также — НПЛ), в связи с пожаром, под 1442 г.⁶ Наименование связано с родом занятий насельников улицы, будучи производным от *конюх*, *конюхи*; суффикс *-ов-* имеет относительное значение, раскрывающее принадлежность не конкретному лицу, а всей социальной категории.

Щитная улица. Отмечается в НПЛ с 1417 г.: «...Святыи Андреи на Щитной улице...»⁷. Связь со словом *щит* несомненна, хотя и не объясняет с полной определенностью мотива именования. Вероятнее всего предположить номинацию по роду занятий ремесленников-кузнецов, занимавшихся изготовлением воинского снаряжения, в том числе щитов. Составители справочного аппарата НПЛ идентифицируют *Щитную* улицу со *Щетинницей*, названием, зафиксированным в Новгородской второй летописи под 1165 г.: «Того же лета поставиша церковь Святои Троицы на Щетиннице...»⁸. Такое отождествление небесспорно, нуждается в историческом обосновании. Лингвистически преобразование *Щетинницы* в *Щитную* возможно только на путях незакономерного, вторичного переосмысления названия, что могло быть обусловлено опять же родом занятий уличан.

Молотковская улица. В НПЛ название не отражено, в Новгородских второй и третьей летописях упоминается топоним *Молотково* безотносительно к улице: под 1199 г. — «Молотково дѣвичь монастырь»; под 1363 г. — «... И подписана бысть церковь святыа Богородица на Молоткове...»; в 1379 г. — «... В Плотинскомъ концѣ, на Молотковѣ...»⁹. Как *Молоткова* улица отмечена лишь Писцовыми книгами Леонтия Аксакова в конце XVI века¹⁰. Таким образом, название улицы выглядит вторичным, производным от *Молотково* — наименования местности в Плотницком конце. Топоним явно соотносится с *молоток*, *молотки*, суффикс *-ов-* несет не индивидуально-притяжательный, а относительный смысл. Предполагаем название *Молотково* от возможного коллективного прозвища ремесленников, занимающихся кузнечным делом.

Маницына улица¹¹. Притяжательное прилагательное от *Маница*, личного женского имени, — наиболее приемлемая точка зрения. *Маница* (*Ма-н-иц-а*) — гипокористи-

План Торговой стороны X-XIV вв. (по Б.А. Колчину и В.Л. Янину)

Улицы Торговой стороны: 1 - Конюхова; 2 - Щитная; 3 - Молотковская; 4 - Маницына; 5 - Никитина; 6 - Федорова; 7 - Плотенская пробойная; 8 - Пробойная; 9 - Коржева; 10 - Славкова; 11 - Рогатица; 12 - Буяна; 13 - Лубяница; 14 - Ильина; 15 - Славная; 16 - Витков переулоч; 17 - Дубошин переулоч; 18 - Нутная; 19 - Варецкая; 20 - Воскресенская; 21 - Кироивановская; 22 - Кончанская; 23 - Бардова; 24 - Загородская; 25 - Михайлова

ческий (неофициальный) вариант имени *Мария* либо, что менее вероятно, редких имен *Манефа*, *Манна*. Женские имена с суффиксом *-иц-* типа *Маница*, *Ульяница*, *Шурица*, *Милица* и другие известны в древних памятниках и в современных славянских языках. Возникает вопрос: не связано ли название *Маницыной* улицы с наименованием расположенной при ней церкви Рождества Богородицы на Михалище? Образ Богородицы Марии вызывал в народе умильные чувства. Богородица характеризовалась ласкательным эпитетом «матушка», и не исключено, что могла фигурировать в народной речи под ласкательным именем *Маница*. В таком случае *Маницыну* улицу следует отнести к церковным наименованиям.

Б.А. Рыбаков предполагает, что каменная церковь Рождества Богородицы в Новгороде, поставленная в конце XII века (возможно, на месте более старой деревянной), построена в честь Макоши, языческой богини, матери урожая, плодородия¹². Могла ли под именем *Маницы* в раннем христианском сознании, проникнутом двоеверием, выступать не христианская *Ма-рия*, а языческая *Ма-кошь* (ср. переключку слогов) — утверждать очень гипотетично. Но исключить возможность такого преобразования, подобного отождествлению имен *Волос* — *Власий*, нельзя.

Никитина (Микитина) улица¹³. В НПЛ впервые упоминается под 1386 г. Несомненно, наименована по христианскому храму св. *Никиты*, связанному с этой улицей. Церковь св. *Никиты* известна с 1368 г.¹⁴

Федорова улица¹⁵. Указана в НПЛ под 1360 годом в связи со строительством на ней церкви св. *Федора*. Как и целый ряд новгородских улиц (*Никитина*, *Павлова*, *Луки-*

на и другие), отражает название христианского храма.

Плотенская пробойная и Пробойная улицы¹⁶. Первая проходила к северу от Федоровского ручья в *Плотницком* конце (отсюда — *Плотенская*); вторая, несколько криволинейной конфигурации, в силу исторически сложившейся городской топографии, тянулась от ручья в *Славенский* конец и заканчивалась южнее Готского двора. *Пробойные* улицы «пробивали» параллельные (или почти параллельные) улицы, шедшие «от реки в поле». Улицы этого типа (к ним относятся *Великая* и *Славная*) не образовывали уличанских общин, не участвовали в политической жизни города и поэтому практически не упоминаются в источниках.

Коржева (Коржова) улица¹⁷. Название трактуется неоднозначно. Допустимо возводить к *Корж* — возможно-му древнерусскому прозвищу сухого, заморенного или уродливого, безобразного лицом человека (ср. в диалектах слово *коржавый* «заморенный, неказистый, недорослый и вялый человек»¹⁸, производное, по мнению М. Фасмера, от *корж*¹⁹); сюда же севернорусск. *коржавище*, *коржевище* «уродина, урод, безобразный человек, противный лицом»²⁰. Однако толкование названия может быть иным, если учесть топографию улицы, которая проходила вдоль левого берега Федоровского ручья, видимо, по сырой, заболоченной его долине, т.е. по *коржавке* — «ржавому болоту, мочажине с болотной железной рудой»²¹. В северных областях *коржаветь*, *коржеветь* — «покрываться нечистой, осадком или ржавчиной», *коржить* — «вонять, смердеть»²². Версию, по которой *Коржева* улица истолковывается как «улица по болоту, вдоль болота», считаем приоритетной. Смущает

отсутствие в письменных памятниках варианта с суффиксом *-ав-* (*Коржава*), поскольку именно данный суффикс обычно сопровождает корень *-рж-* (из *-rǫdj-*), характеризующий ржавчину; ср. его наличие в словах *ржавый, ржавец, коржава* и др. Вероятно, после изменения гидрографической ситуации название улицы постепенно перестало соотноситься с указанными словами и оно было переосмыслено в ряду притяжательных наименований с суффиксом *-ов/-ев-* по типу соседних *Славковой, Федоровой* и других улиц.

Славкова улица²³. Впервые упоминается в 1261 г. Название происходит от имени *Славко*. Компонент *слав-* присутствовал в значительном количестве дохристианских личных имен, преимущественно в постпозиции: *Вячеслав, Жирослав* и т.д. Однако в древненовгородском диалекте «почти всегда... отбрасывалась только конечная часть» имен²⁴. Поэтому *Славко* — скорее усечение двухосновного имени с начальным *слав-* типа *Славонег, Славомир* и им подобных.

Рогатица (Рогатея, Рогатая) улица²⁵. Известна с 1183 г., когда «постависта църковь святого Еупатия Радъко с братомъ на Рогатеи улицы». Название, несомненно, связано с формой улицы (изогнутая в виде рога); по типу словообразования — семантический конденсат (стяжение словосочетания). Смысловую и деривационную аналогии видим в названии *Рогавка*, относящемся к переулку на Софийской стороне.

Буяна(Бояня, Буяня, Бояня, Боянова) улица²⁶. Одним из первых Н.Н. Муравьев отметил, что «улочка Бояня любопытно напоминает о имени Бояня» (из «Слова о полку Игореве» — прим авт.)²⁷. Толкование названия не может быть определено однозначным хотя бы в силу того, что в древнерусскую эпоху функционировали параллельно два разных по происхождению, но фонетически сходных личных имени — *Боян* (родственное слову *бояться*) и *Буян* (родственное слову *буйный*). Из-за фонетического сходства эти имена могли осмысляться одно через другое, что отразилось в наборе вариантов названия улицы с «о» или с «у». Следует учесть также топографический фактор: *Буяна* улица проходила по всхолмлению, возвышенной местности, которая в древности называлась *Буювище* (ср. диал. новгородск. *буй, буювище* — «высокое открытое место, холм»²⁸, древнерусск. *буян* «холм»²⁹). Поэтому в названии *Буяна* допустимо подозревать и топографическую номинацию: «улица на холме, возвышенная улица» (если в слове *буяна* видеть краткое прилагательное, в памятниках не зафиксированное). Однако более вероятным следует признать другое мнение. Самая ранняя фиксация названия этой улицы в письменности — в НПЛ под 1300 г. — такова: «Того же лѣта срубиша 4 церкви: святѣя Богородица в монастыри въ Звѣринци, и святого Лазоря, и святого Дмитрия на Бояни улкъ...»³⁰. В данном фрагменте вариант *Бояня*, представляющий собой притяжательное прилагательное от личного имени *Боян*, как самый ранний, и должен быть принят за исходный, все же остальные варианты будут его модификациями, имеющими, впрочем, свое объяснение. Дохристианское мирское имя *Боян* в древнем Новгороде пользовалось популярностью, о чем свидетельствуют его неоднок-

ратные фиксации в берестяных грамотах, по крайней мере в трех из них³¹.

Древнерусское имя *Боян* к XV веку постепенно выходит из обращения, а название *Бояня* улица, оставшись без поддержки антропонима, переосмысливается и соотносится как с личным именем *Буян*, продолжающим активно употребляться и в XVI веке³², так и с нарицательным диалектным *буй, буян* в значении «холм»³³.

В заключение необходимо отметить еще точку зрения, Е. Болховитинова, который полагал, что название *Буяной* улицы указывало на существование пристани (см. и в словаре В.И. Даля *буян* «исады, пристань речная, место выгрузки товаров», т. 1, с. 138), а также мнение В.С. Передольского, согласно которому названия *Буяна, Буювище* отражают место старого церковного кладбища³⁴ (см. у Даля *буйвище* «погост, место, где стоит церковь (обычно на возвышенности), место внутри ограды церковной; кладбище, могилки», т. 1, с. 139).

Лубяница (Любяница, Лубяница, Лубянка, Лубяная) улица³⁵. Впервые указывается под 1196 г. Название отражает весьма распространенное занятие средневекового горожанина — изготовление и продажу луба и лубяных изделий. Тождественные «ремесленные» названия улиц имеются во многих городах, самое известное из них — улица *Лубянка* в Москве. По типу деривации, как и *Рогатица, Рогавка*, является семантическим конденсатом.

Ильина улица³⁶. Название, безусловно, возводится к полному каноническому имени *Илья*. В НПЛ под 1105 г. указана церковь св. Ильи («...И погореша хороми отъ ручия, мимо Славно, до святого Илие»), но находилась ли она на *Ильиной* улице (что, кстати, склонны предполагать авторы комментария к НПЛ³⁷) и обусловила тем самым ее название? Наблюдения показывают, что упомянутая в НПЛ церковь все-таки стояла в другом месте, с нею следует соотносить храм Ильи на Холме (Ильи на Славне). Ряд исследователей отмечал, что церковь Ильи на *Ильиной* улице по источникам вообще неизвестна³⁸. Непосредственно улица *Ильина* встречается в летописи лишь с 1311 г. Как же объяснить ее название?

М.Х. Алешковский предположил, что название *Ильина* может быть связано с патрональным именем главы общины³⁹. Однако археологические исследования на Ильинском раскопе позволяют говорить о том, что местная уличанская община изначально формировалась как соседская, а не родовая.

Напрашивается другое — достаточно логичное, но довольно парадоксальное решение. С *Ильиной* улицей связан один из известнейших эпизодов новгородской истории. Из «Жития святого Иоанна Новгородского» узнаем, что в 1170 г. князь суздальский, Роман, «с семьюдесятью двумя князьями земли русской» осадил город, и «горожане, увидев большое число осаждавших, упали духом; силы их истощились, сильно скорбели и смущались они, ниоткуда не ожидали помощи, — только у Бога просили милости...»⁴⁰. Во время непрерывной молитвы архиепископ новгородский Илья (Иоанн) услышал глас, который внушал ему идти в Спасо-Преображенскую церковь, взять икону Знамение

Божией матери и «нести ее на забрала града для отражения врагов». Образ Пречистой Богородицы спас Новгород и стал самой почитаемой реликвией в городе.

Церковь Спаса Преображения находилась на улице, которую с 1311 г. летопись называет *Ильиной*. Непосредственное участие архиепископа Ильи в этих событиях несомненно и очень велико. Как повествует «Житие...», никто из посланных им первоначально людей не смог даже сдвинуть икону с места. И только когда пришел сам святитель и начал молебен, «внезапно честная икона Пречистой Богородицы двинулась сама собой». Вся процессия во главе с Ильей с пением пошла по Ильиной улице к городской стене.

Могло ли имя Ильи закрепиться в названии улицы сыгравшей столь важную роль в разгроме суздальцев? С одной стороны, на Руси не были приняты официальные мемориальные наименования, с другой — князья, например, оставляли память о себе в названиях городов *Владимир*, *Ярославль* и других. Думается, что неофициальная народная традиция в период, когда каждый новгородец знал и помнил о столь значительном событии, могла закрепить имя архиепископа Ильи в названии улицы. Более того, Илья был одним из самых почитаемых новгородских святителей, с его жизнью связан ряд эпизодов, прочно вошедших в новгородский средневековый эпос.

Славная (Славенская) улица⁴¹. Выполняла вспомогательные функции «пробойной» улицы в Славенском конце, в этой связи она почти не упоминается в источниках. В летописи впервые встречается под 1572 г. Наименование явно топографическое: по названию района *Славно*. Принято думать, что *Славно* — это древнее славянское поселение, одно из трех протогородских поселений, образовавшихся впоследствии Новгород⁴². Однако недавно появилась иная концепция, согласно которой топоним *Славно* не соотносится с корнем древнего этнонима *словене*⁴³.

Виткова улица (или **Витков** переулок)⁴⁴. По летописям известна с 1353 г. В «Уставе о мостех» упомянуты и *виктовцы* (из *витковцы*) — жители улицы. Полагаем, название происходит от древнерусского усеченного имени *Витко*. В древнем Новгороде зафиксированы имена с начальным *вит-*: *Витослав* (ср. топоним *Витославлицы*) или *Витовт* (в частности, известно имя новгородского крестьянина XV в. — *Якуш Витовтов*⁴⁵). По мнению М.Х. Алешковского, название соотносится с *витья*, *извиваться*, отражая криволинейность улицы (как и *Рогавка*, *Рогатица*)⁴⁶. Однако думается, что связь с глагольными образованиями от *вити* маловероятна, так как следовало бы ожидать другой морфологический тип имени, скажем, *Витная*. По В.А. Бурову, улица наименована по ручью с возможным названием *Витка*, некогда протекавшему по Торговой стороне. При этом учитывается, что вообще «название Витка — типичное наименование речки на Новгородчине»⁴⁷.

Дубошин переулок⁴⁸. Название восходит к дохристианскому (некрестильному) мужскому имени *Дубоша*, связанному со словом *дуб*. Сходное с ним имя *Дубоня* (новгородский крестьянин 1571 г.) приведено в «Ономастиконе» С.Б. Веселовского⁴⁹.

Нутная улица⁵⁰. Впервые упоминается в НПЛ под 1194

г., когда «...поставиша церковь святого апостола Филипа на Нутнѣй улицы». Восходит к древнерусскому прилагательному *нутный*, образованному от *нута* — «крупный рогатый скот»⁵¹; сюда же *нутник* — «торговец рогатым скотом». А.И. Семенов, а позднее В.П. Строгова отмечали, что улица по своему расположению примыкала к новгородскому торгу и, видимо, была прогонной для скота⁵². В.А. Буров считает, что «на месте Нутной улицы ранее располагалось пастбище, на котором выпасался крупный рогатый скот, принадлежавший жителям первоначального поселения»⁵³. В.Л. Янин связывает название улицы с *нутарями* — сборщиками таможенных пошлин, так как начиналась она у самых пристаней на Волхове⁵⁴.

Столь широкий подход позволяет осторожно предложить еще одно толкование. В.И. Даль, наряду с другими, дает и такое значение слова *нута* «застава на воде, наплавная бревенчатая плавающая цепь... для удержки сплавного леса»⁵⁵. Археологические исследования на Нутном раскопе позволяют утверждать, что улица существует со второй половины XI века. По всей вероятности, городской Торг до конца 10-х гг. XII века находился на левом берегу Волхова. Следовательно, правобережье в районе *Нутной* улицы во второй половине X — начале XI веков было свободно, здесь не требовались еще *нутари*, и оно вполне годилось для устройства затонов, в которых удерживался сплавляемый лес. Тем более, что дальше уже находился городской мост. Извлеченные из Волхова бревна, возможно, начинали свой путь к месту использования именно по *Нутной* улице. Позже расширение Детинца в 1116 г. и перенесение Торга на правобережье привели к перестройке всего городского организма. При этом *Нутная* улица утратила свои прежние функции.

Варецкая (Вареская, Варежская, Варяжская) улица⁵⁶. По НПЛ известна с 1272 г. Название объяснено еще самим летописцем в известной записи под 1014 г.: «Ярослав же посла за море и приведе Варягъ, бояся отца своего... и того ради Великая Варежская улица словеть, понеже ту Варяги стояли...». Подобным образом трактуют *Варяжскую* улицу и большинство исследователей. М.Х. Алешковский считал, что «Варяжская улица, расположенная в самом центре Славенского конца, может быть связана с Варяжским контингентом»⁵⁷. А.И. Семенов связывал *Варяжскую* улицу с древним Готским двором⁵⁸. В лингвистическом плане интересно развитие вариантов: *Варежская* > *Вареская* > *Варецкая*, что свидетельствует, во-первых, о забвении слова *варяг* в народной речи и, во-вторых, о проявлении древнепсковской и древненовгородской фонетической черты — смещения мягких свистящих и шипящих [ж/з — ш/с].

Воскресенская улица⁵⁹. Название получила по приходской церкви *Воскресения* близ Павлова монастыря.

Кириовановская (Кириованская) улица⁶⁰. Название указывает на имена двух святых мучеников *Кира* и *Ивана*, всегда поминаемых вместе, подобно *Борису* и *Глебу*, *Козьме* и *Демьяну*, *Фролу* и *Лавру* и т. д. Церковь св. Кира и Ивана по источникам не прослеживается, но по «Семисоборной росписи» хорошо известен придел св. Кира и Ива-

на в церкви Ильи на Славне, в непосредственной близости от самой улицы. В НПЛ упоминается *Килова* улица⁶¹, в чем следует видеть ошибку писца и читать *Кирова* или *Кироу-ванская*, на что указывал еще Н.Н. Муравьев⁶².

Кончанская улица⁶³. Крайняя улица Славянского конца, находящаяся близ вала Окольного города. С точки зрения деривации, название восходит не к слову *конец* – «самоуправляющийся район города», а к слову *коньчани* – «жители, поселившиеся на краю города, поселения, слободы»⁶⁴.

Бардова (Бордова) улица⁶⁵. Название передает личное имя *Бард* или *Борд*, в русской письменности как будто не известное. Предполагаем усечение древнескандинавского двухосновного имени со вторым элементом *-бард/-борд-* (типа *Ингеборд* и других), либо христианского канонического *Бардуниан*, отмеченного в древних церковных календарях, но не вошедшего в официальные святцы в конце XIX века.

Загородская улица⁶⁶. Название указывает на местоположение улицы, которая проходила в основном позади городских построек – вдоль вала Окольного города.

Михайлова улица⁶⁷. Названа по *Михайлоархангельской* церкви, находившейся близ Гутского двора. В «Уставе о

мостех» упоминаются также *михайловцы* – жители *Михайловой* улицы⁶⁸.

Иворова улица⁶⁹ (отсутствует на плане). Относится к числу улиц, передающих имена предположительно древнескандинавского происхождения (*Бардова*, *Хревкова*). Название *Иворова* восходит к личному имени *Ивор*, встречающемуся в новгородской письменности, зафиксированному и в договоре русов с греками 944 г. *Ивор*, очевидно, новгородская переделка варяжского имени *Ingvar* («Молодой»), вошедшего в современный русский антропонимикон в ином фонетическом «обличье» – *Игорь*.

Павлова улица⁷⁰. Отсутствует на плане, поскольку упоминается лишь с XV в. (1423 г.) Названа по *Павлову* монастырю, к которому примыкала.

За рамками исследования остались *Воронья*, *Петровская*, *Болотная*, *Готовская* улицы, *Железная*, *Коровья* улки, *Немецкий*, *Водяной*, *Отцовский* переулки, *Окольный* заулк и некоторые другие. Они известны лишь по Писцовым книгам конца XVI века. В большинстве случаев они лингвистически «прозрачны» и требуют только исторического комментария.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Васильев В.Л., Северинов В.Д. Названия улиц древнего Новгорода (Софийская сторона) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1999. С.192–208.

² Болховитинов Е. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808; Муравьев Н.Н. Исторические исследования о древностях Новгорода. СПб., 1828; Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. СПб., 1863. Т.2; Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1988; Орлов С.Н. К топографии Новгорода X–XVII вв. // Новгород. К 1100-летию города. М., 1964. С. 264–285.

³ Строгова В.П. Древние топонимы Новгорода и его окрестностей. Новгород, 1993; Строгова В.П. Названия улиц древнего Новгорода (По материалам летописей) // Новгород в культуре Древней Руси. Новгород, 1995. С. 84–88.

⁴ Алешковский М.Х. Социальные основы формирования территории Новгорода IX–XV вв. // СА, 1974. № 3. С. 101–103.

⁵ Древняя Русь: город, замок, село. М., 1985. С. 123–124.

⁶ НПЛ. С. 423, 464; упомянута также: Новгородские летописи. СПб., 1879 (далее – НЛ). С. 272; Майков В.В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911 (далее – ПК). С. 221.

⁷ НПЛ. С. 407. Также отмечена в НПЛ. С. 423, 463; НЛ. С. 9, 64, 85, 124, 129, 257, 272, 313, 326.

⁸ НЛ. С. 9.

⁹ НЛ. С. 34, 198, 243.

¹⁰ ПК. С. 220, 221, 260.

¹¹ НЛ. С. 462.

¹² Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1988. С. 277.

¹³ НПЛ. С. 380, 384, 423, 460, 464; НЛ. С. 65, 79, 100, 101, 103, 104, 108, 109, 113, 116, 117, 121, 128, 242, 247, 250, 272, 313, 334; ПК. С.

56, 68, 126, 129, 220, 222, 227.

¹⁴ НПЛ. С. 370.

¹⁵ НПЛ. С. 367; НЛ. С. 34, 235, 243.

¹⁶ О существовании Пробойных улиц известно отчасти по летописям, а также по Писцовым и Лавочным книгам. (Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. Изд. РАНИОН, М., 1930). Наличие их подтверждается также многолетними археологическими наблюдениями за строительными работами в городе.

¹⁷ НЛ. С. 382, 386.

¹⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Т. II. С. 164.

¹⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986. Т. II. С. 326.

²⁰ Даль В. И. Указ. соч. Т. II. С. 164.

²¹ Там же. С. 164.

²² Там же. С. 164.

²³ НПЛ. С. 83, 97, 311, 340, 377–379, 397, 458; НЛ. С. 36, 37, 53, 64, 70, 81, 92, 112, 243,

252, 312, 351, 386; ПК. С. 220.

²⁴ Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М., 1986. С.148.

²⁵ НПЛ. С. 37, 93, 227, 323, 334, 340, 364, 371, 397, 407, 455, 458; НЛ. С. 10, 42, 76, 79, 81, 92, 120, 194, 238, 252, 381; ПК. С. 174, 218; Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949. С.175, 181.

²⁶ НПЛ. С. 91, 97, 340, 458; НЛ. С. 84, 97, 127, 327, 335, 381; ПК. С. 114 (Буянка малая).

²⁷ Муравьев Н.Н. Указ. соч. С. 39.

²⁸ Новгородский областной словарь. Вып. 1. Новгород, 1992. С. 96–97.

²⁹ Словарь русского языка XI–XVII вв. (далее — Сл. РЯ). Вып. 1. М., 1975.

³⁰ НПЛ. С. 91.

³¹ Янин В.Л., Зализняк А.А. Указ. соч. С. 267.

³² Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974. С. 59.

³³ Следует отметить, что недалеко от улиц Рогатица и Буяна существовало Буянское болото, зафиксированное в купчей грамоте середины XV века (см.: Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949. С.175–176). Вероятно, этот топоним связан не с названием улицы, а с названием местности, которая в XV веке называлась Буюевище или Буянь.

³⁴ «Новгородская улица Буяна знаменита издревле потому, что к ней на берег приставали все торговые иностранные суда и на ней сгружали товары. По имени сей улицы в Петербурге, в Астрахани, в Архангельске и в других Российских портах места, где бывает выгрузка товаров, прозваны Буянами». (Е.Болховитинов. Указ. соч. С.30). В.С. Передольский считал, что на месте «буюевища» находилось кладбище немецкой церкви св. Петра. (Передольский В.С. Новгородские древности. Новгород, 1898. С. 288).

³⁵ НПЛ. С. 42, 50, 67, 73, 99, 235, 247, 284, 342, 393, 397, 401, 415, 464; НЛ. С. 12, 15, 32, 51, 59, 124, 197, 201, 233, 234, 252, 267, 272, 321, 381, 387; ПК. С. 222, 226.

³⁶ НПЛ. С. 93, 99, 334, 342, 364, 371, 385; НЛ. С. 32, 35, 70, 76, 93, 97, 103, 104, 117, 121, 153, 161, 193, 219, 233, 240, 243, 245, 253, 380, 382.

³⁷ НПЛ. С. 19, 602.

³⁸ Например: Алешковский М.Х. Указ. соч. С.102.

³⁹ Там же. С. 101.

⁴⁰ Житие святого Иоанна Новгородского // Избранные жития русских святых X–XV вв. М., 1992. С. 144.

⁴¹ ПК. С. 237, 244, 245.

⁴² Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). // История СССР. 1971. № 2. С. 32–54.

⁴³ «Форма прилагательного Славно подразумевает, что оно относилось к утраченному в живой речи существительному. Таким словом в конкретных условиях новгородского предградья могло быть, вероятно, «место» в неопределенном значении — поле, открытое место и т. д.... Что стало началом первоначального понятия «Славно мѣсто» — установить пока не удастся: 1) поле или открытая местность... но чем-то прославленное; 2) первые знаменитые, избранные его поселенцы». (Свердлов М.Б. О названии новгородского Славенского конца // НИС №7 (17). СПб., 1999. С. 15–17).

⁴⁴ НЛ. С. 136, 235, 275, 382, 464; ПК. С. 218, 221, 239, 240, 243 — 245, 254.

⁴⁵ Веселовский С.Б. Указ. соч. С.68.

⁴⁶ Алешковский М.Х. Указ. соч. С. 101.

⁴⁷ На Новгородчине известны речки: Витка — приток Чернеца, Витка в юго-восточной части бассейна оз. Ильмень, Витка на правом берегу Волхова к северу от вала Окольного города и др. «Отсюда... наименование Виткова переулка происходит от ручья, некогда протекавшего на Торговой стороне... Ручей назывался... Витка. (Буров В.А. Очерки истории и археологии средневекового Новгорода.

М., 1994. С. 78).

⁴⁸ ПК. С. 218, 226, 239, 240.

⁴⁹ Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 102.

⁵⁰ НПЛ. С. 41, 80, 234, 307, 359, 371, 379, 380, 403, 453; НЛ. С. 12, 31, 36, 70, 78, 196, 221, 238, 244; ПК. С. 218, 222, 245, 246, 250, 254, 255.

⁵¹ Сл. РЯ. Вып. 11. М., 1986. С. 448–449.

⁵² «Ее название соответствует ее назначению... Таможенная грамота 1571 г. отмечает «а гонити нутником корови на продажу к Ивану св. на Опоки». Очевидно здесь имеются в виду не жители Нутной улицы, а погонщики скота». (Семенов А.И. Топография южной части Славенского конца Новгорода. // НИС №9. Новгород, 1959. С. 68); Строгова В.П. Древние топонимы... С.29–30; Строгова В.П. Названия улиц... С. 84.

⁵³ Буров В.А. Указ. соч. С. 78.

⁵⁴ Янин В.Л. Память о первостроителях Новгорода // Новгородская правда. 14 февраля 1989 г.

⁵⁵ Даль В.И. Указ. соч. Т. II. С. 560.

⁵⁶ НПЛ. С. 90, 329; ПК. С. 217, 222, 260, 261, 263, 264, 266–268.

⁵⁷ Алешковский М.Х. Указ. соч. С. 102.

⁵⁸ Семенов А.И. Указ. соч. С. 68.

⁵⁹ ПК. С. 190, 192, 193, 195.

⁶⁰ ПК. С. 222, 273.

⁶¹ НПЛ. С. 371.

⁶² Муравьев Н.Н. Указ. соч. С. 45.

⁶³ Известна по опубликованной Е.Болховитиновым «Нарядной описи Новгорода 1623 г.». (см.: Болховитинов Е. Указ. соч.)

⁶⁴ Даль В.И. Указ. соч. Т. II. С. 151.

⁶⁵ НПЛ. С. 418, 508; НЛ. С. 105; ПК. С. 255, 275.

⁶⁶ НЛ. С. 92, 96, 117, 382; ПК. С. 266.

⁶⁷ НПЛ. С. 44, 91, 330, 368, 374, 380; НЛ. С. 13, 25, 70, 194, 195, 212, 235, 275; ПК. С. 221, 236–238.

⁶⁸ НПЛ. С. 508.

⁶⁹ НПЛ. С. 380; НЛ. С. 70, 76, 191, 247, 321, 351.

⁷⁰ НЛ. С. 107, 267, 324.

Алексей ПШАНСКИЙ

НОВГОРОДЕЦ С ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

«Нет ничего более живучего, чем воспоминания», — сказал Лорка. А воспоминания — вещь сугубо личная, даже интимная. И все же, когда они касаются предметов общественно-значимых, то обретают характер мемуаров и исключительно личными быть перестают. Прелесть этих воспоминаний в том, что они полны жизни. То, что для нас является бесстрастной историей, для свидетелей и участников этой истории имеет свою мелодию, свой вкус, цвет, — неповторимый аромат времени. И, как известно, воспоминания далекие куда как ярче и отчетливее, нежели недавние впечатления.

Собеседника моего можно было бы назвать не то что старожилом Новгорода, а новгородцем с рекордным стажем. Приехав сюда трехлетним младенцем в год начала Первой мировой, он так здесь на всю жизнь и остался. Правда, в годы войны жизнь его, конечно, помотала — и по Союзу, и по Европе. Но и война оставила в его биографии яркий новгородский след.

*Он прожил удивительно интересную и содержательную жизнь. Встречался в свое время и с генералом Власовым, и с последним румынским царем Михаем I, и с прокурором Вышинским. Однако сегодня мы не будем отвлекаться на посторонние (хотя и интереснейшие) предметы и поговорим о Великом Новгороде. С человеком, который знает и любит этого город и живет в нем уже 87 лет: с **Абрамом Михайловичем Шапиро**.*

ЛИПОВЫЕ КОЛОННЫ ДОМА СОВЕТОВ

Познакомился я с Абрамом Михайловичем по телефону. Он тогда стал победителем одного из наших конкурсов, и требовалось что-то уточнить по его ответу. А за ответом этим чувствовалось прекрасное знание города. Поэтому, выяснив всё, что нужно было по конкурсу, решился задать один из давно интересовавших меня вопросов:

— Знаете ли вы что-нибудь о памятнике Сталину в Новгороде?

— Конечно. У меня и фотография есть. Приходите.

И вот я у Абрама Михайловича. Передо мной — альбом с большими, профессионально сделанными фотографиями Новгорода 1950-х.

— Вот, смотрите, здесь такие пароходы ходили: «Калинин», «Коммунар», «Заря», — поясняет хозяин. — Тогда движение по Волхову было — как теперь по оживленной трассе... вот «американец», такие у Марка Твена по Миссисипи плавали. Помните песню: «Америка России подарила пароход... ходит он задом наперед»? Это потому «задом наперед», что у него колеса не как у наших, а сзади... Пристань такая вот красивая была... А вот и интересующий вас памятник Сталину.

Фотография прекрасная, но памятник в деталях плохо различим, так как снят издали. Зато очень понятно место, где он стоял. А стоял он на территории Кремлевского парка, напротив остановки и Дворца бракосочетания. На том месте, где сегодня возвышается полусферическая конструкция (то ли беседка, то ли грот в абстрактном стиле), которую жители города неофициально именуют «трусами».

— А поставлен был этот памятник году в 1956 или 57-м.

— ???

— Да, представьте себе; именно в эти годы, несмотря на изменившиеся времена. Тогда первым секретарем обкома был Штыков Терентий Фомич — замечательная личность. Хит-

рый мужик, умный, талантливый. И волевой. Если сказал: «Быть посему!» — значит, посему и будет. Сказал, вопреки «общей линии», что памятник Сталину будет в городе стоять — и поставили... Да что там памятник, — вы историю про колонны Дома Советов слышали?

Истории этой я, конечно же, не слышал, и Абрам Михайлович мне её любезно поведал. Оказывается, в те далекие времена первых «хрущевок» и борьбы с архитектурными излишествами затеял Терентий Фомич Штыков Дом Советов в Новгороде строить. Да такой Дом Советов, чтобы красоты был неопишуемой и непременно с колоннами. А колонны, явно идущие вразрез линии партии на упрощение, тогда более всего остального не поощрялись.

Вот приходит к Терентию Фомичу завоблкомхоза Кокорин и говорит:

— Беда, Терентий Фомич: не велит Москва колонны ставить!

А Штыков — знай себе, твердит:

— Хочу, чтобы Дом Советов был с колоннами! Хоть тресни, а колонны чтоб были!

— Никак невозможно, товарищ первый секретарь: Стройбанк отказывается колонны оплачивать...

— А вот ты пойд и придумай что-нибудь, на то ты и завоблкомхоза. Ступай, и без денег на колонны не возвращайся!

Приуныл тут Кокорин, закручинился. Но — делать нечего: Москва — Москвою, а волю первосекретарскую исполнять надобно. Думал он, думал, и наконец — придумал: собрал рабочих-строителей, повелел в короткий срок каркасы соорудить, фанерой их обтянуть и куда следует к Дому Советов прислонить. А что получилось — фотографу приказал сфотографировать. Глядит на фотографию — любитесь: Дом Советов на ней недостроенный, а перед ним — колонны белокаменные.

И отправились с той фотографией в столичный город, к Самому: «Вот, мол, Никита Сергеевич, — денег на колонны не дают, а колонны-то уже стоят! Не ломать же их теперь, не вводить же народ в соблазн архитектурно-строительным расколом партии!» Ну, Сам, понятно, и криком кричал, и матом сквернословил, однако ж бумагу, чтобы деньги выдали, подписал. И построили на те деньги колонны — не фанерные уже, а каменные, настоящие. Терентию Фомичу на радость, а Новгороду на украшение. Сколько уже властей с тех пор в Доме Советов поменялось — сразу и не вспомнишь. А колонны те и поныне стоят...

Подобных историй Абрам Михайлович Шапиро может рассказать великое множество. И знает он их не понаслышке. Тут, для полной Ясности, уместно привести его послевоенный послужной список. Вернувшись из своих странствий по Европе, он был назначен главным инженером жилуправления (хотя жилье, которым ему надлежало управлять, было практически все разрушено, а жители обитали преимущественно в землянках). После пяти лет на этой должности он десять лет заведовал горкомхозом, — а это благоустройство, озеленение, канализация, водопровод, электросеть, парки, гостиницы, бытовые услуги и все такое прочее. Следующие десять лет он возглавлял управление капитального строительства города (это в комментариях не нуждается). Потом целую неделю отдыхал «на пенсии», и — еще 12 лет начальствовал в инспекции архитектурно-строительного контроля. Таким образом, весь процесс превращения послевоенных руин в тот город, в котором мы сегодня живем, прошел на его глазах и при непосредственном его участии. Так что в осведомленности его нет ничего удивительного.

МИРНЫЙ СОН НА ПОРОХОВОЙ БОЧКЕ

— Абрам Михайлович, а про довоенный Новгород могли бы рассказать?

— Конечно. И про военный тоже. Я ведь здесь воевал, был и при создании Волховского фронта, и в момент его ликвидации. И в освобожденный город въехал одним из первых.

— Вы в каких войсках служили?

— Я был лейтенантом связи. Наш водитель тогда рискнул, проскочил на легком «Виллисе» по льду Малого Волховца (Синий мост был разбит), и мы втроем въехали в Новгород по Московскому шоссе. И увидели, что из себя город представляет: одни трубы торчат, кое-где — остатки домов... Подъехали к Путевому дворцу, к бывшему мосту. Мост был взорван. Над самой водой, между искореженными фермами, кто-то положил две доски. По этим фермам да по доскам, хлюпая ногами, мы и перебрались на Софийскую сторону. Заходим в кремль,

смотрим — справа какой-то подполковник в белом полушубке держит лестницу, а наверху этой лестницы солдат здоровенным гвоздем прибивает знамя (сейчас там мемориальная доска). А там откос, скользко, лестницу трудно держать. Подполковник попросил: «Ребята, помогите». Мы помогли. А когда солдат знамя прибил и слез, я спросил (момент-то исторический): «Как хоть твоя фамилия?» И он ответил: то ли Шевцов, то ли Швецов... Специально ведь спросил, чтобы запомнить, а — забыл!

Памятник валялся разобранном. Присутственные места — ни крыши, ни окон: одна коробка выгоревшая. Что-то горело в нынешней филармонии (там у немцев конюшня была), да и в других зданиях. Вышли мы из кремля на площадь — нас автоматчик останавливает: «Дальше нельзя, товарищ лейтенант». Оказывается, у башни Кокуй не успевшая уйти группа немцев — человек 10–12 — отстреливалась.

Часам к пяти навели переправу, остальные войска подошли. Мороз был изрядный, дело к ночи — а ночевать нигде. А у меня старшина был — хваткий парень, продувной: поехали, говорит, в Григорово. Ну что ж — поехали. Там около железной дороги был склад и платформа. Под платформой мы обнаружили отличную землянку. Печку истопили, послушали по радио Левитана, который сказал, что «сегодня освобожден Новгород, крупный

промышленный центр»; выпили за это дело, закусили — и спать легли.

Часа в два ночи слышим — шум, гам, люди какие-то вытаскивают нас из землянки. Оказывается, вокруг нас были авиабомбы складированы. А мы там печку топили... Вот так и провели мы первую мирную ночь в Новгороде, можно сказать, на пороховой бочке.

КОГДА МУЗЫ ГОВОРЯТ — ПУШКИ УМОЛКАЮТ

Причастен оказался Абрам Михайлович и к другому известному эпизоду войны — тоже «новгородскому»: к трагической истории 2-й Ударной. Самого его от плена или гибели в «мешке» спасли ... вражеские «юнkersы». Когда он возвращался из штаба с продовольствием и припасами, в районе Шевелева налетели пикировщики, и бомбой сильно повредило их «полуторку». Покуда с машиной возились, со стороны Мясного Бора послышалась стрельба, разрывы. Это был тот момент, когда немцы ликвидировали узкий коридор, окончательно отрезав 2-ю Ударную от своих. Начался последний акт трагедии...

Много интересного рассказал Абрам Михайлович о Любанской операции. Но одна из его новелл мне особенно запомнилась — своей, можно даже сказать, художественной завершенностью. Несмотря на то, что сочинили её не господа литераторы, а сама жизнь.

Абрам Михайлович ШАПИРО

Под большим жерновом, оставшимся от ветряной мельницы, вырыли тогда земляку связисты, которыми Абрам Михайлович командовал — там и обитали. Днем передвигаться было опасно: бомбежки, обстрелы, да еще и немецкие снайперы охотились на наших солдат (как, впрочем, и наши — на немцев). Покидать укрытия предпочитали по ночам. И однажды — тоже ночью — в эпицентре всего этого ада неожиданно зазвучали ... жизнеутверждающие мелодии Штрауса.

Неподалеку, на «нашей» территории, стояла покинутая деревня, в конце её — полуразрушенная одноэтажная деревянная школа. А в школе — уцелевшее чудом пианино. Кто-то из наших офицеров (так и не узнали, кто) пробирался по ночам в школу и — играл. В ночном воздухе звуки далеко разносятся. И, как только раздавался первый аккорд, прекращалась всякая стрельба: по обе стороны «линии фронта» люди слушали музыку из другой, мирной жизни, не нарушая её плавного звучания ни единым выстрелом.

Было ли это следствием ночных музыкальных упражнений неизвестного пианиста — кто знает, но взаимоотношения между враждующими сторонами стали в корне меняться и днем. Наши солдаты, отчаявшиеся днем выйти к Керести за водой, стали возвращаться живыми и с полными ведрами. А вскоре выходили к реке уже не таясь, — даже портянки стирали. И немцы тоже перестали особенно прятаться, тоже со своей стороны выходили к Керести, громко переговариваясь, без всякого ущерба для здоровья. Не то, чтобы война возле этого сгоревшего села вдруг прекратилась, — постреливали, конечно. Но как-то вяло и не прицельно. Днем непримиримые враги друг другу дарили жизнь, а ночью вместе слушали музыку.

Но — бесконечно такая идиллия продолжаться, естественно, не могла. Вскоре о таком странном повороте военных действий прознал СМЕРШ (или какой-то аналогичный орган): еще только братания с захватчиками не хватало! Меры были приняты незамедлительно: подразделения с этого участка куда-то перебросили, заменив их другими. И музыка по ночам прекратилась. И снова началась стрельба.

Война — страшная, кровавая и бесконечно далекая от классической музыки — продолжалась. Но известная аксиома: «Когда говорят пушки, музы молчат» — была, хотя и ненадолго, опрокинута. Бывает, оказывается, что и пушки с музами соперничества не выдерживают.

БОЙ РУСЛАНА С ГОЛОВОЙ

— Абрам Михайлович, а какие здесь еще памятник стояли?

— Бюст Ворошилова был, — напротив левого флигеля Путевого дворца. Только не у входа, а по другую сторону береговой аллеи (которую, кстати, тоже мы сажали), — на центральной клумбе. Там, где после войны стоял памятник Александру Невскому.

— Тот, что теперь у вокзала?

— Совершенно верно.

И тут я вспомнил одно из первых своих впечатлений о Новгороде, когда, сойдя с поезда, увидел в центре вокзальной площади голову Маркса. Не памятник, не бюст, а именно отрезанную голову на тумбочке. Долго потом мучался какими-то смутными ассоциациями и никак не мог поймать этот ускользающий литературный образ: то ли голова профессора Доуэля, то ли Колобок, давно не бритый... Все поставил на свои места и внес полную ясность сменивший голову Маркса бюст Александра Невского. Действительно: статный, мужественный, при доспехе князь Александр — воплощение доблестного русского витязя; если предположить, что витязя могли бы звать Русланом, то обретает смысл и Голова, победу над которой своему герою еще юный Пушкин предсказывал. И победе этой суждено было иметь место на вокзальной площади Великого Новгорода.

— Кстати, голову Маркса тоже я привез, — заметил Абрам Михайлович.

— Зачем?

— Чтобы понять, как сюда попал Маркс, надо начинать с Ленина, которого мы поставили на площади. Он и сейчас там стоит.

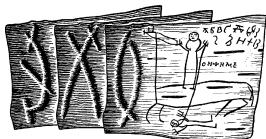
— А разве его не после революции поставили?

— Нет. Тот памятник еще немцы увезли, — оставили только пьедестал. А этого поставили в 1956 году, уже после Штыкова. Первым секретарем тогда стал Тихон Иванович Соколов. Он отдыхал в Ялте, в санатории, с Промысловым, председателем Моссовета. Они там, очевидно, договорились о бронзе на памятник, потому что, вернувшись, Тихонов отправил меня в Москву. Промыслов написал резолюцию, уже не помню, куда. Короче говоря, полторы тонны бронзы я достал. И там же, в Москве, заключил договор со скульптором Дмитрием Шварцем, который изготовил модель памятника Ленину. Эту модель и бронзу пришлось потом везти в Ленинград, где на заводе «Монументскульптур» отлили памятник, который в Новгороде благополучно и водрузили.

— А голова Маркса?

— Вот когда я Ленина с завода забирал, там мне Маркса и всучили. Бесплатно, просто так. А я еще относительно молодой был, взял... Потом не знали, куда его деть. Сперва он в Доме Советов стоял, прямо напротив входа, потом еще в каком-то заведении. Так и скитался, пока, наконец, не определили ему место у вокзала...

Всё вышеизложенное — лишь малая толика того, о чем рассказывал старожил города. Особенно же интересны его воспоминания о Новгороде довоенном, — который во многом оставался еще городом XIX столетия. И следующий раз мы побеседуем с Абрамом Михайловичем именно об этом, ушедшем уже в прошлое, Новгороде.

РУКА НЕ ПОДНЯЛАСЬ НА КРАСОТУ

По соседству с Финляндией расположена Республика Карелия, территория которой покрыта густыми лесами и многочисленными «глазами» голубых озер. На одном из самых крупных — Онежском озере, среди множества живописных островов особую известность приобрел остров Кижь. Здесь расположен уникальный Кижский архитектурный ансамбль, необычная красота которого привлекает туристов из разных стран мира. Разноязычен их говор, но мнение едино: такого не увидишь нигде. Гармония природы и архитектуры здесь ничем не нарушена. Первозданна природа: все также чисто и высок свод неба, необъятны просторы леса, в постоянном волнении водная стихия... Величие и простота, изящество и сила слиты воедино.

Кижский архитектурный ансамбль создавался на протяжении 180 лет (с 1694 по 1874 год), но мог быть уничтожен в один миг, если бы в 1941 году финский летчик выполнил приказ и сбросил бомбы на кижские церкви. Поверить в это было непросто: не выполнить военный приказ?! Мыслимо ли такое?! И мы сочли, что родилась еще одна красивая легенда о сотворении кижских церквей. Но легенда внезапно ожила. Стало известно имя финского пилота — бомбардировщика — Лаус-Дей Саксель. Имя необычное: в переводе с латинского — «Спаси, Боже». Лаус-Дей Саксель был командиром третьей эскадрильи 16-й авиационной дивизии. Местом дислокации дивизии служил аэродром, находящийся на северной окраине столицы Карелии, Петрозаводска, оккупированного финскими войсками, выступившими во время войны (1941–1945 год) на стороне Германии. В ноябре 1941 года 27-летний майор финской гвардии получил приказ уничтожить церкви на острове Кижь: финны считали, что в них располагалась партизанская база.

До острова Кижь от Петрозаводска всего несколько минут полета. Для выполнения задания в небо поднялись два «Фоккера-10» и взяли курс на Кижь. «Будучи военным

летчиком, приказы разбомбить тот или иной объект, я получал практически каждый день, а мой самолет «Фоккер-10» знал как свои пять пальцев», — вспоминал он. День, когда Л.-Д. Саксель получил приказ сбросить бомбы на кижские церкви, он хорошо запомнил: «Конечно, я его никогда не забуду, хотя и прошло почти 60 лет. Это было глубокой осенью. Все вокруг давно покрыл снег, но Онежское озеро лед еще не успел сковать. Белый, блестящий снег окружал высокие церкви. Их купола переливались на

солнце, меняя цвет от серебристого до темно-бронзового цвета; подобно зрелища я еще никогда не видел. Этот вид очень запомнился. Было непонятно, что человек не должен разрушать такую красоту. Когда я увидел нетронутый следами человека снег, стало ясно, что в церкви никто не ходил, и я дал второму пилоту знак: «улетаем». Авиабомбы были сброшены на корабли в Онежское озеро, но, как выяснилось, мимо. Боевое задание было, фактически, провалено.

Сразу, по возвращении, доложил командованию все, как было, и начальство со мной согласилось. Я до сих пор считаю, что поступил правильно. Потом еще много раз я пролетал над островом, любясь церквами, но больше никогда ни я, ни мои товарищи не получали подобного приказа».

На вопрос: «Как бы вы поступили, если бы вы увидели на острове партизан?» — бывший военный пилот от-

ветил: «А как поступают, когда в тебя стреляют? Это был 1941 год. Финляндия воевала против Советского Союза. Я бы выполнил приказ».

Поступок Лаус-Дей Сакселя стал своеобразным толчком к выработке новой тактики по отношению к объектам культового назначения. Политика оккупационных властей в области охраны церковных ценностей и возрождения православия интересна и своеобразна. Со временем она стала приобретать новую окраску. Достаточно точное представление об этой политике финнов на территории оккупированной Карелии в разные периоды войны дают от-

Лаус-Дей Саксель

рывки из письма военнослужащего службы информации С. Пялси о состоянии и сохранении культурно-исторических памятников на оккупированной территории в Комитет научного изучения Восточной Карелии, от 26 марта 1942 года: «Редкие церкви убереглись от большевистского разорения. Мне довелось увидеть в полном убранстве только церквушку в деревне Кинерма да церковь Пресвятой Марии в Олонце. Разумеется, за 20 лет деревянные постройки, которые и раньше, вероятно, содержались довольно небрежно, сильно пострадали так, что скоро их красоту уже невозможно будет восстановить... Велик был урон, нанесенный во время властвования в крае преследующих религию большевиков, но еще хуже обернулись дела во время войны. Артиллерийский огонь разрушил некоторые, даже оставшиеся нетронутыми большевиками церкви, так что их ценное внутреннее убранство сейчас является незащищенным и подвергается воздействию дождей и снегопадов. В моей книге «Вслед за победителями» помещена фотография одной разбитой церкви в деревне Мегрега. Еще более отвратительные следы оставляет распущенное поведение людей, в данном случае речь идет о тяге наших собственных войск к трофеям, особенно к произведениям церковного искусства... Карельские иконы являлись и продолжают оставаться самыми желанными «военными сувенирами». Их стараются заполучить везде, где только можно, «эвакуируют» в рюкзак и увозят домой. В какую бы покинутую деревню я ни заглянул, везде до меня успевали пройти собиратели военных сувениров, и редкий дом они оставляли нетронутым. Из большого угла сняты киоты, иконы вырваны из окладов, а пустые разбитые обрамления икон, сами по себе нередко ценные, брошены на месте. Невозможно представить, сколько таких похищенных икон уже ушло в Финляндию, где ими уже даже начали торговать... Охотники за иконами, разумеется, не понимали значимости своих проступков. Полученное ими религиозное и политическое воспитание приучило их ненавидеть все русское и, в частности, «веру руссеей» с ее церковной символикой. Они не в состоянии признать защиту «русских богов» достойным занятием, скорее могут подумать, что изъятие икон тоже относится к «освобождению» Карелии...

Организация в Карелии заботливой охраны церковных атрибутов и зданий необходима также для зарубежной пропаганды. Мы могли бы показать всему миру, что свобода вероисповедания, которую финны предоставляют ныне, реальна и эффективна, и это прямая противоположность большевистскому времени. Известно, что особенно в Англии, а также в Америке и даже Японии восточная церковь пользуется определенной популярностью, а в Румынии и Болгарии православная церковь является господствующей. В этой обстановке всеобщего признания забота о православной церкви зачтется нам как заслуга. Учитывая все эти обстоятельства, считаю, что охрана церковных памятников Восточной Карелии должна стать самой первоочередной задачей. Ее необходимо решать срочно, не дожидаясь наступления лета и нормализации общей обстановки, ибо промедление сейчас опасно. Недостаточно выделить какую-либо скромную сумму на «инвентаризацию» церквей в

Карелии и начать поиски «экспертов» для выполнения такой работы. На все это уйдет время, тогда как на сей раз спастись надо раньше, чем изучать»*.

В октябре 1942 года, главнокомандующий финской армией, Маннергейм, поручил задание молодому магистру истории искусств, младшему лейтенанту Ларсу Петтерссону, «позаботиться» об объектах культового назначения, прилегающих к Онежскому озеру и представляющих интерес для военных. В связи с этим заданием во время оккупации Заонежья, длившейся с октября 1942 по июнь 1944, финские специалисты: доктор Бертил Хинцен, магистры Ларс Петтерссон и Пенти Хярккенен — сделали подробное описание многочисленных икон, определив стоимость каждой, наиболее ценной иконы, в 10–15 миллионов финских марок. В 1943 году, при наступлении партизан, иконostas Преображенской церкви был разобран финскими солдатами и вывезен в ближайшее укрытие, в часовню соседней деревни Кургеницы. Но вскоре, летом 1943 года, иконы из кижских и других церквей Заонежья финны погрузили на пароход «Медвежьегорск» для дальнейшего вывоза в Финляндию, с целью «сохранения и последующего возвращения на свои прежние места».

Только в 1995 году удалось получить данные о количестве вывезенных с территории Карелии икон, согласно «Списку произведений изобразительного искусства, предназначенных к вывозу в Финляндию летом 1943 года», из военного архива. В «Списке» значится 65 различных категорий фотопластинок, фотоальбомов, диапозитивов, икон, плакатов и карт. Вскоре Ларс Петтерссон предъявил начальству картограмму населенных пунктов с многочисленными объектами: церквями и часовнями. Впоследствии ни один из объектов финнами не был разрушен. Во время войны церкви были открыты в Кижях и Конде, где церковными старостами были Н.И. Малинин и Е.Ф. Серов. Службу иногда вел русский православный священник на родном ему языке. В январе 1944 года лучшие иконы, вывезенные из церквей и часовен Карелии, были представлены на выставке, организованной в Художественной галерее в Хельсинки. Иконы, представляющие особый интерес, специально для этой выставки отреставрировал финский художник Ханнес Малисто.

Целью выставки было первое знакомство зрителей с наиболее ценными произведениями древнерусской живописи. Ларс Петтерссон подготовил к этой выставке каталог «Охрана памятников культуры в годы войны. Иконы Восточной Карелии». Но, в связи с поражением Финляндии в войне, маршал Маннергейм запретил открытие этой выставки. Советское правительство потребовало возвратить все вывезенные произведения искусства. Осенью 1944 года иконы были возвращены в Петрозаводск.

В 1945 году по просьбе правительства Карелии Комитет искусств при Совете Министров Народного Комисса-

* По обе стороны Карельского фронта. Сборник. Петрозаводск, 1995. С. 200–203.

риата СССР направил из Москвы художников-реставраторов с целью восстановления иконостасов кижских церквей из возвращенных икон. Тогда же было обнаружено отсутствие «неба» — потолочного свода Преображенской церкви, состоящего из трапезиевидных икон огромных размеров. Лишь позднее удалось установить, что «небо» было оставлено в Петрозаводске на хранение в доме архиерея, где жил Ларс Петтерссон, руководивший отправкой икон в Финляндию. В 1946 году в письме на имя Ю.В. Андропова сообщалось, что иконы «неба» сжиг на дрова захвот Дома культуры, где они находились в то время.

В 1950 году Ларс Петтерссон защитил диссертацию и стал профессором искусств Финляндии. Его монументальный труд «Культовая архитектура Заонежья», изданный в Хельсинки в 1950 году, явился результатом изучения культурного наследия Заонежья финскими специалистами в годы оккупации. Совместно со скульптором Ойво Хелениусом Ларе Петтерссон осуществил первое фундаментальное исследование деревянного зодчества и древнерусской живописи Заонежья. Ими была организована охрана наиболее ценных объектов культуры, произведено обследование 25 церквей и 97 часовен (из них в настоящее время сохранились лишь 5 церквей и 24 часовни). Они произвели обмеры, сделали описания, выполнили графические реконструкции, а также определили основные строительные периоды отдельных церквей и часовен. Ойво Хелениус выполнил графические работы и сделал многочисленные зарисовки.

В 1989 году Ларс Петтерссон, бывший финский оккупант, был приглашен на остров Киж в связи с празднованием 275-летия Преображенской церкви. В дар музею «Киж» Л. Петтерссон передал ценнейшие исторические реликвии военного времени.

Так отозвался благородный поступок финского летчи-

ка — бомбардировщика Лаус-Дей Сакселя, сохранившего знаменитый Кижский архитектурный ансамбль, уникальность которого общепризнанна. 12 декабря 1990 года в городе Банфа (Канада) на 14-й сессии Комитета всемирного наследия Кижский архитектурный ансамбль был включен в Список мирового наследия ЮНЕСКО.

До последних дней своей жизни Лаус-Дей Саксель являлся членом Союза «ПИЛВИВЕЙККО» (PILVIVEIKKO), объединяющего летчиков-ветеранов второй мировой войны. Он скончался совсем недавно, на 87 году, успев встретить новый, XXI век.

После поражения Финляндии в войне и заключения мирного договора СССР с Финляндией Л.-Д. Саксель вспоминал: «...все самолеты были вывезены на аэродром в Тампере и там они остались ржаветь. Я почувствовал бесполезность дальнейших полетов». Как перед войной, так и в послевоенные годы, он обучал полетам молодых летчиков. В 1947 году Лаус-Дей Саксель закончил свою летную карьеру. В дальнейшем он увлекся преподавательской деятельностью и поступил в Педагогический вуз в Хельсинки. Проработал учителем математики до самой пенсии. Лаус-Дей Саксель жил в небольшом городке Сейняеки с женой Сабиной-Орвакки.

В октябре 1999 года, через 58 лет, он приехал на остров Киж, чтобы теперь с земли посмотреть на то, что он чудом не уничтожил. О военной поре рассказывал неохотно: «Я ненавижу войну, для меня невыносима была необходимость что-либо уничтожать». Осуждая бессмысленность, жестокость и бесчеловечность войны, финский летчик считал самым ярким событием военных лет, которое врезалось в память, полет над куполами кижских церквей, когда он не выполнил приказ и сохранил их, убежденный в том, что «человек не должен разрушать такую красоту».

Татьяна БОГОМОЛОВА

О СНАБЖЕНИИ ХЛЕБОМ

(по материалам архивного фонда БИХМ «Белозера-участники революционных событий 1905–1917 годов и гражданской войны»)

Фонд «Белозера-участники революционных событий 1905–1917 годов и гражданской войны» содержит 253 документа. Большая часть из них была собрана и передана в музей членами историко-краеведческого кружка средней школы № 2 Белозерска, под руководством Р.А. Новиковой. Кружок проводил поисковую работу по теме «Установление Советской власти в Белозерске». Позднее фонд дополнился материалами из личных коллекций горожан.

Фонд состоит из четырех разделов: «Участники революционных событий 1905 года», «Февральская революция. Временное правительство», «Документы и фотографии революционных событий 1917 года и гражданской войны», «Участники революционных событий 1917 года». Из последнего выделены персональные коллекции Г.И. Васинова, Б.Н. и Н.Н. Великосельцевых, И.И. и С.И. Галаничевых, В.С. Голубева, А.Ф. Горбунова, В.В. Ельницкого, И.П. Заварина, И.В. Малышева, М.И. Митрофанова, А.В. Копылова, В.К. Огваздина, П.П. Свинцова.

Документы охватывают период с 1903 по 1968 годы. Половина фонда — фотографии: с автографами, дарственными надписями, пояснениями. Остальная часть фонда — листовки, мандаты, билеты, удостоверения, воспоминания, справки, свидетельства. Документы этого фонда носят, в основном, автобиографический характер. Полную картину происходившего в те переломные годы они не дают, но могут служить интересной иллюстрацией к событиям в данной местности.

К примеру, интересно будет проследить ситуацию, сложившуюся в 1917–1918 годы, по снабжению продовольствием. Об этом свидетельствуют разноплановые документы: письмо, воспоминание, продовольственная карточка, постановление Совета, ордер.

Первый документ датируется 27 марта 1917 года. Письмо Васени Александру в Белозерск:

«Христос Воскресе Саша! Спасибо за пожелания! Желая и тебе, гражданин земли русской, в новой жизни всего лучшего! Так значит мужички хотят разгромить купцов? Это не совсем хорошо. Нужно просто, если они не продают того, что имеют в своих кладовых, или очень дорого дерут, отобрать всё, назначить средние цены и продавать кому сколько нужно, не давая набирать запасы: как при разгроме — одним много достанется, а другие ничего не возьмут, и те, которым ничего не достанется, будут покупать у тех, которые много накрадут, да ещё какие цены будут заламывать за это бесплатно доставшееся... О имеющемся в винном складе оружии мне не верится, скорее всего это ложные слухи — губительные для нового строя — взбудоражить массу (несознательных граждан). Всего лучшего! Твой Васенья».

Ситуация по снабжению продовольствием была сложной по всей России.

В целях утверждения монополии на хлеб и твердых ценах на него Временное правительство издает постановление «О передаче хлеба в распоряжение государства и его местных продовольственных органов» (25 марта (7 апреля) 1917 года). По этому постановлению на местах создаются продовольственные комитеты, состоящие из правительственных чиновников и представителей кооперации. В Белозерском уезде была создана Продовольственная Управа. Её председатель — Николай Александрович Никулин, заместитель — Матвей Платонович Бритоусов. Кроме этого, М.П. Бритоусов возглавлял Белозерский Совет рабочих и солдатских депутатов. И, фактически, он возглавлял Продовольственную Управу, так как все вопросы о пособиях, продовольственных карточках и т. п. решал он.

Закон о хлебной монополии в период войны и смены правительства являлся необходимой и прогрессивной мерой, рассчитанной на ограничение свободной торговли. Однако, Временное правительство, не имея собственного продовольственного аппарата, привлекало к выполнению хлебозаготовок частные торгово-промышленные конторы и кооперативы. Это вело к срыву монополии и к спекуляции продовольствием. При нестабильном положении в государстве работа Продовольственных Управ была неэффективной. Примером этому могут служить воспоминания Александра Васильевича Копылова. «Осенью в Белозерский кооперативный союз пришел наряд на получение хлеба». Для буксировки двух судов

с пшеницей и рожью из Рыбинска купец Федор Сукин предоставил в ведение Белозерского Совета пароход «Шола». Сопровождала пароход конвойная команда во главе с М.П. Бритоусовым, так как охрана пароходу, а тем более с продовольствием, была необходима. «Хлебных судов из Рыбинска в Петроград отправлялось много, но они и до нас не доходили: по реке Шексне в разных местах население обрубало буксирные пароходов, баржи причаливали к берегу и развозили хлеб по домам ... Вот поэтому солдаты конвойной команды поехали вооруженные ... До города Череповца местное население осаждало (хлебный караван) два раза, если не три. В мелких лодках человек по 5, в баркасах до 10–15 человек, всего человек по 200 и более осаждали с криками: «Руби буксира у парохода, причаливай к берегу» и т. п. ... Кто с топорами, кто с баграми и даже с охотничьими ружьями ... Но мы не сделали ни одного выстрела из винтовок и к буксирам ни одной лодки не подпустили». Но в Ниловицах хлебный караван ждала засада. В шлюзах был опущен уровень воды, суда сели на мель и были осаждены. Обсудив положение — невозможность движения судов и численное преимущество осаждающих — команда приняла решение оставить баржи. Пароход «Шола» вернулся в Белозерск без хлеба.

Как и по всей России, в Белозерске вводили продовольственные карточки. Причем, получали их как жители города, так и жители сел и деревень уезда. Продовольственная карточка за № 36 Петрова Дмитрия, проживающего в деревне Чирок, была выдана 21 октября 1917 года из Перкумской (Перкумзской) Продовольственной управы «на получение хлебных продуктов первой необходимости для семьи в составе пяти человек». Из правил пользования карточкой: «Никто не может получить хлеба или муки без карточки. Норма выдачи хлеба устанавливается каждый месяц Уездным Продовольственным Комитетом ... Лица, виновные в нарушении сих правил подвергаются ответственности по 29 ст. Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями (в редакции Временного правительства)». По отрезным талонам карточки выдавались мука ржаная, мука белая, крупа на каждые полмесяца. Талоны за октябрь владельцем карточки были использованы. Остальные талоны, до декабря 1917 года, не отоварены.

Следующий документ — постановление Белозерского Совета Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов от 28 октября 1917 года, выпущенное в виде листовки. «Объявить всем забастовщикам, саботажникам, служащим казенных и частных общественных учреждений и Управлений,

а также и торговым предприятиям, что если они не приступят к работе с 9 часов утра 29-го сего декабря, будут немедленно лишены хлебного пайка и объявлены врагами народа, как явно контрреволюционеры, с преданием военно-

революционному суду». Постановление Исполкома выделяло лишение хлебного пайка на первое место по строгости наказания!

В начале 1918 года в Белозерске создается комитет продовольствия. Комиссаром продовольствия избран Петр Павлович Свинцов. В архиве музея хранится ордер комиссара продовольствия П.П. Свинцова № 282 от 10.01.1918 года с подписями председателя Совета М.И. Митрофанова и секретаря А. П. Голубева. Статья П.П. Свинцова из газеты «Известия Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов» (№ 14 от 6 апреля 1918 года) в полной мере отображает ситуацию, сложившуюся в уезде:

«В настоящее время, когда голод в уезде принял угрожающие размеры, когда железнодорожный транспорт окончательно расстроился, и доставка хлеба в Белозерский уезд сопряжена, в связи с этим, с большими трудностями, а если и удастся достать некоторое количество хлеба, то оно настолько мало, что вряд ли возможно удовлетворить сотую часть того голодного населения по переписи, имеющейся в уездном продовольственном комитете. Как будто бы предстоящий голод волнует население и винит Советскую власть, но при чем же тут власть, если сами граждане позволяют себе спекулировать и провоцировать. Например, 1-го апреля в помещении Уездного Совета утром появляется толпа человек в тридцать, в очень возбужденном настроении, требующая выдачи хлеба и уже побывавшая в продовольственном отделе, где хлеба, за неимением, выдать не могли. Придя в Совет, толпа стала требовать выдачи хлеба, и некоторыми личностями из толпы были пущены угрожающие реплики по адресу членов Совета, но когда толпе было заявлено, что будет произведена перепись хлебных запасов красногвардейцами у каждого на дому, и если действительно окажется, что у заявивших никаких запасов нет, то будет сейчас же выдан полный месячный паек, но если объявятся люди, объявившие себя голодающими, но имеющими запасы хлеба, то они будут судимы Революционным трибуналом по всей строгости законов существующего времени. Тогда толпа разошлась. Спрашивается, где же гражданская совесть у этих граждан? И вот когда слышишь крики о безвыходном положении, то невольно, как это думают некоторые». И если бы все те граждане, которые имеют излишние запасы хлебных продук-

БЕЛОЗЕРСКИЙ СОВЕТЪ
Солдатских, Рабочих и
Крестьянских Депутатов.

№ 282
гор. Белозерск.

С Р А В Н Ъ.

Видный Исполнительный комитет
Совета депутатов члену совета Петру
Павловичу СВИНЦОВУ въ томъ, что сн
избранъ Комиссаромъ продовольствія, чт
подписанъ и приложенъ съѣздовой по
чтой 10.01.1918 г.

Председатель совета

Секретарь

Митрофанов
Голубев

тов, проникнулись гражданской совестью и все излишки передали бы в местные кооперативы по существующим ценам для распределения между голодающими, то безвыходное положение о котором приходится говорить, было бы менее улажено. Выход из этого положения один: в каждой волости надо организовать артель голодающих, не имеющих запасов, и организованным путем провести поголовную реквизицию у всех граждан и ссыпать все запасы в местные кооперативы, из которых будет распределяться хлеб поровну. Другого выхода нет и власть без помощи самих граждан не в силах вывести общество из этого положения».

С объяснением необходимости переписи хлебных запасов П.П. Свинцов обращается в воззвании, выпущенном в виде листовки.

«Воззвание к гражданам Белозерского уезда и города. Граждане! В виду все больше и больше нарастающей продовольственной разрухи, в полном Государственном масштабе, а, в частности, и в Белозерском уезде, Белозерский Совет Р. С. и Кр. Депутатов, не находя другого выхода из этого критического положения, постановил: произвести точную перепись хлебных запасов, как в городе, так и в уезде. Я как Комиссар Продовольствия, являющийся исполнительной властью Совета, обращаюсь к Гражданам города и уезда со следующим разъяснением настоящего продовольственного вопроса: Граждане, продовольственный вопрос в настоящее время стоит в самом худшем положении, какого не испытывала страна. Наши бывшие правители, ставленники буржуазии со своей политикой, направленной в защиту имущих классов, довели страну до полного развала, солдаты, рабочие и крестьяне не могущие больше терпеть того позорного гнета, ложащегося на плечи трудового народа, взяли в свои руки власть.

Но этой истинно народной власти пришлось взять в свои руки совершенно разрушенный и расшатанный организм народного хозяйства. Чтобы поставить продовольственный вопрос в более справедливом виде и правильно распределения хлебных продуктов между гражданами необходимо: каждому сознательному гражданину, посмотреть на эту разруху с высшей точки самосознания. Подумать, чем может закончиться эта продовольственная разру-

ха, грозящая голодом, гражданской войной и самыми худшими последствиями, если граждане общими усилиями не придут на помощь самим себе: — Я как Комиссар Продовольствия говорю, что точная перепись хлебных продуктов в интересах самих граждан — тех граждан кому дорога родина, свобода, доставшаяся дорогому трудовому народу. Кто не хочет, чтобы наша свободная страна была залита морями крови, и каждый должен понять, что голодный не пощадит сытого. — А потому необходимо сплотиться всем гражданам в одно целое и дать точные сведения об имеющихся запасах хлеба у всех граждан, потому, что без точных данных об имеющихся запасах хлеба, как в городе так и в уезде, нельзя приступить к нормальному урегулированию продовольственного вопроса. Городские запасы хлеба на исходе. К доставке хлеба в Белозерский уезд Советом приняты самые энергичные меры, а что бы временно уладить продовольственный вопрос, необходимо сейчас же приступить к правильному распределению запасов хлеба среди населения. Убедительно прошу всех Граждан сознательно отнестись к настоящему воззванию. Комиссар Продовольствия П. Свинцов. Товарищ А. Невский». (Орфография сохранена.)

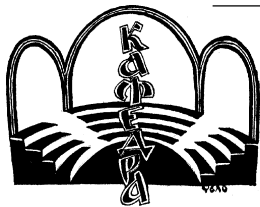
Учитывая время проведения переписи — апрель–май — и продовольственный кризис по всей стране, можно предполагать, что проблема не была решена.

На заседании Белозерского Совета в конце мая 1918 года комиссар продовольствия Прокофьев предложил отменить хлебную монополию и разрешить частную торговлю. Это предложение было оставлено открытым до Губернского съезда Советов в Череповце. Представителем от Белозерского Совета на этот съезд делегирован товарищ председатель Искома, П.П. Свинцов. Он должен был решить также вопрос о скорейшем получении хлеба по нарядам Губернского Отдела Снабжения. В архиве музея хранится билет П.П. Свинцова для входа на заседание Губернского съезда Советов от 05.06.1918 года. На обороте билета надпись: «хлебы выданы».

Таким образом, документы фонда показывают сложность ситуации по снабжению хлебом в Белозерском уезде перед установлением продовольственной диктатуры и передают колорит эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. БИХМ Ф.2. Оп.1. Д.3. Л.1
2. БИХМ 2304/8 вх «Воспоминания Копылова А.В. К 50-летию Советской власти» 16.03.1967 г.
3. БИХМ Ф.2. Оп.2. Д.2. Л.3.
4. БИХМ Ф.2. Оп.1. Д.19. Л. 6.
5. БИХМ Ф.2. Оп.1. Д.17. Л.2.
6. БИХМ 4557/1.
7. БИХМ 690 вх Копия воззвания.
8. БИХМ 5359 Газета «Известия Белозерского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». 29.05.1918.
9. БИХМ Ф.2. Оп.1. Д.17. Л.4.

Нинель ДОЙНИКОВА

ПОЭТЫ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА» И НОВГОРОДСКИЙ КРАЙ

Новгород является великим памятником русской истории и отечественной культуры. Свою лепту в его поэтическую славу внесли поэты «серебряного века», одного из блестящих периодов развития русской литературы на рубеже XIX–XX веков, — Фёдор Сологуб, Анна Ахматова, Александр Блок, Николай Гумилев, Сергей Есенин и Велемир Хлебников.

В поселке Крестцы жил и работал три года после окончания в 1882 году Петербургского учительского института Ф.К. Тетерников (Сологуб). Это был один из самых тяжелых периодов в жизни писателя. В «Дневнике» Сологуб писал об убожестве места своего пребывания и почти невыносимой нужде: кругом непролазная грязь, жители вечером ходили по темным улицам с керосиновыми фонарями; в училище, где он преподавал, приходилось отправляться босиком, так как заработка не хватало даже на самое необходимое:

*Простым я подпоясан ремешком,
В рубашке ситцевой, зимой суконной,
По улицам я в школу босиком
Хожу, храня порядок заведенный.*

(«Пошел мне год уже двадцать второй»)

Жизнь российской глубинки в то время отличалась пустым времяпрепровождением, беспробудным пьянством, чувством бессмысленности и ненужности собственного существования. Сологуб ощущал умственное и нравственное одиночество, его затягивала трясина обывательской жизни; в душевной ее атмосфере задохнулись многие талантливые люди той эпохи. Несмотря на вечную нехватку денег, он выписывал книги, газеты, журналы и жадно читал: это была его единственная отдушина. Общественно-политическая реакция 80-х годов XIX века в провинциальной глуши принимала особенно возмутительные формы. Молодой учитель, в силу своей профессии, столкнулся непосредственно с одним из самых чудовищных её проявлений — калечением детских душ:

*Пятью восемь сорок!
Лес тиши через ять!
Филин ночью зорек!
Прѣнять, не Принять!*

*Повторяем это
Вот уж третий год.*

*Вот уж третье лето
Скоро подойдет...*

*Хоть и надоело,
Да не спросят нас.
Уж такое дело, —
Живо шлепай в класс.*

(«Пятью восемь сорок»)

Юношеские стихи, пусть и не совершенные по форме, отражали напряженный внутренний поиск, тяжелые раздумья о смысле дела своей жизни. В течение трех лет пребывания в Крестцах поэт написал стихотворения «Ариадна» (1883 год), «Я из училища пришел» (между 1882 и 1885 годами), «Проселок» (1883 год), «Пошел мне год уже двадцать второй» (1884 год), «Пятью восемь сорок» (13 марта 1885 года). Темы этих произведений совсем ещё молодого автора — горести жизни, беспросветная нужда и вечное чувство униженности. Ф.К. Сологуб вынужденно оставил Крестцы летом 1885 года после травли, из-за дела Григорьева, изгнанного из учительства за надругательство над служанкой, девочкой четырнадцати лет. Именно за её честь вступились молодой учитель Тетерников и его мать — Татьяна Семеновна, однако крестецкое общество, спаянное круговой порукой, не смогло простить им этого. Мотивы безысходности и бессмысленности бытия, которые со временем переросли в апофеоз смерти, уже звучали в незамысловатых творениях молодого автора, написанных под очевидным влиянием Некрасова и Кольцова:

*Весь в пыли дорожной,
Я бреду сторонкой,
Слушая тревожно
Колокольчик звонкий,
Не глушимый далью,
Гул его несется,
Жгучею печалью
В сердце отдается.*

(«Проселок»)

В крестецкий период жизни Ф.К. Сологуб много писал, его первые стихотворные опыты далеки от холодных, бесстрастных и почти совершенных по форме произведений зрелости. В 1884 году журнал «Весна» опубликовал басню «Лисица и еж», слава же к писателю пришла гораздо позже, после служебного перевода в северную столицу в 1892 году,

когда он начал сотрудничать с журналом «Северный вестник». Страшные тени крестецких воспоминаний еще долго преследовали Сологуба, пока не материализовались в романах «Тяжелые сны» (1895 год) и «Мелкий бес» (1905–1907 годы). Первый из них встретил достаточно равнодушный приём как у публики, так и у критики; поэтическое творчество, напротив, оценивалось весьма высоко, особенно в близких автору символистских кругах. Публикация «Мелкого беса» принесла писателю всероссийскую известность, имя главного героя романа Передонова стало нарицательным. Как и чеховский «человек в футляре», он стал приговором государственной системе просвещения царской России, всем её «мелким» и «крупным» бесам, которые могут искалечить самую светлую и прекрасную пору человеческой жизни.

Особый тип пути — это путь человеческий как вечное странствие души и самопознание. Этот мотив проходил через все творчество Сологуба вплоть до последних дней, когда он, наконец, нашел свое окончательное пристанище, к которому шел всю жизнь: «Плохо ль новоселье мертвому в гробу? Хочется веселья каждому рабу».

В отличие от Сологуба, А.А. Блок никогда не бывал на новгородской земле; его судьба связана с ней не прямо, а опосредствованно — через предков по линии отца: прапрадед поэта служил в Новгородском пехотном полку после переселения из Германии в Россию, при императрице Елизавете Петровне. Дед поэта, Лев Александрович Блок, женился на дочери псковского губернатора Ариадне Черкасовой, чей отец происходил из дворян Новгородской губернии. С 1863-го по 1871 год Л.А. Блок занимал должность председателя казенной палаты Новгорода, расположенной в Кремле, в здании присутственных мест, сгоревшем, а затем восстановленном в 1809 году по проекту архитектора Рогинского. В Новгородской мужской классической гимназии учился отец поэта, А.Л. Блок, закончивший ее в 1871 году с золотой медалью и поступивший затем в Петербургский университет. И хотя семья деда вскоре после этого переехала в Петербург и более в Новгород не возвращалась, Александр Александрович всегда проявлял повышенный интерес к нашему древнему городу. 10 апреля 1913 года он записывает в своем дневнике: «Я купил путеводитель по Новгороду, но решил не уезжать до Пасхи». К сожалению, впоследствии обстоятельства жизни поэта сложились так, что поездку ему пришлось отменить.

Особенно были интересны поэту новгородские былины, доносившие живое дыхание минувшего. Устный эпос создал яркие образы героев, воплощавших творческую силу, энергию русского народа, его свободолюбивый дух. Особенно его привлекал неизбывной энергией, переливающейся порой через край, образ Василия Буслаева. Статья «Поэзия заговоров и заклинаний», написанная в 1906 году, посвящена истории российской культуры и перекликается с циклом стихов «На поле Куликовом». Она свидетельствует об интересе поэта к народным преданиям и магическим обрядам. По мнению А.А. Блока, психология народных образов коренится в религиозном мироощущении, для которого особую роль играет вера в силу слова. В этом и кроет-

ся особенная поэтичность народных заговоров и заклинаний, ибо в первобытной душе польза и красота занимают одинаково почетные места. Эта поэзия дышит многообразием мира, впитывая его цвета и звуки. Таково описание сказочного камня Алатыря, обладающего чудотворной силой. Как пишет поэт, рассказ о том месте, где сей камень лежит, можно найти в новгородской былине: «Василий Буслаев, бахвалясь в Ерусалиме, пинал ногой череп (голову Адама); череп этот лежит, не доезжая камня Латыря и соборной церкви на Фаворе». В 1919 году Блок рецензировал пьесу А.В. Амфитеатрова «Василий Буслаев», основную канву сюжета которой составляли озорство, драки и безобразия, постоянно чинимые главным персонажем. Блока искренне возмутило искажение образа героя пьесы, автор которой не пожелал сколько-нибудь глубоко проникнуть в быт и нравы вольнолюбивой вечевой республики.

Судьба распорядилась так, что новгородская земля приняла прах сводной сестры по отцу — Ангелины, которой поэт посвятил свой знаменитый сборник «Ямбы». В Первую мировую войну Ангелина Александровна около четырех лет проработала сестрой милосердия в новгородском военном лазарете, находившемся в Кирилловском скиту, и заслужила всеобщую любовь и уважение. 5 марта 1918 года она скоропостижно скончалась, но скорбная весть не сразу дошла до Блока. Только 24 марта он горестно отмечает в записной книжке: «Ангелина умерла в новгородском лазарете, заразившись воспалением спинного и головного мозга, в 10 дней... Ее хоронили «как святую», с крестным ходом». Похоронена она была у Кирилловского скита, могила не сохранилась. (Также на новгородской земле, на территории Юрьевского монастыря, нашла свой последний приют и свойственница поэта — по линии прадеда Г.С. Карелина, известного русского путешественника, — М.Т. Карелина, 1881–1946).

В начале Первой мировой войны Н.С. Гумилев после долгих хождений к врачам, желая во чтобы то ни стало попасть на фронт, добился отправки на обучение в Гвардейский сводный кавалерийский полк, дислоцировавшийся в кречевицких казармах¹. Согласно послужному списку, он оказался в Новгороде 13 августа 1914 года и был зачислен приказом № 227 вольноопределяющимся охотником, т. е. добровольцем, в шестой запасной маршевый эскадрон. По дневниковым записям П.Н. Лукницкого, первого биографа поэта, Анна Ахматова считала местом службы мужа деревню Наволоки (ныне поселок Трубичино): «В сентябре я в Новгород ездила, одна»². Более месяца продолжалось обучение верховой езде, стрельбе, отдаванию чести. Вот как описывает Николай Степанович свой военный быт: «...учение бывает два раза в день, часа по полтора... Впрочем, нашу скуку разделяют все и мечтают о походе как о Царствии Небесном». В ожидании боевых действий он за отдельную

¹ Укрепрайон был построен в 1830–1831 годах на берегах Волхова архитекторами Стасовым, Тоном и Ламони.

² Это был не совсем Новгород, это были Наволоки — деревня, там был расквартирован полк.

плату, частным образом, брал уроки фехтования и владения шашкой. После сдачи экзамена Гумилева зачислили во второй эскадрон Лейб-гвардии Уланского Ея Величества Гусударыни Императрицы Александры Федоровны полка, направленного 23 сентября 1914 года в действующую армию. Сослуживец поэта, ротмистр Ю.В. Янишевский, впоследствии вспоминал его как мужественного человека, получившего два Георгиевских креста за храбрость, и замечательного рассказчика.

Впервые Гумилев посетил наш край во второй половине марта 1910 года, когда гостил в Парахино (Окуловка) у С.А. Ауслендера, прозаика, драматурга и критика, племянника поэта М. Кузмина. По письму, адресованному Е.А. Зноско-Боровскому, секретарю журнала «Аполлон» (с припиской Гумилева: «Дорогой Женичка, я уже в Окуловке и шлю тебе отсюда мой лучший привет. Здесь хорошо: солнце светит, птички поют»), можно судить, что радушный прием и тесное дружеское общение вызвали прилив поэтического чувства. Светлый весенний пейзаж Окуловки запечатлен в шутовском стихотворении «Маркиз де Карабас», посвященном С. Ауслендеру и опубликованном в сборнике «Жемчуга» (1910 год) в разделе «Жемчуг розовый»:

*Весенний лес певуч и светел,
Черны и радостны поля,
Сегодня я впервые встретил
За старой ригой журавля.
Смотрю на тающую глыбу,
На отблеск розовых зарниц,
А умный кот мой ловит рыбу
И в сеть заманивает птиц.*

Солнечная мартовская погода, пробуждающаяся от долгого зимнего сна русская природа возвращали память в далекое милое детство, где вновь оживали сказочные персонажи Пушкина и Ш. Перро:

*Мой добрый кот, мой кот ученый
Печальный подавляет вздох...*

Философ и поэт Вячеслав Иванов из всего сборника «Жемчуга» выделил именно это стихотворение, назвав его «бесподобной идиллией» и отметив простоту и искренность автора, который смотрит на мир с улыбкой. Второй раз Гумилев приехал в Парахино в августе 1910 года на свадьбу Ауслендера, согласившись стать шафером жениха. В третий раз по делам службы он находился в Окуловке с января по март 1917 года.

Единственным подарком Гумилева, хранившимся наравне с прочими реликвиями долгие годы в маленьком ларце Ахматовой, была новгородская икона — дорогое воспоминание о днях, проведенных вместе в сентябре 1914 года, когда она приезжала в Новгород. Ее внимание сразу привлекли древние памятники города; Л.К. Чуковская так вспоминает рассказ поэтессы о пребывании в Новгороде: «Она говорила восторженно о фресках Софийского собора в Киеве. И добавила: «Новгородская София тоже очень хоро-

ша». Под впечатлением поездки написаны стихотворения «Пустых небес прозрачное стекло», «Приду туда, и отлетит томлень». Первое опубликовано в 1914 году в журнале «Голос жизни», второе — в «Русском слове» в апреле 1917 года. Оба стихотворения вошли в сборник «Белая стая», занимающий особое место в творчестве Ахматовой, всегда внутренне чуткой к живой памяти народного бытия. В этот период расширился диапазон ее лирики, и вместе с вечными мотивами неиссякаемого любовного чувства, наполняющего жизнь смыслом и светом, в ее произведениях зазвучали новые темы: Родины и войны, памяти и совести.

Стихотворение «Приду туда, и отлетит томлень» по своей тональности созвучно тютчевскому восприятию России («эти бедные селенья, эта скудная природа...»). Тихая Родина, родина предков, по мысли поэтессы, — это тот заветный уголок в сердце, любовь к которому не требует высокопарных фраз и громких заверений, ее кроткая, неяркая красота сияет всегда:

*И этого никак нельзя поправить,
Не растопил ее великий зной,
И чтобы я ни начинала славить —
Ты, тихая, сияешь предо мной.*

Свою кровную связь с новгородской историей Ахматова ощущала через предков своей матери Инны Эразмовны Горенко, в девичестве Стоговой, происходившей из старинного боярского рода Стоговых, сосланных Иваном Грозным за поддержку Марфы Борецкой, последней посадницы вольного города. Память о нашем крае поэтесса сохранила на долгие годы: новгородская тема продолжена в цикле «Северные элегии», созданном в 1945 году. В «Предыстории» она ассоциируется с именем Достоевского, в творчестве которого Старая Русса сыграла немаловажную роль: здесь были написаны романы «Подросток» и «Братья Карамазовы», завершена работа над «Бесами», начатая еще во время пребывания писателя за границей в 1867–1871 годах:

*А в Старой Руссе пышные канавы,
И в садах подгнившие беседки,
И стекла окон так черны, как прорубь,
И мнится, там такое приключилось,
Что лучше не заглядывать...*

В стихотворении «Новгород» ахматовское мироощущение вбирает в себя двойственность картины мира, свойственную национальному сознанию: с одной стороны, тюрьма, где заключенные, преступив заповеди Бога, давно уже отказались от него и видят лишь пустоту небес; с другой, — «хода крестного торжественное пенье над Волховом, синеющим светлом». Эти две картины, казалось бы, взаимно исключают друг друга, но столь же противоречива и русская история, начало которой положено на новгородской земле: в ней подъемы и расцвет сменялись упадком, и на смену вечевой вольнице приходил гнет аракчеевских поселений:

*Сентябрьский вихрь, листы с березы свежав,
Кричит и мечется среди ветвей,
А город помнит о судьбе своей:
Здесь Марфа правила и правил Аракчеев.*

Романтический образ Марфы Борецкой, последней посадницы вечевой республики, захватил также воображение С.А. Есенина. Примером новгородской вольницы поэт хотел пробудить в народной душе гнев против деспотизма несправедливой власти в балладе «Марфа Посадница», написанной в 1914 году, после первого посещения Новгорода. Существующее мнение, что вместе с ним тогда был Н. Клюев, кажется маловероятным, поскольку личное знакомство поэтов состоялось лишь осенью 1915 года. «Марфа Посадница» была представлена Максимом Горьким в январе 1916 года для публикации в журнале «Летопись», но цензура запретила ее, и впервые баллада появилась в печати лишь в 1917 году. Алексей Максимович тогда сообщал одному из своих знакомых: «Пришел из деревни отличный поэт Сергей Есенин, быстро заставил полюбить его милые стихи». Поэт называет новгородцев по имени героев древних былин «внуками Васькиными, правнуками Микулы» и призывает народ исполнить Марфин завет:

*А пойдемте, бойцы, ловить кречетов,
Отошлем дикомыта с потребою царю,
Чтобы дал нам царь ответ в сечи той,
Чтобы на застил он Новоградскую зарю.
Ты шуми, певунный Волохов, шуми,
Разбуди Садко с Буслаем на-торгаи!*

В 1917 году Сергей Есенин написал стихотворение «Отчарь», славившее отвагу и гордый дух «русского племени», племени мужиков, жаждущих вольницы. Перед его взором плясала «буйственная Русь», сзывающая всех на пир:

*Слышен волховский звон
И Буслаев разгуд,
Закружились под гул
Волга, Каспий и Дон...*

Во время посещения Новгородской области, в 1921 году, Есенин ездил по деревням, записывал народные песни, сказки, предания, которые всегда очень любил; в это время он останавливался в Новгороде у литсотрудника газеты

«Крестьянская правда» В.Я. Смелова, талантливого поэта, автора сборников «Напевы природы» и «Лестница борьбы».

Великий юродивый русской поэзии — Велимир Хлебников. Одиноким, непонятый и непризнанный, «Председатель земного шара» скитался по голодной Руси как странник, очарованный научным экспериментированием не менее, чем поэтическим. Он шел, как по пеленгу, на слышимый ему одному зов из будущего, но силы его слабели: «Я одиноким врачом/ В доме сумасшедших/ Пел свои песни-лекарства». На новгородской земле Хлебников появился весной 1922 года, когда приехал в деревню Санталово крестецкого района к одному из своих немногочисленных верных друзей — художнику-футуристу П. Митуричу, не раз оформлявшему его стихотворные сборники. Незадолго до этого Хлебников пережил страшный удар: безвозвратно пропали его рукописи, оставленные знакомым для опубликования.

*Горе и вам, взявшим
Неверный угол сердца ко мне:
Вы разобьётесь о камни,
И камни будут надсмехаться
Над вами,
Как вы надсмехались надо мной.
(«Ещё раз, ещё раз я для вас звезда...»)*

Этому стихотворению суждено было стать его завещанием. Долгие годы скитальчества окончательно подорвали здоровье, и вскоре Хлебников попал в крестецкую больницу с очередным приступом лихорадки. Короткое улучшение было лишь предвестием грядущего конца. В мае-июне им было написано ещё два стихотворения: «Святче Божий!...» и «Не чертиком масленичным...». В 9 часов утра 28 июня 1922 года сердце великого «будетлянина» остановилось. В своем конце хлебников вернулся к самому началу — тому месту, из которого «есть и пошла земля Русская». Тело его успокоилось в новгородской земле, на кладбище деревни Ручьи, а душа вернулась в небеса, которым посвящены его последние строки:

*Мне мало надо!
Краюшку хлеба
И каплю молока.
Да это небо,
Да эти облака!*

НОВГОРОДСКИЕ СТУДЕНТЫ ПЕТЕРБУРГСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В 1724 году в России была учреждена Академия наук. От европейских академий она отличалась тем, что ее задача состояла не только в «размножении наук», но и в обучении и подготовке академических кадров. Для этого в 1747 году при Академии были открыты университет и гимназия. О социальных критериях отбора студентов велась длительная полемика. М.В. Ломоносов и его сторонники выступали за доступ к науке широких слоев народа, включая посадских людей и крестьян. Их противники считали, что при наборе студентов предпочтение следует отдавать представителям «благородного» сословия. «Вольным студентам» из «юношей благородных», т.е. дворянской молодежи, были обещаны отдельное учебное помещение, готовый стол, «добрый присмотр» и производство в «академические градусы». Однако дворянская молодежь традиционно отдавала предпочтение военной и государственной службе, поэтому первыми «казеннокоштными студентами» Академического университета стали представители демократических слоев — дети низшего духовенства и разночинцев.

Университетский регламент предусматривал пополнение университета за счет студентов духовных семинарий, «имеющих дарования и склонность к наукам». По ходатайству президента Академии Л. Блюментроста Синод разрешил набрать студентов для университета из числа учащихся Славяно-греко-латинской академии, а также Александро-Невской и Новгородской семинарий. В 1748 году в Новгород приехал секретарь Петербургской Академии наук, профессор элоквенции (красноречия) В.К. Тредиаковский. Он выбрал шесть семинаристов, среди которых были: сын дячка из Старой Руссы, Иван Елисеев (Братковский), сын новгородского священника, Назар Герасимов, сын дячка из Старой Руссы, Иосиф Полидорский, сын священнослужителя из Устюжны, Михаил Софронов, пономарев сын из Новгорода, Игнатий Терентьев, и попов сын из новгородской деревни Сабля, Филипп Яремский. В то время всем им было примерно по 20 лет. Как явствует из «Ведомости новгородского архиерейского дома семинарии об учениках», в 1740 году они были переведены в семинарию из архиерейской школы, в которую поступили в 1738 году. Тогда их способности и успехи были оценены словами «понятен» и «изряден».

В марте 1748 года они сдавали экзамен в Петербурге.

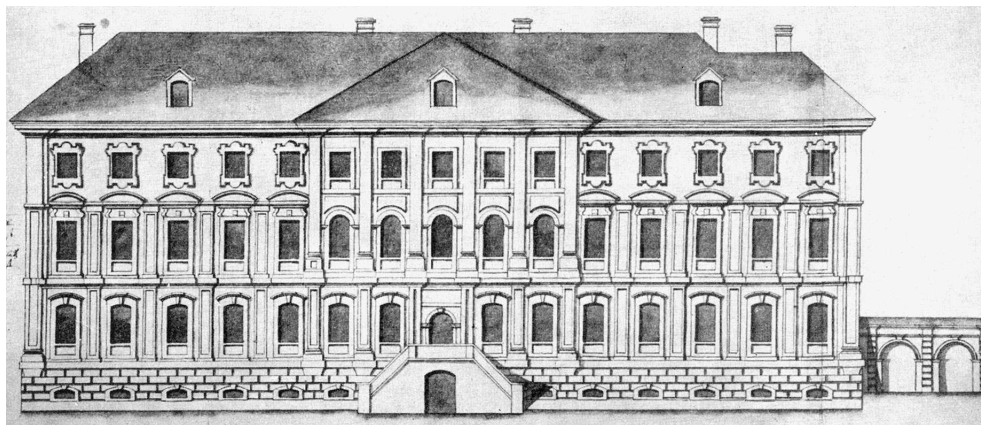
Проверявшие их знания, академик М.В. Ломоносов и профессор И.-А. Браун и И.-Э. Фишер, нашли, что они «в гуманиорах и школьной философии довольный успех имеют, так что на академические лекции о чистоте штиля, философии и математики допущены быть могут».

Новгородские семинаристы вместе с другими казеннокоштными студентами университета получили стипендию в 48 рублей в год и были определены на жилье в Строгановском доме, близ стрелки Васильевского острова. Здесь же были учебные классы, где им читали лекции по философии (И.-А. Браун), математике (Г.-В. Рихман), истории (Х. Крузиус, И.-Э. Фишер, Ф.-Г. Штрубе де Пирмонт), ботанике (С.П. Крашенинников), химии (М.В. Ломоносов), астрономии (Х.-Н. Винсгейм), анатомии (А. Каау-Бургав). Занятия начались 16 мая 1748 года. Студенты не только слушали лекции, но и по три-четыре человека были прикреплены к академикам для того, чтобы в непосредственном общении с ними приобрести знания и навыки научной работы. Иван Братковский и Михаил Софронов были прикреплены к М.В. Ломоносову.

По-разному сложились судьбы новгородских семинаристов в столице. Одни из них уже вскоре обратили на себя внимание преподавателей своей даровитостью и трудолюбием. Среди тех, кто отличился и был удостоен награды уже в первом учебном году, был Филипп Яремский. Он проявил склонность к гуманитарным наукам и блестящие ораторские способности. Из Новгородской семинарии он вынес хорошее знание латинского языка и на публичных экзаменах от имени всех студентов выступал на латыни с приветственными речами и благодарственными стихами в адрес преподавателей и президента Академии, К.Г. Разумовского. Его ораторские и поэтические способности особо отметил на выпускном экзамене в 1753 году профессор И.-Э. Фишер. Из двадцати экзаменовавшихся студентов только семь человек получили звание магистра. Среди них был и Ф. Яремский, утвержденный в звании магистра философии. В феврале 1755 года он был переведен в Москву, где преподавал риторику и латинский язык в университетской гимназии.

Профессора Академии обратили особое внимание также на Михаила Софронова, проявившего разносторонние способности и усердие. В отчете за 1749 год было отмечено, что он «ко всем почти равное к лекциям прилежание

имел и никому из товарищей своих в математике не уступает, также и в философии изрядно ответствен, в латинском языке изрядно упражнялся, понятия доброго и превеликое к учению желание». В 1750 году, как лучший студент университета, по распоряжению президента Академии К.Г. Разумовского, был награжден шпагой. В отличие от Ф. Яремского, М. Софронов проявил наибольшие склонности к естественным наукам. Он обучался химии у М.В. Ломоносова, а по итогам экзаменов 1751 года заслужил такой отзыв преподавателей: «Михайло Софронов на математические и физические вопросы изрядно ответствен, что, по мнению всех, в числе самых лучших быть удостоен ... В физике, и притом в математике придти к совершенству желает...»

Дом Строганова на стрелке Васильевского острова, в котором помещались Академический университет и гимназия. Аквадельный рисунок первой половины XVIII в.

Во время учебы М. Софронов попробовал свои силы и как преподаватель. В 1749 году он преподавал арифметику в Академической гимназии, а в 1751 году читал лекции по математике студентам второго курса университета.

В том же году он направил на отзыв в Академическое собрание свою работу «Метод определения давления воды на дугу окружности». Работа получила высокую оценку и была отправлена на отзыв в Берлин выдающемуся математику Леонарду Эйлеру. Ознакомившись с ней, Л. Эйлер отметил выдающиеся математические способности М. Софронова и послал ему письмо, в котором назвал его «ученейшим и превосходнейшим юношей».

По окончании университета, в 1753 году, он получил такую аттестацию: «Студент Михаил Софронов в математике и физике показал себя на нынешнем экзамене всех лучшим. Да он же сверх того, имеет особливые заслуги, что девять человек студентов обучились у него геометрии и алгебре довольно. В поступках хорош». В 1753 году он был произведен в звание адъюнкта (помощника профессора) и в 1754 году направлен на стажировку в области высшей математики в Германию к Л. Эйлеру.

Но уже в 1755 году в связи с тем, что Академический университет, лишившись части преподавателей, отправленных в Московский университет, оказался в тяжелом положении, М. Софронов был отозван в Петербург. Однако по возвращении он оказался в неблагоприятной ситуации. Его наставник и покровитель М.В. Ломоносов уехал из Петер-

бурга на стекольную фабрику в Усть-Рудицу, и заклятый враг Ломоносова, советник академической канцелярии авантюрист и интриган («коварник» и «лукавец») И.-Д. Шумахер и двуличный ассессор канцелярии Г.Н. Теплов не допустили М. Софронова к преподавательской работе. Только в 1756 году о нем вспомнили и после испытания определили адъюнктом к академику Г.-Ф. Миллеру, который использовал его явно не в соответствии с его способностями, главным образом, в качестве переводчика.

Ломоносов пытался перевести его на преподавательскую работу, но его поддержка обернулась для Михаила тем, что в 1759 году его исключили из Академии наук. Он жил в бедности и безвестности и в феврале 1760 года замерз на

улице на Выборгской стороне, не дожив и до тридцати лет. Так трагически оборвалась жизнь самого талантливого и одаренного новгородского студента Академического университета.

Из стен Академического университета вышли многие известные деятели русской науки и культуры: профессор Московского университета А.А. Барсов, поэт и пере-

водчик И.С. Барков, академик Академии наук и Российской академии Н.Б. Иноходцев, путешественник и натуралист академик И.И. Лепехин, писатель и переводчик Я.П. Козельский. Их список мог бы пополнить и Михаил Софронов. Но его блестяще начавшаяся научная карьера оборвалась на взлете по причинам, на которые указал М.В. Ломоносов в «Записке о необходимости преобразования Академии наук»: «Искание и получение правления Академическим корпусом от людей мало ученых и недоброхотство к учащимся россиянам в наставлении, в содержании и в произведении ... Шумахеру было опасно происхождение в науках и произхождение в профессорах природных россиян, от которых он уменьшения своей силы больше опасался».

Новгородских семинаристов отличала хорошая языковая подготовка. Знание латинского языка принесло весьма ощутимую пользу Назару Герасимову. Не отличаясь особым усердием, он учился весьма посредственно, и в 1750 году университетское начальство приняло решение отправить его обратно, в Новгород. Но учитывая его искреннее раскаяние, а главное, способность к языкам, решено было оставить его в университете. После завершения учебы, в 1753 году, он был назначен преподавателем латинского языка в Университетской гимназии, где проработал около двадцати лет. Конец 1760 – начало 1770-х годов были отмечены увольнением преподавателей учебных заведений, вышедших из мещан и разночинцев. Среди них был и Назар Герасимов.

Не все новгородские семинаристы прошли полный курс университетской науки. Одни уходили сами, других исключали за академическую неуспеваемость и серьезные проступки. Так Игнатий Терентьев, обнаружив весьма посредственные успехи, в 1758 году просил исключить его из числа студентов и определить «настоящим при гимназии учителем с производением жалования против прочих учителей, дабы он тем побуждаем был к наивысшей ревности и прилежанию в отправлении положенной на него должности». Инспектор И.-Э. Фишер характеризовал его как весьма посредственного студента. Академическая канцелярия, считая, что как по возрасту, так и по природным дарованиям И. Терентьев не годится для научной работы, но «жития изрядного», и может «обучать младший арифметический класс», «исключила его из состава студентов и зачислила в штат Академической гимназии, где он преподавал арифметику до самой смерти (в 1761 году).

Среди новгородских студентов Академического университета были и такие, кто вдали от родных пенат не устоял перед соблазнами большого города и отдал дань Бахусу, принеся в жертву ему свои таланты и способности.

Прикрепленный «для наставления» к М.В. Ломоносову Иван Братковский уже на первом году обучения проявил большие способности, но вскоре стал пропускать лекции, пьянствовал, что не замедлило сказаться на учебе. В связи с этим его куратор М.В. Ломоносов заметил, что «Иван Братковский мог бы иметь равный успех, если бы не часто лек-

ции прогуливал». В конце концов его поведение переполнило чашу терпения университетского начальства, в 1753 году он был исключен из университета и направлен в Географический департамент Академии наук. Там он взялся за ум и написал две диссертации, «Об определении на земном глобусе места, где всюду видно зарево» и «О доказательствах геометрических», которые получили высокие оценки. В 1754 году он был восстановлен в университете, но вскоре вновь запил и был отдан в солдаты.

В 1753 году «за дерзости и пьянство» был исключен из университета и определен в Географический департамент земляк и однокурсник Братковского, Осип Полидорский. Там он зарекомендовал себя с положительной стороны. Став руководителем Географического департамента, М.В. Ломоносов обратил на него внимание и поручил ему сочинение специальных карт. По его ходатайству в 1758 году тот был произведен в чин «прапорщика геодезии».

По-разному сложились судьбы новгородских семинаристов в Петербурге. Одни всерьез взялись за учебу и добились успехов в науке, другие не проявили особого прилежания и способностей, третьи, не устояв перед искушениями взрослой жизни, погубили свои таланты. Их биографии примечательны тем, что, во-первых, они так или иначе пересеклись с биографией М.В. Ломоносова, а во-вторых, тем, что они обозначили связь между Новгородом, Петербургом и Москвой на начальном этапе становления высшего образования в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Светлов Г.И. Краткий очерк истории новгородской духовной семинарии. Вып. 1. Пг., 1917.
2. Великий Новгород — колыбель российского образования. Новгород, 2000.
3. Кулябко Е.С. М.В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.—Л., 1962.
4. М.В. Ломоносов в портретах, иллюстрациях, документах. М.—Л. 1965.
5. Очерки истории русской культуры XVIII века. Ч.2. М., 1987. Ч.3. М., 1988.

КНИГА, КОТОРАЯ СТАЛА СОБЫТИЕМ

Спешу сообщить новгородцам добрую весть: в издательстве «Дмитрий Буланин» вышла в свет монография Э.А. Гордиенко «Великий Новгород в XVI веке и его духовная жизнь». Культурная общественность уже знает об этом: 31 мая в университетском корпусе Антониева монастыря прошла презентация книги. Здесь же мне хотелось бы поделиться своими впечатлениями и представить ее более широкому кругу читателей. Впрочем, я уверен, что и без моих заметок книга очень быстро найдет к ним дорогу и будет востребована специалистами и краеведами, преподавателями и студентами, учителями и школьниками, всеми интересующимися историей и культурой Новгорода. И все-таки пользуюсь возможностью высказать свое мнение.

Монография написана на основе докторской диссертации Элисы Алексеевны, защищенной еще в 1993 году. В конце 90-х годов стало известно, что материал диссертации готовится к публикации. Специалисты-«новгородисты» с нетерпением ждали выхода книги. Новгород как феномен истории и культуры явно заслуживает большего внимания со стороны ученых. Ощущается дефицит современной научной литературы, особенно обобщающих трудов; к примеру, единственная серьезная обобщающая работа по архитектуре Новгорода опубликована в 1964 году¹. Интерес подогревался текстом автореферата и яркими лекциями автора по этой теме. Наконец, долгое ожидание вознаграждено. Первое, что чувствуешь, взяв книгу в руки, — «какое роскошное издание»; первое, что думаешь, пролистав ее и начав читать, — «какой огромный объем информации, какой широкий охват проблемы»; первая мысль по прочтении — «да, это событие и веха в изучении Новгорода».

Монография является обобщающим трудом по культу-

ре Новгорода. Несмотря на финансовые трудности, историческая наука и искусствоведение сейчас активно развиваются, проводятся конференции, публикуются статьи и книги. Проанализировано уже, кажется, все, что можно, накоплен гигантский фактический материал. Однако, ощущается настоящая потребность в подобных трудах; видимо, настала пора «сбора урожая». Первой весенней ласточкой в этом деле и является книга Э.А. Гордиенко. Каждый ученый способен проанализировать интересующее его явление, но далеко не каждому под силу осмыслить и синтезировать накопленный разрозненный материал (особенно если этот материал из разных областей знания), сделать научное обобщение. Элиса Алексеевна сделала это блестяще.

Книгу можно назвать энциклопедией новгородской жизни XVI века. В ней представлены следующие разделы: социально-экономическая и политическая обстановка; литература и публицистика; архитектура; изобразительное искусство; декоративно-прикладное искусство; церковная жизнь. Не будучи специалистом во всех этих разделах, я могу компетентно говорить лишь об архитектуре, которая мне ближе и понятнее. Элисе Алексеевне, напротив, ближе изобразительное искусство, где она — признанный авторитет. Тем не менее, глубина освоения ею архитектурного материала, его понимание вызывают уважение. Зодчеству уделено достойное место — более ста страниц книги, из 460 страниц общего объема. Уже в этом факте проявляется новый взгляд на культуру, на соотношение ее аспектов, намечаются новые тенденции (обычно в обобщающих работах небольшой раздел по архитектуре занимает одно из последних мест). Ново и ценно также богатство иллюстративного материала высокого качества, что сразу бросается в глаза. Это свидетельствует о понимании автором предмета — с минимумом иллюстраций говорить об архитектуре не имеет смысла. Практически каждый памятник в книге всесторонне иллюстрирован: обязательно присутствует план, фотография современного об-

¹ Гладенко Т.В., Красноречьев Л.Е., Штендер Г.М., Шуляк Л.М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород. К 1100-летию города. М., 1964.

лика, часто — разрез, и, если здание перестроено, — его реконструкция. Вся графика специально обработана и подготовлена к изданию опытным реставратором Н.Н. Кузьминой, за что ей низкий поклон. Подавляющая часть графического материала происходит из архива Новгородской научно-реставрационной производственной мастерской и публикуется впервые. Богатейшая иллюстративная насыщенность монографии — одна из ее привлекательных особенностей, находок, изюминок; несомненно, это вызовет живейший интерес у всех категорий читателей.

Впервые новгородское зодчество XVI века представлено в столь полном объеме. Не остался без внимания ни один памятник (более 20 храмов, не считая оборонительных сооружений и жилых построек). Некоторые объекты впервые введены в научный оборот — собор и трапезная Клопского монастыря, трапезная Хутынского монастыря, по другим — в первый раз публикуется графический материал. Автор обосновывает свою собственную концепцию развития новгородского искусства. Несмотря на то, что отдельные моменты, нюансы, частности этой концепции спорны, ее мощное стимулирующее воздействие не подлежит сомнению. Книга заставляет задуматься, будоражит мысль, а это ли не основное достоинство научного труда?

Одно из главных достижений автора — широта кругозора, не плоский, узкий, а объемный, панорамный, многоаспектный взгляд на проблему. Архитектурный процесс предстает не сухой схемой, как в большинстве прежних работ, а наполняется конкретным содержанием, включается в общую жизнь города, рассматривается многопланово. Этот комплексный подход весьма перспективен. Сейчас уже заметно, что специальный анализ архитектурных форм конкретного памятника (памятников) начинает исчерпывать свои возможности; открытия на этом пути есть, но их становится все меньше. Будущее, вероятно, за комплексным методом, выходом за рамки одного аспекта, одной дисциплины, узкой специфики. В данной монографии этот метод продемонстрирован весьма успешно.

Если говорить более конкретно, что же нового мы узнаем о развитии зодчества в Новгороде, можно отметить следующие находки и открытия автора. В книге исчерпывающе раскрыта важнейшая роль богатых «гостей», московских «переведенцев» Сырковых, Таракановых, Корюковых и др. в возрождении хозяйства и культуры Новгорода; особенно велики заслуги династии Сырковых — «главного действующего лица книги», по признанию самого автора. Совершенно в ином свете предстает перед нами и личность Бориса Годунова, который приложил немало усилий для возрождения Новгорода после опричного погрома, для возвращения ему статуса культурного центра государства. Автор развивает в книге оригинальную гипотезу происхождения монастырских трапезных храмов; убедительно показано, что этот интересный тип построек возник на местной почве как попытка выразить в формах архитектуры космологические идеи Космы Индикоплова. Элиса Алексеевна имеет свой взгляд на эволюцию новгородского зодчества, ею переосмыслено значение в этом процессе некоторых памятников, подчеркнуто, в частности, важное место

церквей Прокопия Мученика, Сретения Антониева монастыря и др. Выдвинуто интересное предположение о появлении Государева двора Ивана Грозного на Никитине улице в середине XVI века, а не в 1570-х годах, как считалось ранее, что отчасти объясняет загадку собора Никиты Мученика (однако, к сожалению, этот тезис никак не аргументирован).

Сильная сторона монографии (впрочем, присущая автору во всех ее работах) — органичное сочетание серьезного научного содержания и ясного, емкого, эмоционального и красивого языка, полностью лишённого штампов. Элиса Алексеевна уверенно владеет всем комплексом современного научного материала, свободно ориентируется в океане специальной литературы и архивных источников; достаточно сказать, что количество ссылок на источники и литературу к каждой из глав насчитывает от 500 до 700 позиций. Весь этот гигантский комплекс информации осмыслен и переосмыслен, пропущен через мозг и сердце и излагается понятно и доходчиво. По-моему, это и есть показатель талантливого ученого, причем ученого не кабинетного и равнодушного (а таких не мало), а целиком увлеченного своим делом, нашедшего себя в науке. Характер книги можно выразить в двух словах: «одухотворенное знание». Причем в доходчивости стиля автора нет ни грана популяризаторства, упрощенности, а есть вдохновение; нет сомнений, что здесь присутствует не только талант ученого, но и талант литератора, писателя. Благодаря этой особенности, монография имеет несколько уровней, содержит несколько пластов информации. Неподготовленный читатель пролистает ее, рассматривая иллюстрации и пробегаая глазами отдельные страницы, и тем не менее, составит общее представление о духовной культуре Новгорода. Более заинтересованный читатель прочитает книгу от корки до корки и получит более полную картину. Специалист дотошно проштудирует монографию, изучая иллюстрации и обращаясь к ссылкам. Но уверен — у всех будет появляться потребность возвращаться к книге вновь и вновь, и будет возможность получать дополнительные знания и пищу для размышлений. В этом смысле справедливо сказать, что книга читается запоем, и что изучать ее можно очень долго.

Все сказанное выше (комплексный подход к материалу, привлечение разных областей знания, обилие и разнообразие иллюстраций, совершенный научный аппарат, информативный и в то же время сочный, образный язык) характеризует, по моему мнению, монографию нового типа, то есть такой научный труд, все элементы которого выполнены на высочайшем уровне. Это, возможно, первая книга о Новгороде такого уровня, и символично, что она посвящена именно духовной культуре.

Однако каждый большой труд, каждый крупный шаг вперед неизбежно сопровождается недочетами. Можно терпеливо ждать, когда плод созреет и сам упадет в руки, когда исследователи внесут ясность в спорные моменты, и обобщать уже готовый материал (или просто обходить стороной острые углы), а можно брать на себя ответственность и смелость и пытаться самостоятельно решать не-

разработанные проблемы, рискуя вызвать полемику и критику. Элиса Алексеевна как раз отличается научной смелостью, в лучшем смысле этого слова. При всех достоинствах ее последнего труда все же чувствуется, что для автора проблема зодчества — вновь освоенный материал. Редко, но встречаются терминологические неточности и неясности, незнание некоторых отдельных (мелких) фактов, спорная расстановка акцентов при анализе конкретных памятников и эволюции зодчества в целом. Например, автором отмечено, но не подчеркнуто и не обосновано небывалое разнообразие типологии в новгородской архитектуре: если в XIV-XV веках Новгород знал лишь один тип храма, то в XVI веке можно видеть и огромные соборы, и посадские церкви, и трапезные, и «столпы», и многопридельные культовые здания. Мало сказано об интереснейших постройках — столпообразных храмах «под колоколы»; фактически, рассматривается только «Хутынский столп» и почти ничего не говорится об аналогичном «Антониевском», лишь мимоходом упоминается, что южный придел собора Никиты Мученика — тоже столпообразный храм «под колоколы» (кстати, «шатер произвольной формы» поставлен над ним не в XVII веке, а в 1950-х годах реставратором Л.М. Шуляк). В научный аппарат не включены недавние публикации о происхождении, функции и символике столпов. В тексте совсем отсутствует термин «многопридельные церкви» (в Новгороде это соборы Никиты Мученика и Клопского монастыря); между тем, в современной литературе их выделяют в особый тип с присущими только ему особенностями. Из числа новгородских памятников, рассматриваемых в монографии, выпала трапезная Михалицкого (Молотковского) монастыря; она перестроена в XVII веке, но основные конструкции и формы Г.М. Штендер датировал серединой XVI столетия. Автор привлекает к анализу трапезную Александро-Свирского монастыря, то есть выходит за рамки только городской и пригородной архитектуры; это хорошо, но в таком случае логично было включить и другие памятники «новгородской школы» — Успенский собор в Тихвине, недавно выявленную весьма интересную церковь Рождества Иоанна Предтечи в Каменных Полянах (Батецкий район), постройки на Соловках и др. Очень мало места уделено трапезной Хутынского монастыря. На

странице 335 сказано, что круглые окна с валиком впервые применены в соборе Сыркова монастыря; однако еще раньше они имелись в церкви Михаила Архангела на Сковородке (1355 год). Элиса Алексеевна утверждает, что храмовое строительство в Новгороде прекратилось к 1570 или 1580 году. Однако, из источников известно, что во второй половине 1580-х годов в Духовом монастыре сооружен, вероятно, на средства царя Федора Иоанновича и боярина Бориса Годунова целый комплекс зданий: две надвратных церкви (или церковь с приделом), большая звонница («колокольня о трех верхах»), двое каменных ворот. Существующий северный объем церкви Филиппа Апостола в книге именуется Никольским приделом; между тем — это самостоятельный храм Николая Чудотворца, первоначально не сообщавшийся с соседним, а вместе они представляют редкий тип «сдвоенных церквей». На странице 339 говорится, что церковь Никиты Мученика на две сажени меньше по ширине собора Сыркова монастыря; в действительности, ширина первой — 18,3 м, второго — 19–20 м. Иногда автор не оговаривает, что приводимые им датировки памятников спорны и имеют иные, не менее обоснованные, версии (некоторые исследователи датируют собор Клопского монастыря 1569 годом, а трапезную Александро-Свирского монастыря концом XVI века). Имеются замечания и к графике. Не согласуются между собой план и фасад Никольской трапезной Воскресенского монастыря (но это уже вопрос к Н.Н. Кузьминой). Приведены планы значительно перестроенных памятников (собора и трапезной Клопского монастыря, церкви Никиты Мученика), но не указано, что это реконструкции планов, зачастую — предположительные.

Разумеется, эти отдельные неточности ни в коей мере не умаляют достоинств монографии, которой, наверняка, суждено большое будущее. Несомненно, она станет настольной книгой всех новгородцев, любящих свой город и историю, всех читателей, интересующихся гуманитарными предметами. Думаю, что, несмотря на солидную цену, книга вскоре станет библиографической редкостью (особенно если учесть тираж в 900 экз.) и выдержит еще не одно издание. А Элисе Алексеевне хочется от всей души пожелать творческой энергии, новых открытий, новых книг, новых удач.

ДЛЯ ТЕХ, КОМУ ДОРОГ НОВГОРОД

Несомненно, внимание к «Новгородике» за последние годы возросло на несколько порядков. Мы, библиотекари, фиксируем устойчивый интерес читателей к истории, культуре, искусству, литературе Новгородской земли. И дело не только в том, что курсы по изучению «Новгородики» введены в школах и университете, а и в том, что мы, наконец, в массе своей поняли непреложную истину. Без знания прошлого невозможно ни осознать настоящее, ни спрогнозировать будущее. И просто-напросто стыдно, живя на этой земле, не знать тех её духовных и нравственных традиций, в которых нам, так же, как и нашим предкам, предстоит черпать силы, необходимые для преодоления всех трудностей, встречающихся на нашем жизненном пути.

Естественным ответом на этот интерес стало появление огромного числа публикаций, связанных с Новгородом. Да и наш журнал «Чело» возник в немалой степени благодаря расширению исторических и научных традиций в области изучения и популяризации знаний о Новгороде. За последние несколько лет появились, как фундаментальные исследования в области «Новгородики», такие, как представленная в этом номере журнала книга Э.А. Гордиенко «Новгород XVI века и его духовная жизнь», так и небольшие брошюры, раскрывающие отдельные вопросы культуры, истории, искусства Новгорода в различные периоды его существования.

И я надеюсь, что сегодняшняя обзор четырех изданий продолжит постоянную рубрику, которая будет знакомить наших читателей с книгами, представляющими интерес и для специалистов и для всех интересующихся прошлым и настоящим нашего края.

Шуляк Л.М. Об архитектуре Новгорода: сборник статей / Сост. и авт. вступит. ст. В.А. Ядрышников. Новгород, 1998. – 54 с., ил.

Любовь Митрофановна Шуляк, названная составителем этого сборника статей, искусствоведом В.А. Ядрышниковым, «бабушкой новгородской реставрации», оставила не слишком большое научное наследие. Ею опубликовано всего лишь шесть брошюр и статей, но весь свой талант

она направила на практическое спасение и реставрацию крупнейших исторических сооружений Новгорода, куда она пришла в 1946 году для работы в реставрационной мастерской.

Благодаря её многолетней деятельности, мы имеем возможность любоваться церковью Федора Стратилата на Ручью, Петра и Павла в Кожевниках, Мины и Николая в Старой Руссе. В процессе реставрации этих храмов ею было сделано немало научных открытий, которые она описывает и в

коллективной статье «Архитектура конца XIII–XV вв.», и в отдельных публикациях, посвящённых различным новгородским храмам. Она первая заговорила о необходимости изучения и реставрации памятников гражданской архитектуры

XVIII– начала XX веков. Проявила навыки и археолога, и архитектора, и знатока древнерусской живописи при разборке руин церкви Спаса на Нередице.

Качество её реставраций было столь велико, что они вошли, как образцы во многие учебники и обобщающие труды по истории русского зодчества и методики, и практики реставрации.

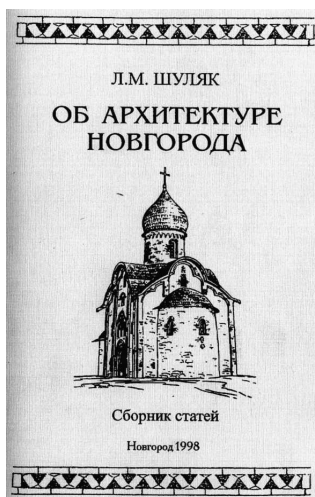
Она прожила большую жизнь, переступив столетний порог, и получила много земных наград: и ордена, и лауреатское звание, но лучшая память о её жизни — возрожденные и радующие нас церкви: Спаса на Нередице, Николы на Липне, Рождества на Красном поле, Иоанна Богослова на Витке...

Переиздание сборника её научных работ ещё одна дань памяти старейшему новгородскому архитектору – реставратору Любови Митрофановне Шуляк.

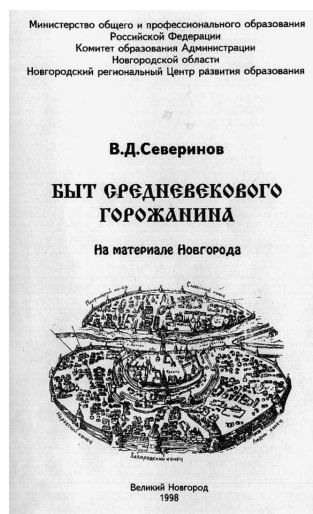
Северинов В.Д. Быт средневекового горожанина (на материале Новгорода). Новгород, 1998. – 72 с., ил.

Автор, основываясь на результатах многолетних (более 60 лет) археологических раскопок, пытается реконструировать и устройство самого средневекового города, и жизненный уклад его горожан.

В книге нарисована картина общих принципов совместного проживания, включающая в себя участие всех горожан в общегородских работах, таких как строительство оборонительных сооружений, мощение дорог, возведение мостов, прокладывание водоотводов и многого другого. Причём описывая всю эту деятельность, автор опирается не только на археологические материалы, но и на летописные свидетельства. Очень подробно В.Д. Северинов описывает устройство самой городской усадьбы — двора, деревянного, часто страдающего

от пожаров, зорко охраняемого своими хозяевами, по принципу «мой дом — моя крепость», о чём свидетельствовали высокий частокол и мощные ворота, запирающиеся на ночь

брусом. Конечно, в зависимости от социального положения семьи или клана, владеющего двором, варьировались и его площадь, и количество и назначение жилых и хозяйственных построек. Это могли быть богатые боярские, купеческие (торгово-ремесленные) дворы, а мог быть двор с одним скромным домом, принадлежащим одной семье. Основываясь на археологических раскопках и реконструкциях, Северинов подробно описывает устройство жилых помещений от фундамента до крыши со

всем традиционным домашним скарбом, обстановкой и украшениями, а также хозяйственные постройки: амбары, клети, поварни, конюшни, погреба-ледники, бани, мастерские, которые обязательно присутствовали в тех дворах, жители которых занимались различными ремёслами: кузнечными, кожевенными, ювелирными...

Кстати, ювелирные украшения, бытовавшие среди новгородцев разного социального положения, тоже не ускользают от внимания автора, так же как и обувь, головные уборы и сам городской костюм, производство которого было одной из обязанностей женской половины любой семьи. Поэтому так часто при раскопках и находят археологи гребни для чесания шерсти, веретёна, детали ткацких станков.

Не обладая исчерпывающими сведениями о пищевом рационе средневекового Новгорода, автор книги, тем не менее, пытается дать читателю представление об основных продуктах питания, способах их приготовления и хранения. Хотя никаких письменных свидетельств об этой естественной стороне жизни средневекового человека не сохранилось. Домострой XVI века — первый письменный свод правил, включающий, в том числе, сведения о том, как вести хозяйство, какие блюда готовить, как приготовить ритуальную трапезу. Достаточно большой объём книги отведён иллюстрациям, дающим представление об устройстве города, о внешнем виде усадьбы-двора и интерьере жилых помещений, а также домашней утвари, предметах быта и производства, одежде, украшениях, средствах передвижения. Словарь терминов поможет читателям лучше разобраться в содержании книги, а список литературы поможет читателю расширить свои представления о жизни средневекового новгородского горожанина.

Красноречьев Л.Е. Исследование и реставрация памятников деревянного зодчества: По опыту работ в Новгородской области. СПб, 1999. — 59 с., ил.

Леонид Егорович Красноречьев в своей книге обобщая опыт многолетней работы в Новгородской области в качестве

архитектора-реставратора, делает попытку составить практическое руководство для специалистов (архитекторов, этнографов, искусствоведов), занимающихся исследованием и фиксацией, реконструкцией и реставрацией деревянных сооружений.

Шаг за шагом он описывает приёмы, с помощью которых определяется возраст сооружений, а также те утраты и перестройки, которым памятники подвергались за годы существования.

Переходя от внешнего осмотра к более глубокому изучению памятника, Красноречьев знакомит специалистов с методами проведения зарисовок, разрезов, планов, обмеров, а многочисленные иллюстрации демонстрируют примеры проведения всех этих работ, неоднократно осуществляемых автором в различных районах Новгородской области.

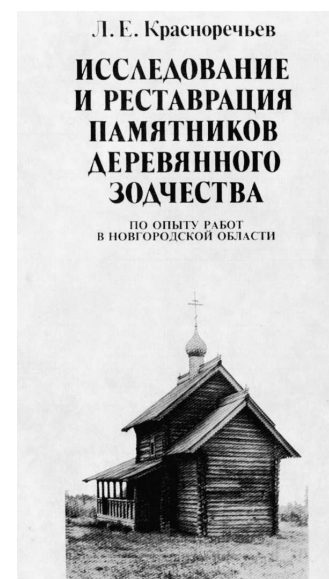
Л.Е. Красноречьев указывает на то, что восстановить целостную картину первоначальной постройки и разработать реконструкцию объекта возможно лишь при комплексном использовании всех приёмов его изучения: натурального исследования, изучения письменных источников и графических материалов, опроса старожилов, привлечение аналогий и, наконец, неких гипотетических построений, когда специалист, исходя из своего опыта строит образы утраченных объектов и деталей.

А для этого, естественно, необходимо прекрасно разбираться в особенностях характерных приёмов строительных для того или иного времени. Многочисленные таблицы, составленные автором, позволяют увидеть различные варианты пазовки, приёмов обработки кровли, особенностей конструкций обрамлений дверных и оконных проёмов форм крыш и многих других деталей, из которых и создавался облик сооружения, характерный для определённой эпохи.

И наконец последний этап, цель всего исследования — проект реставрации, в котором рассматривается реставрация всех частей сооружения от фундамента до крыши и обязательно разрабатывается способ химической и биологической защиты древесины.

А в случае, если сооружение необходимо перевезти с места на место, автором издания даются рекомендации по разборке, перевозке, сборке и последующей реставрации объекта.

Приведённые в конце издания списки опубликованных работ, пояснительных записок к проектам реставраций, научных отчётов об исследовании и реставрации памятников, демонстрируют нам истоки того огромного научного и практического опыта, которым Л.Е. Красноречьев стремится поделиться со специалистами, сохраняющими для нас деревянное зодчество Новгорода.

Финская писательница Каари Утрио (1942 г.р.) по образованию историк. Она закончила исторический факультет Хельсинского университета и является автором двух специальных исследований о роли женщины в мировой истории («Дочери Евы») и в истории Финляндии («Дочери Калева»). Однако широкой публике она более известна как автор исторических романов, центральной темой которых являются положение и права женщин в разных эпохах и странах. Самые известные из них — «Хозяин усадьбы и прекрасная Кирстин», «Суннева — дочь ярла», «Выборгская красавица», «Суннева в императорском граде», «Пирита — дочь Карелии». За последний роман она получила литературную премию Финляндии. В нём рассказывается о жизни карельской девушки Пириты, которая волею судьбы оказалась в Великом Новгороде. Наряду с вымышленными героями в романе действуют реальные исторические лица: Иван III, Марфа Борецкая, новгородские посадники Дмитрий Борецкий, Василий Селезнев Губа и другие. Одно из центральных событий романа — битва на реке Шелонь. Она произошла 530 лет назад 14(27) июля 1471 года. Вряд ли новгородцы могут считать эту дату праздничной, но вычеркивать её из истории не следует, поскольку она была переломной в судьбе Господина Великого Новгорода.

Каари УТРИО

БИТВА НА РЕКЕ ШЕЛОНЬ

Князь Михаил Олелькович покинул Новгород и направился в Киев, оставляя после себя сожженные дома и тела убитых, а на Пискупле, в доме Борецких, не спали уже третью неделю, сочиняя договор, который Новгород собирался заключить с польским королем Казимиром. Много было выпито за это время, и много было споров, но, в конце концов, Марфа Борецкая добилась того, что договор получился таким, каким он виделся ей с самого начала, и высокое посольство повезло его королю...

Весна в тот год выдалась на редкость теплая и сухая, дождей не было вовсе. Тающий снег превратил улицы Новгорода в потоки грязи — уже наступил крайний срок заново мостить улицы города, и с этим все соглашались, однако никто ничего не делал, словно все договорились ничего не делать, пока не принято окончательное решение. Литовская партия утверждала, что никакого решения так и не последует, все будет идти своим чередом, и те, кто думает, что Москва осмелится напасть на Великий Новгород, сильно ошибаются.

Терпение Великого Князя казалось и в самом деле безграничным. Из Москвы шли неодобрительные письма, и их тон напоминал тон отца, который удивлен плохим поведением сына. Митрополит Московский, Филипп, в письме призывал православных людей Новгорода повиниться Великому Князю и остерегаться безбожников: короля Польши и киевского митрополита-еретика Григория. Литовскую партию эти письма мало волновали: по их мнению, они могли означать лишь то, что Великий Князь так

боится Господина Великого Новгорода, что осмеливается посылать только письма, а не военные отряды.

Из Пскова от новгородских лазутчиков пришла весть о том, что посол Великого Князя был во Пскове и склонил город на свою сторону; так что, если начнется война с Новгородом, то Псков выступит на стороне Великого Князя.

Марфа Борецкая пожала плечами: что такое Псков? Это же всего лишь бывшая новгородская провинция. Из Польши не было никаких вестей, и начало казаться, что Казимиру, Королю Польскому, судьба Новгорода была безразлична. Марфа стала тревожиться — хоть оснований для страха и не было ... но все же, если Великий Князь нападет — что тогда станет с Новгородом?

Наконец, Марфа поняла, что нужно принимать какие-нибудь меры. О том, что делать дальше, и советовались в доме Авраамовых в один из ясных майских дней.

Болота, окружавшие Новгород, были самой надежной, да, пожалуй, и единственной его защитой. Когда-то давно, еще во времена Александра Невского, татары пошли походом на богатый Новгород, но, дойдя до болот, повернули обратно, потому что их лошади не могли перебраться через трясины. Болота были коварны. Они проглатывали всех — людей и лошадей одновременно; случалось так, что обернется всадник сказать что-нибудь попутчику, а того и след простыл, словно и не было вовсе. Через болота не удавалось пройти еще никому. Но этим летом стояла невиданная до сей поры засуха, и болота были сухими и твердыми,

и по ним можно было свободно пройти пешему, и проехать на коне.

На Великом Мосту было много народу, все торопились на Ярославов Двор посмотреть, как Борецкие примут Ивана Федоровича Товаркова, которого Великий Князь послал в Новгород, чтобы образумить и усмирить новгородцев.

Посол въехал в город по Московской улице, пересек Плотицкий конец, переправился через Федоровский ручей, миновал церковь Иоанна Предтечи и оказался на Торгу.

Народ приветствовал его. Было видно, что посол приехал с миром, потому что его сопровождали всего лишь десять воинов. Иван Федорович был хорош, как и подобает другу самых знатных московских бояр и Великого Князя: темные волосы, блестящая ухоженная борода, расшитое золотом черное платье и меховая накидка, на голове островерхий головной убор, отороченный соболиным мехом, на ногах — мягкие кожаные сапоги. Конь своим убранством не уступал хозяину: на нем была тканая золотом черная попона, а сбруя и седло были украшены золотой инкрустацией.

Иван Федорович улыбался людям, которые махали ему, он остановил коня перед входом на Ярославов Двор и поднял руку, прося тишины.

— Вольные граждане Великого Новгорода! Великий Князь приветствует вас! Властитель Всея Руси был рад услышать, как честные новгородцы любят его. Великого Князя радует и то, с каким рвением они защищают православную веру. Остерегайтесь еретического латинства, бойтесь неверного митрополита...

Сильный шум и насмешливые выкрики оборвали его речь.

— Убирайся, москвитянин! Долой угнетателя, свободные новгородцы хотят и впредь оставаться свободными! Возвращайся туда, откуда пришел!

Крики доносились из толпы. Все начали с удивлением оглядываться вокруг — кое-где стояли группы людей, которые ревели угрожающими голосами и грозили кулаками послу. Их было много, и непонятно откуда они постоянно прибывали. С улиц? С берега? Никто этого толком не видел. У всех было оружие: мечи, дубины, копья. Кто-то попытался перекричать их, но лишь успел выкрикнуть: «Да здравствует Великий Князь!» — как тут же получил по затылку дубиной, многих ждала такая же участь. Люди начали осторожно отходить к краям площади, к улицам, подальше от угрожающих дубин.

Один из взбунтовавшихся поднял с земли комок конского навоза и бросил его в посла. Иван Федорович уклонился и поднял руку, чтобы заслониться, а его людей начали забрасывать навозом и камнями.

— Где Дмитрий Борецкий? Где посадник? — выкрикнул Иван Федорович, но в ответ получил камнем по щеке, из нее засочилась кровь. Вооруженные бунтари начали подходить угрожающе близко, воины посла отступали, они почувствовали, что их жизнь в опасности. Острая палка угодила в коня Ивана Товаркова, он встал на дыбы и сбросил бы седока, если бы какой-то простолюдин не обуздал коня.

— На мост, скорее, ваша милость, — закричал Борис и

поташил лошадь к берегу. Прикажите своим людям отступать на мост! Вам нужно пробраться в Детинец, в дом архиепископа, там вы будете в безопасности!

— Где Борецкие? — испуганно кричал посол, нервно пытаясь повернуть своего брыкающегося коня. Борис побежал вниз к берегу.

— Борецкие не придут, это их люди! — прокричал он. — Скачите в дом архиепископа, там они вас не тронут...

Положение Новгорода было безнадежным. Бояре начали понемногу понимать это. Марфа Борецкая обратилась к последнему средству — попросила помощи у издавна ненавистного немецкого Рыцарского Ордена. Рыцарский Орден правил своей понемногу ослабевающей рукой в Балтийских землях, и у него не было никакого желания, да и возможностей, вступать в конфликт на юго-востоке.

После того, как Ивану Товаркову чудом удалось спастись и уйти из города, Святая София, затаив дыхание, ждала возмездия. И оно свершилось, терпение Великого Князя подошло к концу. В начале июня он объявил войну Новгороду, который отказался от православной веры и призвал литовского князя, таким образом, оспорив право Великого Князя Ивана Васильевича на его наследные владения.

Великий Князь готовил войну особенно тщательно, даже тщательнее, чем следовало. Из Москвы и близ лежащих городов, из селений вдоль реки и лесных деревень набирались люди на борьбу с неверными новгородцами, к июню вся Москва, от Кремля до Китай-города, превратилась в один большой военный лагерь.

За три недели из Москвы вышло три армии, которые и отправились к обреченному городу. Первыми подошли войска князя Даниила Холмского и князя Федора Стародубского-Пестрого, заняв Старую Руссу, расположенную к югу от Новгорода. И шаги уже этой первой армии вызвали страх у жителей Святой Софии, ведь Данила Холмский был знаменитым воином, наводящим ужас на своих врагов. У Новгорода не было никого, кто бы мог ему противостоять: князь Василий Горбатов-Шуйский был на севере, да и не мог он помериться силами с Даниилом Холмским.

Вторая армия, во главе с князем Василием Оболенским, двигалась по направлению к истокам Тверцы-реки, а оттуда по реке Мсте к Ильмену. В этой армии были и татарские отряды, которые служили у Великого Князя. Из татар в Новгороде видели лишь сборщиков налогов, Святой Софии никогда не пришлось испытать на себе гнет и жестокость татар так, как другим русским землям. Много новгородцев молилось тогда в церквях города, думая, что это наказание Новгороду за его гордыню: Господь послал плеть татарскую и на Великий Новгород.

В то же время братья Великого Князя: Юрий, Андрей старший и Борис, а также Верейский князь Михаил привели свои войска на Новгородскую землю. Псков подходил с запада и, наконец, из Москвы вышла самая опасная армия, под предводительством самого Великого Князя.

Новгород дрожал от страха посреди бесполезных болот: ключи пересохли, трясины в болотах исчезли, а торф стал серым, желтели стебли пушицы, и птицы улетели к берегам Ильменя и Ладоги.

На улицах Новгорода слышались крики и стоны — это боярские люди ходили от дома к дому и силой забирали в армию мужчин: купцов, столяров, горшечников, щитников, кожевников, гончаров, батраков, слуг, нищих, и даже псаломщиков — людей, которые и на лошади за всю свою жизнь не сидели, не говоря уж о том, что они никогда в руках не держали меч или копье. Новгород не был городом воинов, и новгородцы не любили воевать: они хотели спокойно заниматься ремеслом и продавать свои изделия, обманывать столько, сколько душе угодно, они хотели ходить в церковь и молиться Пресвятой Деве Марии Богородице и решать свои проблемы на вече, они хотели собирать с пятин пушнину, соль и продавать их, но воевать они не хотели.

Именно поэтому многие отказывались идти в войско, запирали двери на замки и молились, забившись в угол. Двери, конечно, взламывали, мужчин утаскивали за собой силой, но если бы только это: их дома и утварь грабили, жен и дочерей насиловали, их избивали до крови, ломали руки и ноги и, в конце концов, их тела сбрасывали в Волхов. Их дома все же не сжигали: в городе было так сухо, что любая искра могла бы вызвать пожар, в котором дотла сгорел бы весь город, от Неревского конца до Людина и от Плотницкого до Славно.

Люди стояли и смотрели, как по всему Волхову плавали окровавленные тела. Некоторые предсказывали, что это лишь первые жертвы: и еще будет, чем покормиться рыбе в Волхове и в Ильмень-озере. Рыбы будет много, и улов будет богат, а это хорошо, так как хлеба вряд ли хватит до Рождества, это воспринималось как издевательство, и прорицателей тоже сбрасывали в реку.

Пирита услышала доносящийся с улицы шум и подумала о Борисе: неужели ему придется сражаться с Великим Князем? А может плавать ему бездыханным в Волхове? Так или иначе, Пирита не могла бы этого узнать и она решила выбросить эти мысли из головы. В доме Авраамовых было чем заняться и без этих бесполезных мыслей. Аким собирался на войну, и Пирите на память пришли неприятные слова Онцифера Лукишина об Афиме и его судьбе.

Аким надел рубаху и платье с меховой опушкой, натянул кольчугу. У Афона были еще и железные доспехи, большие и тяжелые, доставшиеся ему в наследство от Михаила Авраамова, но он с важностью сказал, что в кольчуге будет гораздо легче двигаться. Наталия язвительно заметила, что он еще ни той ни другой никогда не надевал, и откуда ему было знать, какая из них лучше. К счастью, Аким этого не слышал или сделал вид, что не слышал замечания Наталии; он ходил взад вперед по избе, проверял то шлем, то меч, то щит, то снаряжение своих людей. Ему было приказано привести с собой каждого пригодного к военному делу человека, кто только найдется в доме Авраамовых, и он заставлял всю мужскую половину челяди, включая и мальчиков-слуг, и стариков-приживал брать в руки меч или дубину. Исключение было сделано только для Льва Колыванова, который как и прежде жил невидимой жизнью в сених, и его не заставляли идти и защищать Новгород.

Пирита подумала, что Аким нервничает, или, может быть, даже боится. Пирита и сама была сильно напугана. А что если разгромят новгородскую армию? А если в город ворвутся москвиты или — что еще хуже — татары? Что тогда будет с Пиритой и ее ребенком?

С улицы доносился несмолкаемый грохот, гул тысяч шагов и тихий стон. Люди оставляли Новгород, тащили за собой свои вещи, везли все на своих саних и волокушах: всех лошадей забрали для армии. Сани были нагружены с верхом кожами, одеждой, а также пряжей, котлами, горшками, ковшами и другой домашней утварью. На возу сидели дети и плакали, родители тянули воз, а домашние животные плелись следом. Жалобное мычание коров и блеяние овец наполняло улицы. Бедных животных привязывали к саним и волокушам, и они понимали, что должны были сами выпутываться, как могут. У некоторых счастливых был бык, который тащил воз, и тогда вся семья сидела на самом верху кучи вещей, а избитое до изнеможения животное старалось пробраться сквозь толпу...

Утром 14 июля, в день Святого Апостола Акилы, в год 6979 от сотворения мира, поднялось солнце, чтобы осветить две армии, стоящие на берегах Шелони. Это небольшая судоходная река, впадающая в Ильмень. Пешую рать Дмитрий Борецкий переправил на лодках, а конница добиралась по суше, разрозненные отряды новгородцев в нерешительности смотрели на противоположный берег. Там стоял противник, но нужно ли было с ним сражаться? Многие считали, что Великий Князь был бы желанным гостем в Новгороде, и сумятицу усиливало то, что архиепископ запретил убивать кого-либо, кроме псковитян, людей Великого Князя трогать было запрещено. А откуда новгородскому плотнику знать, кто из них псковитянин, а кто нет? Разве они чем-то отличались внешне? Войско Великого Князя несло Святой Крест и священные иконы, так надо ли было сражаться с ними? За что и на чьей стороне нужно было сражаться: на стороне Борецких, или польского короля, или Великого Новгорода?

С первого взгляда стало ясно, что новгородцы по силам в несколько раз превосходят противника. Дмитрий Борецкий напоминал памятник, сидя на своем вороном коне. На его смуглом лице запечатлелась довольная улыбка: этот день в Новгороде запомнят так, как помнят Ледовое побоище Александра Невского, разница только в том, что героем, на сей раз, будет Дмитрий Борецкий, сам новгородский посадник, а не чужой князь.

Другой посадник, Василий Селезнев Губа, не обращал никакого внимания на противника. Он всматривался в ряды новгородцев, и ему казалось, что они потихоньку, почти незаметно отходят назад, подальше от берега и от противника.

Затем войско Великого Князя пришло в движение, первой двинулась тяжелая конница — прищпорив коней, москвиты бросились в реку, вода вскипела, и раздался пронзительный боевой клич: «Москва! Москва!»

Дмитрий довольно кивнул. Противник сделал все так, как он и предполагал — напал первым. Враг был теперь в невыгодном положении, ему нужно было переправиться

на лошадях через реку, многие утонули бы, ведь новгородцы стояли на крутом берегу, и быстро подняться наверх было бы очень нелегкой задачей. Новгородцам пришлось бы лишь стоять и сталкивать атакующих обратно в реку.

Так думал Дмитрий Борецкий, но это отнюдь не означало, что так же думали новгородские хлебники и рыбаки, кожевники и нищие. Услышав боевой клич, задние ряды сразу же начали распадаться, сначала один, потом другой, увлекая за собой следующий, все побросали свои дубины, копья, щиты и побежали во весь дух, обгоняя один другого.

Посадник Дмитрий начал кричать и размахивая руками, ругался, плакал и орал, но его никто не слышал. Когда Дмитрия окружило псковское войско, он попытался припорить коня и скрыться, но его вытолкнули копьём из седла, нога Дмитрия застряла в стремени, и конь еще долго волок по земле своего седока. Псковитяне убили животное и отвязали от него то, что осталось от Дмитрия. Молодой посадник был еще жив, его подняли на носилки, не замечая его страданий, и повезли в Корыстынь к Великому Князю, как было приказано.

Новгородцы не знали, что произошло с их посадником, их волновала только собственная жизнь. Ослепленная ужасом вся пешая рать бежала в лес, бежали до тех пор, пока не выбивались из сил, тогда прятались в кусты. Там их находили люди Великого Князя, прочесывая лес, и забивали на месте: умирали новгородские хамовники, куп-

цы и кузнецы, которые даже не знали, за что они так бездарно погибали.

Новгородская конница подросла как раз в то время, когда московские ратники уже перебрались через реку, построились для нового сражения, и там завязалась новая битва. Москвичи ревели и лязгали оружием: стоял такой страшный и оглушительный шум, что кони новгородцев, мирные рабочие лошади, отказывались идти вперед, вставали на дыбы и сбрасывали седоков на землю.

Конница была охвачена паникой, и как раз в тот момент и напал Великий Князь. Всадники соскакивали с коней и убегали. Пешие воины лишь в редких случаях могут одолеть конницу и никогда не смогут выиграть битву на открытом пространстве. В этот день пересохшие прибрежные луга Шелони пропитались кровью новгородцев.

Битва была закончена уже к полудню. Главные силы новгородцев были разгромлены, зарублены или взяты в плен. Леса были полны убитыми и ранеными, с берегов Шелони в безоблачное небо возносился нескончаемый стон, словно глубокий вздох, предсмертный вздох всех свободных новгородцев, которому вторили жалобные молитвы блуждающих по лесу воинов.

Это был удел побежденных; а победители трубили в трубы, целовали иконы, благодарили Господа Бога за победу, которую он послал Великому Князю Ивану Васильевичу, Государю Всея Руси.

ВОСКРЕСЕНСКОЕ

Семнадцать лет назад я собрал и оформил воедино, в виде мемуарного очерка, ещё более ранние отрывочные записи, связанные наблюдениями и впечатлениями с моими прогулками в Воскресенское. Теперь не всякий новгородец знает, где такое местечко находится, — а она, живописная окрестность эта, всё ещё жива, кое-как существует, хотя уже и утратила многие свои былые прелести.

Ныне и Воскресенское, и само идейно вроде бы меняющееся время, вряд ли скопировано вызовут те раздумья, что когда-то занимали меня то во благо, то в сокрушение. Какие-то поправки неменуемы. Но и черты прошлого — не канули же в небытие. Повороты жизни непредсказуемы, и все может ещё пригодиться размышляющим людям...

Помню, уже и в те давние-давние времена, когда я жил в Новгородском кремле (ребёнком, подростком, юношей), была у меня эта привычка, всегда обещающая и приносящая новое и новое волнение: выходя из огромной крепостной арки к Волхову, я неизменно торопился быстрее взглянуть направо, всякий раз любопытствуя — а каков-то сегодня, мой Волхов? Каковы дали, небеса на просторе?

Прямо и по левую руку — через реку — близок город, полузаслоненный разросшимися на моём берегу деревьями. И именно справа, в сторону Ильменя, распаивается водная ширь — либо спокойная и голубовато-светлая под ясным небушком; или же сурово-хмурая, сплошь серо-свинцовая в глухой пасмурный день; а то и мглисто-бурая, с ключьями пенистой проседи, но и с сочно-сиреневыми скачущими блёстками на разгулявшихся волнах, когда быстрые на ветру облака, ещё не сомкнувшись в тучу, кое-где поигрывают, дозволяя выскользнуть к реке сияющим прядям солнечных лучей.

Там, направо, далеко за водами и полосками ивняковых отмелей, уже уплывая в небо, открывается мне чудное, манящее видение на горизонте: навсегда полюбившийся силуэт Юрьева монастыря, тоже или блистательно-светлый, жарко пропитанный солнцем, или пасмурно-туманный, пепельный, а бывает, и грозно-тёмный в тяжёлом скопище облепивших его туч — и всё равно влекущий, чарующий, дразнящий неразгаданной древней тайной.

Кажется, нет на Руси иного места, где с такой лёгкостью воображение пустило бы в плавание караван ярморочно-пёстрых русских ладей, разбросало бы, как здесь, от Кремля до Заволховья, всё уменьшающиеся контуры летучих парусов, донесло бы по водам клики гребцов и кормчих, смешанные с провожающими их колокольными зычными звонами. Каков подарок живописцу, сказителю, певцу, ищущему раздолья, упоения неизливной русской вековечностью! Право же, тут всякий раз дивуешься заново,

что вот ведь и не обширен краешек отчизны, а попробуй, заглядевшись, дать волю фантазии, так уже и веришь ей и становишься вдруг поэтом, художником, раскрепощенным гражданином ожившей и расцветшей сразу всеми своими славными достоинствами, будто и не ведавшей скорбных мимолетий — России. Вот он каков, любимый пейзаж мой!..

А чуть ближе Юрьева монастыря — ещё диво дивное: на длинном и узком зелёном мысу стоят рядышком две церкви и всегда возле них — три ивы-сестрицы, трепещущие и неподвижные, громадные и малюсенькие на дальнем расстоянии. Сквозь неразлучную группу эту, за стволами и церковными очертаниями, видны низменные за-

Церкви Воскресения и Иоанна Милостивого. Три ивы.
Фото автора. 1960 год

ливные луга с крохотными, такими далёкими, стогами и светлыми ленточками остекленевших протоков. Но это уже фон, завершающий гармонию, а взгляд, чуть отвлечшись, опять возвращается к мысу и дивному его украшению. Клочок родимой земли, его непременно отыскиваю взором и тянусь туда обрадованной и вновь изумленной душой: как он пригож и необходим мне в заветном моём одиноком чаянии — испытать благодати, явленной красотой неподдельной, непорченной...

От церквушек, ив, в сторону города протянулась цепочка едва различимых отсюда деревенских домишек: Воскресенская слобода. Ещё правее всё заслоняется каменным утёсом Дворцовой башни Кремля, а от неё крылато расширяющейся извилиной взмахнулась вдоль Волхова прямо ко мне исполинская крепостная стена — щербатая тёмная, молчаливая...

И мальчишке и взрослому, мне всегда было в удовольствие пешком приходить в это заповедное местечко — Воскресенское. Вот на Троицкой улице — оконечность высокого земляного вала, мощного оборонительного сооружения древних новгородцев. Вот у самой воды подступившего сюда залива — огромная круглая башня, единственная сохранившаяся каменная твердыня вала¹. Наверху вместо шатра — разросшаяся дичь бузины и иван-чая. Дальше — слободка, маленькая деревенька. Узенькая, чуть извилистая улочка ведёт к церквушкам и трём ивам. За ними будет ещё продолжение мыса, занятое огородами и, наконец, низменным лугом уходящее под воду озера Мячино — одного из Мячинских озёр — заливов, рождённых Волховом. Сюда-то порою и навещаюсь я неизвестно зачем, без всякой необходимой цели. Да, этот уголок издавна был в числе любимых «мекк», которые я охотно навещаю в моих прогулках по новгородским окраинам.

Иду не торопясь, поглядывая по сторонам, словно я здесь впервые. Улочка совсем первобытная; под ногами — неровно утоптанная земляная дорожка, сопровождаемая извилинами тропинок да косицами меленькой муравы, узенькими лужицами да ещё иногда жёлтыми песчаными гребешками. По бокам — где жиденький плетенёк, где дощатый поклонившийся заборишко, где мосток из двух-трёх досочек или просто из обрубков берёзового ствола, заваленных в канаву.

Тут уж не встретишь железобетона, и ни по какой нужде не пригонят сюда строительный бульдозер. От одного его рыка домишки, пожалуй, и развалились бы — такие они крохотные, кривенькие, непрочные, сплошь несуразные: ведь и возводились-то они тотчас после войны из чего и как пришлось. Иные и вовсе забавные, убогие сооружения, а всё — жильё! И хоть деревеньку эту малую из-за бедности её не назовёшь идиллической райскою картинкой, однако поневоле скажешь: не крыши здесь — крышицы, не окна — оконца, не заборы — заборчики. В самом деле, вот хоть тут или напротив: не какие-то знатные резные ворота перед крыльцами красуются, а только неважные перекосенные дверцы на ремённых петельках болтаются, которые и дверцами назвать затруднительно, — но забудь, не отметишь убожество и назовёшь их калитками.

Дальше бреду, посматриваю. Уютно, зелено. Правда, не пышные сады разрослись у домов, а так, прилепились к хибаркам низенькие сквозные садики, да полисаднички, да по несколько грядок с картошкой, укропом и луком.

Хозяйства придуманы не ахти, не размашисты хозяйства, но петухи всюду горланят, куры квохчут, и собачьего лая — вдоволь. Собаки, конечно, не цепные (здесь таким и охранять нечего), а всё — бегающая где попало разномастная шантрапа в репях.

Тишина истинно деревенская. Лай да кукареканье, пролётный шмелиный басок, иногда ребячья возня с посмешками, хоть и ребят-то за сараями не видно, или деловитое побрякивание вёдер и леек из огородов — разве это шум после города? В звуках нет резкости, торопливости, напряжённого нарастания, назойливой помехи даже рассеянной думе; они гармонично выравниваются в одно умиротворяющее созвучие мерным лиственным лепетом, пчелиным звоном, журчанием жаворонка, поскрипыванием уклочин откуда-то с озера и пошаркиванием травы или песка от моего шагания. Не безмолвная — а всё ж тишина деревенская!..

Человек на дороге редко встретится. Вся жизнь — возле грядок или за домами — у воды. Там понаделаны дощатые мостики, куда жители ходят за водой для поливки и где стирают, перемывают что-нибудь из домашнего скарба и попутно судачат. Там, в густом окружении калужницы, поставлены простецкие вёсельные лодки, а на берегу сушатся рыбацьи сети. Лодки — для рыбалки и нередко для поездов в город.

Во времена проливных дождей дорога из деревеньки становится совсем дрянной, а после весеннего паводка слобожане бывают и вовсе отрезаны водою от города, — вот и выручают лодки. Но пользуются ими и во всякую иную не зимнюю пору, если нужно основательно закупиться в городских магазинах.

Прибудут мужики да женщины из города, причалят, повыбрасывают вёсла на берег и — глядишь — выгружают из челнов корзины, вёдра, растолстевшие сумки с городской провизией и хозяйственными покупками. До дому не торопятся, уже основательно привязывают полегчавшие опорожненные лодки, хлопчут на берегу, утихомиривают ребятню, долго ещё делятся новостями с оказавшимися здесь слободскими соседями и родственниками. Мужички бывают и навеселе — довольные, разговорчивые, и напрасно, кажется, на них покрикивают жёнки-бабёнки — впрочем, только добавляют шуток и смеха в общее нехитрое удовлетворение. Вроде бы заурядные, прозаические, мимолётные сценки, а это жизнь, сплетённая с трудами, заботами. И бабьи окрики и укорительные насмешки, и мужичьи вольности да хмельное благодушное артаченье — всё так или иначе исходит из житейских хлопот и забот и кончится ими же. Жизнь здесь проста, но не бессмысленна; живут люди не богато, но и не унижительно. Слава Богу, честно живут. И хоть без наружной молитвы, но с угадываемым душевным благодарением любой малой удаче, улыбке судьбы.

Так что вовсе не в бедности и примитивности прелесть слободкина, а в присутствующей здесь атмосфере мирного и нешумного труда и ещё в том посильном гостеприимстве, с каким природа приютила на своей земле-водице невзыскательного человека. И обаяние местечка, это вер-

¹ Так называемая Белая башня Новгородского Окольного города (иначе Алексеевская) в первой половине 1990-х годов восстановлена в формах XVI века по проекту архитектора-реставратора Н.Н. Кузьминой (здесь и далее примечания автора).

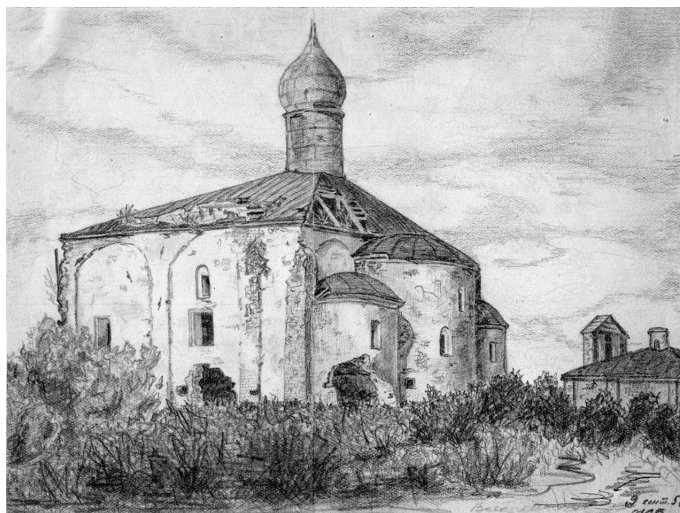
но, сохранялось ещё многие годы, даже и тогда, когда люди обзавелись квартирами в городе, а дряхлеющие домишки с огородиками уже служили дачами — более для отдыха, а не для плантаторства. Да и не развернуться здесь предприимчивому алчному духу — тоже слава Богу... Миновав улочку, по пути поздоровавшись с двумя-тремя незнакомыми слобожанами, любопытно оглядевшими праздного с виду чужака, — подошел, наконец, оказываешься вовсе уже за пределами людского присутствия, и здесь уж точно можно порадоваться: «Ну вот я и за городом!» «Бегство за город» — что же это? Только ли

ностальгия по милой прародительнице нашей — природе? Или для некоторых людей ещё и, наконец-то, свидание с собственным «я», полузаглушенным надсадою казарменно-городского выживания, а теперь — хоть и не надолго — возвращаемым прелестью уединения? Сворачивается эдакое размуровывание души. И, главное, — её очищение... Эх, спорщики! Да распалитесь вы до ярости, до белого каления, а всё же иной раз великая благодать — одиночество! И в самом деле: ведь это лишь те из людей, в ком с младенчества не развилась или с годами выгорела способность самостоятельно мыслить и чувствовать, кто не различает в себе или вовсе не имеет индивидуальности, личной истории, собственного мировоззрения и принципа, кому, из-за пустоты духовной, нечем жить наедине с собою и остаётся паразитировать на чужих мыслях и эмоциях, быть на подхвате у любого сиюминутного события, разговора, чужого мнения и волеизъявления, — только такие люди беспомощно сникают, немеют, впадают в спячку, оказавшись вне толпы, вне «общества», без возможности проявить свою «коммуникабельность» — как единственно сильную тщеславную заявку (напоминание): я, дескать, тут, я есмь и что-то значу. Для них одиночество — синоним смертной скуки, небытия. То ли дело родная, аж вседержавная коммуналка! Чуть захандрил — под боком всегда найдутся сознательные, из подобных же люмпен-цицеронов. Глядь, уже составила митингующая компания. А кто в стороне помалкивает, тот уже подозрителен; не иначе — вредный элемент, отщепенец...

Энергией легко сближающихся всеядных риториков государству обеспечено весьма ценное подспорье. Бездумное либо предусмотрительно, ханжески подчеркнутое угодение лозунговой проповеди о некоем всенародном «товариществе» — о, как оно подыгрывает тезису, утверждающему якобы даже и нравственную предпочтительность активного взаимообщения «строителей светлого будущего».

Человеческая единичная ценность пригодна, мол, лишь в копилке людских резервов, названной осторожно — священным термином — «коллектив». По Маяковскому, единица — вздор, единица — ноль... А вот-де ежели копилочка, да копеечка к копеечке...

Спору нет, вызывают сочувственное одобрение заботы людей, обособленно укоренившихся на отшибе, занятых своим артельно-личностным интересом. Потому и теплею я сердцем, походя наблюдая житышко слобожан. Но близость города — увы, неминуемо и здесь отзовется.

Церковь Воскресения (слева) и Иоанна Милостивого. Зарисовка С. Мантейфеля. 1956 год

Осядет в умах копотью политграмоты, заразит психологию идеями экспериментируемого коммунопрогресса. Тогда и с этими людьми (уже — «товарищами») я затруднюсь по душам разговаривать, на спотычках выдохнусь, замкнусь и... быстренько уйду в касту «отгородившихся». А коль признаюсь я начистоту как, мол, любезно мне в одиночестве, — и подавно буду зашикан...

Впрочем, без заглядывания вперёд я уже вполне знаком с церберскими нравами властвующего закона. А они предписывают: чьи бы ни были индивидуальные пристрастия и взгляды в нынешней действительности неуместны; посему и возглашена им анафема. Склонность к уединению осуждается как «отрыв от народа», а то и бесцеремонно отождествляется — аж с враждебным инакомыслием, подрывающим идею коллективизма.

«Ишь — людское присутствие ему надоело!» — готовы обрушиться на меня ретивые общественники. Полноте — ложь ведь это. Не от людей — от заводных кукол бегу из города в мир птичьих песен и шелестящих трав, на поклонение ещё не вросшим в осовещенный урбанистический ранжир патриархальным (ну и пусть патриархальным!) избушкам да заброшенным церквушкам. Таким, как здесь, в милом Воскресенском.

«Ишь — людское присутствие ему надоело!» — готовы обрушиться на меня ретивые общественники. Полноте — ложь ведь это. Не от людей — от заводных кукол бегу из города в мир птичьих песен и шелестящих трав, на поклонение ещё не вросшим в осовещенный урбанистический ранжир патриархальным (ну и пусть патриархальным!) избушкам да заброшенным церквушкам. Таким, как здесь, в милом Воскресенском.

До чего же хороша — уютна и живописна — меньшая церковка с названием «Святого Иоанна Милостивого». Кругом её обойдешь, да не раз, — то у самых стен, трогая их, иногда ладонью поглаживая, то на расстоянии, уже изумленным общим взглядом оценивая... Сколько ни ходишь так, а всё равно не налюбуйся.

Штукатурка на строении лишь кое-где; стены сложены из горяче-красно-коричневого ноздреватого доисторического ракушечника, и что ни стена, то узорный мозаичный ковёр пред тобою — словно красочная феерическая выдумка разыгравшейся детской цветолобной радости. Иной раз покажется, будто их, стены чудесные эти, от изумрудной травы до сизовато заголубевшего на старости сухого

кровельного дерева — словно их сплошь облепили заворачивающей пёстротой своих развернутых оранжевых и сочно-коричневых крылышек неисчислимые бабочки, млеющие на солнце и набирающие от него ещё больше июльского жаркого цвета и блеска. Каменная фантастика? Нет, живые причудливые инкрустации из ярчайших цветов, стрекоз и пламенеющих бабочек! Возможно ль не очаровываться! И более того! — сравнение это непринужденно сплетается с другою увиденною находкою: как внут-

Церковь Иоанна Милостивого в Воскресенском.
Фото автора. Июль 1966 года

ри церкви должна бы искриться иконная басма за свечами (увы, там ныне пусто и нечисто), — так, зато, дыханием багряно-веселящего стенного зноя церковка победно (и трепетно) живописует собою, на фоне рассиневшегося неба, праздничную вечно воскресную литургию — для меня, для каждого забредшего сюда мечтателя, ищущего мирогамонии и возбуждающей святой милости в облике храма, ставшего средь безлюдья, частью живой природы...

Вот молвил я о связи человеческого (зодческого) расчёта с предложенным естественной природою материалом (известняком-ракушечником). В расцветку последнего добавил импрессионистического, природою же подсказанного живописного звучания. И тут вспомнился мне ещё один, тоже не вполне рукотворный мираж: удивительная акварель поистине (на всю жизнь) замороженного древними новгородскими церквями художника (и близкого мне по дружбе человека) Семёна Ивановича Пустовойтова. А писалась она с натуры — зимою, на морозе, на крепком, безжалостном к рукам рисовальщика.

Таков уж бывает созидатель, неудержимо влюблённый в предмет своих творческих чаяний. Ни дождь, ни ветер, ни январская стужа не остановят его влечения к избранному идеалу красоты и духовности, его намерения запечатлеть вдохновляющий образ, ни с чем иным в мире не сравнимый по загадочной, всепоглощающей силе воздействия. Кто ещё отважится «акварелить» средь зимы, топча пред этюдником скрипучий сугроб?.. Семёна Ивановича никакие погодные «противопоказания» и даже угрозы никогда не страшили. Воду для красок он приносил из дома — в обыкновенной резиновой грелке, под бушлатом. Здесь, во время работы, она, конечно же, быстро остывала, начинала ле-

денеть на кистях. А уж что говорить о пальцах Семёна Ивановича... Приходилось время от времени забегать в ближайший домишко отогреть воду, заодно и самому оттаивать возле печки.

Зато, что за живопись рождалась! На белизне ватмана красочные акварельные мазки быстро замерзали, перисто, как на оконных стеклах, узорились и превращались в затейливейшую игру лучистых разноцветно-прозрачных снежинок и льдинок — из них, точно из звёзд или драгоценных кристаллов, слагались волшебно сияющие стены знака и вся трепетала на фоне поблёскивающего морозного воздуха над горами цветно искрящего снега.

Потом, когда я ненасытно рассматривал картину Семёна Ивановича, — дух занимался от восторга и упоения красотой! Чудилась радужная пестрота орошенного внезапным дождём листопада; и вдруг возникали пред глазами какие-то врубелевские горные фантазии; и тут же, на смену, цветущая астрами киноварь таинственного кораллового дна всплывала всё ближе и ближе ко мне сквозь ртутно-лазоревые толщи мирного тропического моря... Изумительна, загадочна, необыкновенно хороша эта будто бы легко впорхнувшая в Искусство январская акварель!

Но ведь сейчас — не зима. Радуйся, милая церковка, чудному летнему дню — радуйся! Для твоего почти игрушечного купола, для миниатюрной твоей

звоннички над входом — только и сиять-голубеть ясному смеющемуся небу! А уж мне-то как славно! Душа наполняется праздничным — как в Пасху — умиротворением да ещё желанием какой-нибудь беспечальной песни или мелодичного звона весёлых колокольчиков. Счастливую музыку, впрочем, и выдумывать не нужно: она, как на просторной лесной поляне, вся извучена и расплэскана чистоголосыми переливчатыми птичьими трелями, соседних ив и сиреней зелёноветвяным лепечущим шумком да немолчным стрекотанием кузнечиков из перегретых солнцем пахучих трав. Вот она и благодать импровизированного чудозвонного великолепия, вот и музыка — самая родная и желанная!..

Вторая церковь — всего-то шагах в пятнадцати — во имя Уверения апостола Фомы в Воскресение Христово. Или просто — Воскресенская, откуда и пошло название этого местечка.

Размерами она много больше. Формами повторяет древние новгородские княжеские храмы, в коих всё просто и многозначительно: лишние архитектурные украсы отвлекли бы русича от его обычно бесхитростной молитвы с нецеремониальным поклоном Дому Божьему — уже своим буднично-строгим обликом настраивающему на серьёзность хотя бы и минутного («уличного») святоприобщения.

Помню её, эту же церковь, безжалостно разрушенную войной — с огромными, от снарядов, пробоинами в стенах, с искалеченным куполом, ещё несколько лет кой-как простиравшим в небо покорёженный крест, а потом, словно в мучительной агонии, повалившимся набок, на израненную кровлю. Пробоины, от красноты известняка, зияли кроваво и пугающе.

Руины разрушенных храмов — сколько я видел их на потрясенной военной схваткой земле новгородской... С простреленными, изувеченными куполами или вовсе без куполов, с рваными дырами в алтарях и притворах, с бузиной и диким кипреем на месте амвонов, с ободранными внутри и снаружи щелястыми, а подчас зигзагами и широко расколотыми стенами, с обнажённым ракушечником, напояющим мясом и кровью. Больно смотреть на следы кощунственных истязаний, на живое это великомученическое страдание. Подходишь к храму — словно к растерзанному человеку. А все же, благодарение Богу, не убитому, сопротивляющемуся конечной гибели. И понимаешь (при воспоминании о любом таком навоевавшемся инвалиде): вопиющие увечья, те ужасающие шрамы, ожоги на ратном горемыке и защитнике — красноречивее последующей площадной трескотни о его героизме, уважительнее наиблистательнейших орденов и золоченых шаблонных грамот.

Но это лишь попутная моя приписка о воинах-ветеранах, приспособленных — таки лицемерной госпропагандой для демагогии о заботливом внимании властей к людям — и к бывшим солдатам, в частности. Даже и им не всем одинаковы у нас почёт и охранение (иным дали костыль — и будь доволен...).

С храмами и вовсе можно не церемониться. Некоторые кое-как подлечены, есть, правда, и основательно реставрированные, — а сколько ещё калек, даже и на видных местах, а будто за затылком государства, — преступно заброшенных, обречённых на смертное, окончательное разрушение... Своеобразному жребию покорила церковь Воскресения на Мячине. Частично её восстановили, заново прикрыли плоской крышей. Но вместо барабана и купола — условно наметив их формы — соорудили... каркас из нескольких железных прутьев. На полную реставрацию, увы, не хватило у сверхдержавы денег. Но уж лучше бы не уродовали церковное здание, не сочиняли бы над ним этот безобразный скелет из ржавой арматуры².

Однако вновь я оступился (отвлекся)... Быстрей, быстрей на прежнюю мою поэтическую стезю!

Воскресенская церковь... Под её стенами тоже люблю

тихонько побродить, рассматривая глыбы ракушечника или вмурованные каменные обетные кресты. Наконец — спиною прислониться к нагретой солнышком древней тверди и постоять расслабленно, без всякой тёмной тревоги, лишь с внутренней молодеющей улыбкою. И тогда пробуждается во мне чувство благодатного покоя, пристанища, связи с чем-то давно и по-домашнему близким. Церковкой Иоанна Милостивого я самозабвенно, мажорно любовался, выигрываясь в радужные фантазии, в её звонообильное скерцо. А здесь я переживаю иное: сыновне люблю то, что молчит, само как бы меланхолично и давней дремлю обьято, но присутствием своим колыбельно успокаивает и греет, греет...

А что же моё Воскресенское? Ведь прогулка с воспоминаниями ещё не окончена...

Сразу за церковью, всё в бузине и сирени, притулилось совсем небольшое одичавшее кладбище; приметы его через несколько лет, наверное, и вовсе исчезнут. А дальше, на песках, пошли картофельные огороды. Никаких изгородей, только полоски целины меж участками. Гряды, гряды, и над ботвой кое-где высятся зонтики самосея-укропа...

Сменился пейзаж, и я вновь заплываю в прошлое, не могу не откликнуться на зазывные шепоты памяти. Вновь вспоминаются первые послевоенные годы. Время настало мирное, но и тяжкое из-за уймы бытовых неурядиц. Тогда горожанам-музейщикам, вернувшимся в освобожденный Новгород, раздали в Воскресенском, вот на этом самом мысу, клочки земли под грядки — ведь и с едой-то было, ох, как туго. Была здесь и отцовская маленькая грядка, увы, скудно кормившая нашу семью. Такой же горе-огородишко, как могли, возделывали тут же совсем уже дряхленькие две сестры-старушки — Татьяна Николаевна и Наталья Николаевна Гиппиус.

Одна — художница, другая — скульптор, они были родные сестры известной поэтессы и эмигрантки Зинаиды Гиппиус.

Когда-то, живя в дореволюционном Петербурге, принадлежала к тому кругу людей, что знаменовал собою уровень столичной и вообще российской духовной жизни, её культуры, они вели близкое знакомство с Александром Блоком, со многими другими знаменитостями из среды литературной, религиозно-философской, художественной и т. д.

Убийство Кирова в 1934 году стало поводом для высылки из Ленинграда тысяч и тысяч ни в чём не повинных людей — представителей старой русской (петербургской) интеллигенции. Эта же участь не миновала и Татьяну Николаевну с Натальей Николаевной. В последующие годы

Апсиды ц. Воскресения на Мячине.
Фото автора. Весна 1961 года

² Есть проект реконструкции этой церкви (в формах XVII века), разработанный архитектором-реставратором Л.Е. Красноречевым, но, увы, полное осуществление его не состоялось. Церковь Иоанна Милостивого восстановлена также по проекту Л.Е. Красноречева.

им выпало жить в Новгороде, то есть на пресловутом сто первом километре (относительно Ленинграда). Война и немецкий концлагерь прервали ссылку; но доживать свой век им пришлось снова здесь, с первых же послевоенных лет.

Новгород. Воскресенская слобода.
Фото автора. Март 1962 года

Для меня они были мои милые, добрые, почти родные тетя Тата и тётя Ната — так позволяли они называть себя тем друзьям из детей, кто их нелукаво любил и кого любили сами. Они были нашими (нашей семьи) соседями по Кремлю, а тут, в Воскресенском, я, совсем ещё мальчишкой, помогал им окучивать хилые картофельные кустики. Для передышки мы усаживались на траву возле грядки, ели принесённую из дома сваренную «в мундире»...тоже картошку с солью, поглядывали на уже довольно близкий отсюда Юрьев монастырь, и, под птичьи летние перепевки, отдыхая, тётя Тата и тётя Ната по-старушечьи ласково, мирно и уютно ворковали мне что-нибудь интересное, добротой своею приманчивое — теперь, увы, уже в подробностях забытое...³

Позже, помню, я бегал в Воскресенское с кремлёвскими друзьями — сорванцами мальчишками и такими же бойкими, задорливыми девчонками. Купались, шумно гонялись босиком по траве, снова купались, собирали щавель и цветы, лазали по церковным развалинам. Весело, привольно нам было! И было это очень, очень давно...

А ещё позже я приходил сюда, чтобы одному побыть со своими думами, воспоминаниями. Любовался природою, любовался каменной лепкой «Иоанна Милостивого», снова собирал цветы в простенький луговой букетишко. Устав бродить и отправляясь в обратный путь, я любил посидеть

ещё немного на траве под какой-нибудь из трёх громаднейших, древних и, казалось, не дряхлеющих ив, взглянуть из-под их свисающих, пересыпанных зелёно-перламутровыми блёстками ветвей на далекий Кремль, бывший моим домом. Блестит огонёк золотого софийского купола — а там, рядом с Софией, и моё жильё...

Теперь уже нет тех ив. Может, и остались они у кого-то на старых любительских фотографиях, но в Воскресенском их давно уже нет. Грозами да ветрами, пикниковыми кострами в притравных дуплах да прочим бесшабашным людским удалством погублены все три сестры-красавицы, мои любимицы. Так что и эту радость, как многое, многое из казавшегося вечным, — поглотило неумолимое время...

Время, время, что за диковинное мерило бытия! Своевластно движется оно, свободнее воды перетекает — переливается из утра в утро, из очередного дня, перестающего быть днём, навсегда исчезающего, — в день следующий, из невозвратного в нечто поджидающее. И это свершается неостановимо и нескончаемо. Да, нескончаемо, хоть — знаем — в личной раз-

вязке и проглатывает каждый из живущих роковую, последнюю капельку какой-то ещё и собственной (чудо-жребием отмеренной) порции времени, этой карликовой доли времени вселенского. Ох, время... То нам мешает оно заслонением будущего: из грядущего далека ещё не прихлынувшее, — оттягивает возможность разглядеть конечные формы явлений (и грозных, и спасительных) — скорее узнать о пользе или никчёмности наших усилий на жизненном пути. И мы нетерпеливым желанием разгадки безрассудно торопим его, торопим...

То, наоборот, оно само предостерегающе торопит нас, горячит волю, и мозг, и руки — ради незамедлительных действий и свершений. Иначе, упустив время (а может, и драгоценный миг везения), всё в должный срок не свершенное будем мы втайне оплакивать, но, по привычке оправдываясь, лукаво и малодушно окрестили после — мечтою, даже бредом, щегольнув при этом какою-то жалкой невнятиной о якобы predetermined несбыточности тех давне-ребяческих намерений...

То оно, время, отдалив назад события, наконец раскроет истинный смысл человеческих итогов, наших благотворных или нечистых завоеваний, удач или поражений; выявит подлинное значение былых помыслов, чувств, практических хлопот...

А то, многие годы и дела оставив позади, а наперед уже не суля ничего ценного и отрадного, безжалостно укажет: «Жизнь — прошла, сдавайся, смирись, забудь себя, забудь былое своё «я» и связанный с ним исключительный мир твой — да, голубчик, жизнь прошла, и даже зануда — память тебе ни к чему. Может, вчера ещё слыл ты в миру крепышом-добродеем, но сегодня и хвор ты и беден, и люди уже позабыли тебя — так что и терять-то, оказывается, больше уж нечего...»

³ Татьяна Николаевна в письме ко мне (27 июля 1949 г.; я тогда уехал в пионерлагерь) упоминает о посещении Воскресенского ими, обеими сестрами и жившей с ними старушкой Ольгой Ивановой Репиной: «Мы были в Воскресенском; картошка большая; очень хорошо посидели (все трое нас); нарезали травы на сено». (Тогда сено употреблялось для постелей).

Но таково — учти — удивительное, целебное свойство прихотливого времени: ведь, бывает, через минуту, другую после холодной усмешки — оно вдруг смягчится, приглушит боль твою и обиду, вновь обогреет надеждой и милосердием шепнёт: «Не горюй, не отчаивайся, не сдавайся, присмотришь: впереди голубой огонёк жизни. Прошлому — улыбнись, если оно достойно открытой и честной улыбки. А суетою сует, застрявшей в былом (и коль простима она

Богом), — не омрачаться же до безумия... Главное — сама жизнь, голубой огонёк её благозастывший! Не останавливаясь, — иди дальше...» Так, увещевая, врачует нас время. А я добавлю: и да поможет всякому — своё Воскресенское. Своё душеохранное местечко, облюбованное для исповеди и благого причастия...

Июль 1984 г.

ПРИМЕЧАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ С.И. ПУСТОВОЙТОВУ

Миниатюру о Воскресенском я записал по старым, 70-х годов, наброскам. Уже в 1980 году художник Семён Иванович Пустовойтов, упоминавшийся в тех записях, подтверждал мои опасения — как может измениться облик «цивилизующейся» слободки. Вот его письмо — почти полностью:

«13 апреля 80 г. Новгород.

Дорогой Серёжа, миновал я 6-ю школу и, подходя к Белой башне, услышал — гудит ручей горным далёким шумом. И только вошёл с поворота улицы в Воскресенскую слободу, — захотелось бежать к тебе, чтобы ты быстрее всё сфотографировал. У заборов остатки снега, посредине непролазная грязь и нечистоты; то, что всю зиму закрывалось сугробами, — обнажилось...

Открыл этюдник — что-то зазвякало на дороге: шёл мужик — оправиться ко... храму!..

Был морозец... Брёл я огородами, «любуюсь» останками ив, торчащих... как мученики Бухенвальда. Вывески храмов: у «Иоанна Милостивого» — вся в дырах-прострелах, от церкви Воскресения — на земле. И как ни старался сделать светлую акварель, — увы, получилась мрачная, ты её скоро увидишь.

Бредя по грязной дороге, не зная, куда сделать следующий шаг, думал о немцах и японцах, умеющих каждый метр земли превращать в чудо.

Так вот она, земля в одну шестую часть земной суши. Видимо, тут сказалось то, что «это не моё — пусть гниёт». А вот на *своей* земле... на такой же (но уже не в Воскресенском — **С.М.**) — помидоры в дыню, но там двухметровый плотный забор и собака — слон.

И так мне хочется схватить тебя в это воскресенье — в Слободу, снять всю плёнку. Я думаю, это не насилие, и тебе понадобятся эти фотоснимки, когда на месте Воскресенской слободы будет шуметь «парк», а земля покроется битыми бутылками и банками из-под хека... Так уходит самая

живописная слобода... на наших глазах!.. Иду по улице, минуют остановки автобусов, а люди с нескрываемой желчью испепеляют меня взглядами за мои рубища и принадлежности художника — «тунеядца». Но постепенно прибавляются акварели, и никому не приходит в голову, что троим в городе это интересно⁴. А остальным — наплевать!

Видишь. Серёжа, как мне просто свалить тебе на голову: горечь, досаду, усталость».

На другой день (14 апреля 1980 г.) Семен Иванович пишет об этой акварели: «Она влажная, не сильно тёмная. Грусть в тумане, но туман не злой; всё словно на фарфоре — прозрачно и чисто».

О следующей акварели, написанной в Воскресенском, Семён Иванович сообщает: «Я ещё раз сходил в эдем — когда солнце раскинуло свои лучи. И была уже «Воскресенская» — торжество зимы! Только выпал снег, он пушист как пух лебяжий, он лёгок... а купола — крыжовник, а стены — чуть зажаренные бочка торта-кулича; дорожка в снегу — пепельная, небо — готово обрушить звонкий смех света!..

Итак... я сделал 13–15 «Воскресенских», и всё тёмных; и вот настал мраку конец».

А прознав о моих этюдных воспоминаниях, Семён Иванович просит и настаивает (письмо от 23 октября 1984 года): «Молю Бога помочь тебе переписать для меня Воскресенскую слободу. Знаю, что это исповедь — и не для

⁴ «Троим в Новгороде интересно...» Семён Иванович имеет в виду Владимира Гребенникова, Владимира Поветкина и меня. 3 февраля 1980 г. он жалуется: «Удивительное время, я уже не имею людей, кроме тебя и Володь, кому показывать свои работы-акварели...» В письме от 18 сентября того же года повторяет: «Итак, Серёжа, у меня — ты и Поветкин с Гребенниковым в Новгороде, и больше работ никому не показываю, в работу не посвящаю».

всех... Впрочем, из-за стихов и прозы у тебя нет врагов...»

Кстати, в письмах ещё не раз Семён Иванович «успокаивает» меня отсутствием недругов. Уж не понятно, по каким признакам он рассудил так; сам уверился и меня время от времени пичкал этой, даже и обидной, несуразицей. Текст воспоминаний я ему переписал, а по поводу заблуждения, будто на моём «литературном горизонте» не существует противников, пришлось-таки мне — с горечью, конечно, — отшутиться экспромтом:

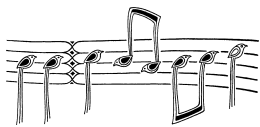
*Не лей, друг мой, на раны жгучий ливень
живу, мол, без врагов!.. Как ты наивен...
Хула притихла... часа ждёт — покуда
не вырвусь Аввакумом из-под студа...
Хотя б словечко вызволить из тени!
И пусть бы шавки визгло налетели —
меня не устрошил бы этот сброд...
Но ведь цензура — пикнуть не даёт!
Ужо — следит редакторская стража
за чистотой имперского пейзажа.
Сверхбдительны творцы моей беды.
Для них я мёртв. А значит, и вражды —
ну как бы нет... И — присмотрись-ка, друже, —
удавка эта жмёт меня... всё туже...*

Новгород, Воскресенское. Рис. С. Пустовойтова. 1980 год

Возвращаясь к разговору о Воскресенском, добавлю, что Семён Иванович заметил прелесть этого уголка сразу по приезде в Новгород. Уже в 1952 году, задолго до своего «акварельного периода», он пишет маслом зимний этюд «Воскресенские церквушки». Не знаю, где он теперь (может, приобретён Новгородским музеем?). У меня сохранилась лишь мутная фотография: на этюде обе церкви — ещё с полуразбитыми довальными куполами.

Разумеется, это выплёскивались в письмах лишь непродолжительные настроения, т. к. Семён Иванович был человек общительный и работы свои, наоборот, спешил показывать множеству знакомцев даже при встречах на улице.

Ирина САВИНОВА

ФОРТЕПИАННЫЙ КОНЦЕРТ ДЛЯ ДОКТОРА ДАЛЯ

Пьеса в 4-х действиях

Действующие лица

Рахманинов Сергей Васильевич.
Бутакова Софья Александровна,
его бабушка.
Рахманинов Владимир Васильевич, его брат.
Серафима, жена брата.
Сатина Варвара Аркадьевна, тетка Рахманинова.
Сатина Наталья, ее дочь.
Толстой Лев Николаевич.
Толстая Софья Андреевна.
Гольденвейзер Александр, пианист.
Даль Николай Владимирович, психиатр.
Крейцер Юлия, ученица Рахманинова.
Амфитеатров Валентин, священник.
Слуги.

*Действие происходит в Новгороде, Москве, имении
Красненькое Воронежской губернии. Время действия
— март 1897 — март 1902 года.*

ДЕЙСТВИЕ I Картина первая

*Гостиная в доме Бутаковой на Андреевской улице в
Новгороде: большой диван, стол посередине ком-
наты, накрытый бархатной скатертью. Ближе к две-
ри у стены стоит пианино, на стенах — портре-
ты. Слева — дверь во внутренние покои, справа — в
коридор. Из левой выходит Софья Александровна
Бутакова в домашней блузке, чепце, на плечах —
шаль. Она подходит к окну и отодвигает штору.*

Б у т а к о в а. Вот и рассвело! *(Раздается бой часов.)* Уже
семь. *(Издалека доносится звон колокола.)* У Бори-
са и Глеба... К ранней заутрени. Господи Иисусе Хрис-
те, буде мне милостив! *(Осеняет себя крестом.)*

*В дверях справа появляется слуга с небольшой охап-
кой дров.*

С л у г а. Доброго здоровья, матушка! Вы чуть свет на но-
гах. Чай, совсем не ложились?

Б у т а к о в а. Вздremнула немного. В мои годы какой сон?
А куда это ты с дровами?

С л у г а. Протопить у Владимира Васильевича. Весна вес-
ной, а заутренник еще прихватывает... Комнаты по-
выстудил. Я мигом растоплю, чтоб из постели было
приятней вылезать. Они ведь смалу к теплу были при-
важены.

Б у т а к о в а. Смалу приважены, да казенный кошт давно
отучил... *(Зябко поводит плечами.)* И впрямь, прото-
пи-ка везде. Согрей воздух.

*Слуга с дровами уходит в левую дверь. В глубине
дома раздается колокольчик.*

Б у т а к о в а. И кто это ни свет ни заря? *(Прислушивается
к доносящимся голосам и звукам.)*

*Наконец, в дверях справа появляется Сергей. Оба
бросаются друг другу навстречу, обнимаются. Бу-
такова целует внука, внимательно смотрит на
него.*

Б у т а к о в а. Сережа! Я все время ждала, что ты появишь-
ся! Сердце чуяло. Не зря ночью сна не было. *(При-
стально присматривается к внуку.)* Вижу, что при-
ехал без радости. Это не велика беда. Главное — ты
жив и здоров, приехал к своей старой бабушке. Мы
сейчас чайку попьем, потом отдохнешь с дороги, а
потом все обговорим-обсудим...

С е р г е й. А что это за шинель в прихожей?

Б у т а к о в а. Ты же еще не знаешь! У меня Володя в гос-
тях! И не один — с молодой женой!

С е р г е й. Да ну-у! А где же они?

Б у т а к о в а. Не торопись! Пусть они понежатся, пока Бог
дает. Ты вот с дороги пойдешь переоденься, умойся. В
твоей комнате все найдешь. Так и держу к твоему при-
езду. А я пойду распоряджусь ставить чай. *(Расходятся
в разные двери.)*

Картина вторая

Та же гостиная. Стол накрыт белой скатертью. Софья Александровна, она уже в красивом домашнем платье, расставляет чаши. Появляется Сергей в домашней куртке.

Сергей. А молодых все нет?

Бутак ова. Пока любитесь и спитесь — куда торопиться? Тем более в гостях у бабушки. *(Софья Александровна разливает чай.)* Садись, голубчик. Нам есть о чем поговорить, не так ли?

Сергей садится за стол, ставит перед собой чашку с чаем, смотрит в нее какое-то время, потом поднимает голову.

Сергей. Бабушка, дорогая, у меня такое несчастье! Просто катастрофа!

Бутак ова. Что беда приключилась, я поняла сразу. Едва увидела тебя на пороге. А что катастрофа — это еще надо обсудить. Насколько я осведомлена, у тебя в Петербурге была премьера... Позавчера, кажется... А сегодня утром ты здесь... Из этого следует...

Сергей *(перебивая)* ... мой полный провал. Полный! Они ничего не поняли! Не услышали!

Бутак ова. Ты сам дирижировал своей симфонией?

Сергей *(пошутил)*. Не-е-ет... Не решился.

Бутак ова. Ты помнишь у Тютчева? «Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется, и нам сочувствие дается, как нам дается благодать»... А ты свое музыкальное слово доверил чужому человеку. Вот оно и не отозвалось вообще. А если и отозвалось, то... сам понимаешь...

Сергей. Мне кажется, это конец всему моему творчеству... Такой провал! Я его не переживу!

Бутак ова *(подходит к нему и обнимает его за плечи)*. Я понимаю, что это больно, обидно... Но не смертельно! Пройдет какое-то время, и твоё сочинение исполнит кто-то другой. Он сумеет понять твои замыслы...

Сергей. Господи, как это все тяжело и безнадежно...

Бутак ова *(строго)*. Тяжело и безнадежно было мне видеть, как твой родитель, Василий Аркадьевич, проматывал одно за другим имения твоей матери. Безнадежно, потому что дети обрекались на нищету. Петр Иванович мой уже покинул нас, Царство ему небесное, а я не в силах была чем-либо помочь... Не могла остановить вашего батюшку... Вот где была катастрофа! Но ведь живу и радуюсь, глядя на вас — уцелели, определились в жизни... Господь споспешествует тем, кто безропотно преодолевает выпавшие ему испытания, не впадает в уныние...

Сергей *(принимается за чай)*. Ты, бабушка, всегда была философом. Твои речи — утешение душе...

Бутак ова. Помню, ты писал, что эпиграфом к симфонии взял слова из Евангелия: «Мне отмщение, и аз

воздам...»? Они же стоят у Льва Толстого к «Анне Карениной». У тебя тоже присутствует женщина?

Сергей. Да, я посвятил симфонию одной моей близкой знакомой... Анне Лодыженской.

Бутак ова. Очень близкой?

Сергей. Она спасла меня от одиночества, голода и холода... Пригрела, как щенка...

Бутак ова *(помолчав)*. И в постели пригрела?

Сергей *(возмущено)*. Бабушка!!!

Бутак ова. То-то я смотрю, что изменился мой внук. Перемени вижу, да понять не могу. А это он стал взрослым мужчиной. *(Пауза.)* Она свободна?

Сергей *(виновато)*. Замужем...

Бутак ова *(строго)*. Вот тебе и отмщение! Сам накликал. Ты прости меня, старую, я рассуждаю своими понятиями. Но грех он всегда грех... За него с нас Господь спрашивает. Ты вроде бы и ни при чем, но ты — соучастник нарушения Библейской заповеди... За это и воздалось тебе... Кара суровая... Но она не лишает надежды на спасение, на прощение. Все поправимо. И музыка твоя зазвучит снова, и люди поймут ее, если ты искренне расскажешься... *(Переводит дух.)* Что-то я разговорилась. Ты не обиделся на меня?

Сергей *(вздыхнув)*. Наверное, ты права, моя дорогая бабушка... Конечно, ты права...

В гостиной появляются Владимир и его жена. Сергей встает из-за стола, идет им навстречу. Какое-то время братья смотрят друг на друга с удивлением, потом обнимаются.

Владимир *(отстраняя Сергея, смотрит на него)*. Ничего себе, младший брат! Ты же на голову выше меня!

Сергей *(смеется)*. И ноги у меня длиннее! А кто твоя жена? Что же ты не представишь меня?

Владимир *(к жене)*. Дорогая Симочка! Позволь представить тебе моего младшего брата — Сергея Васильевича.

Сергей *(шутливо раскланивается)*. Странствующий музыкант Рахманинов.

Серафима *(смеется)*. Ах, Боже мой! У нас оказывается одна фамилия!

Все оживленно усаживаются на диване, Бутак ова — у стола.

Сергей. Сколько же лет мы не виделись?

Владимир. Да как уехал ты в Москву, к своему Звереву... Больше десяти, пожалуй.

Сергей *(прикидывая в уме)*. Действительно, больше десяти лет! Значит, ты уже при звании? При должности?

Владимир. Всего лишь поручик... Год назад получил новое назначение в Харьковскую губернию. Первый отпуск решили провести у бабушки в Новгороде.

Серафима *(нерешительно)*. Володя...

Владимир *(живо)*. Да, дорогая!

Се р а ф и м а (*осмелев*). Расскажи Сергею Васильевичу, как нас встретили в полку.

В л а д и м и р. Действительно, история презабавная, но и весьма приятная. Только я представил полковому начальству, он вдруг и спрашивает: «Скажите, Владимир Васильевич, у вас имеется брат Сергей Васильевич по фамилии Рахманинов?» Отвечаю утвердительно — имеется! А он снова: «Чем же занимается ваш братец?» Я без всяких околичностей так и выпалил: «На роялях играет! Музыку сочиняет!» Вот здесь и началось: «Поздравляем! Ваш брат — прекрасный музыкант! И сочинения у него такие же прекрасные!» Оказывается, они до сих пор помнят твоё выступление в Харькове, в Дворянском собрании...

Се р г е й (*весело*). Было-было! Но это же давно, где-то в конце 93-го года! Мы с Мишкой Слоновым пустились тогда на заработки.

В л а д и м и р. А помнят до сих пор! И даже ко мне отношение несколько иное, с таким трепетом перед моим родством с таким человеком!

Се р г е й (*ворчливо*). Вы уж наговорите, поручик!

Братья внимательно смотрят друг на друга.

Се р г е й. Ты для меня сейчас совсем новый, незнакомый человек. Как жизнь отдала нас друг от друга. Поверить трудно, что этот мужчина — мой старший брат Володька, с которым мы так часто цапались... Ты вообще любил дразнить маленьких.

В л а д и м и р. А ты — и маленьких, и больших! (*Оба смеются*.) Сколько у нас в доме было возни!

Се р г е й. А ты помнишь катанье с гор у Трубниковых?

В л а д и м и р (*смеется, кого-то передразнивает*). «Мучители! Они ломают ей шею!»

Се р а ф и м а (*удивленно*). Это о ком, дорогой? Ты мне не рассказывал.

В л а д и м и р (*поясняет*). Когда мы перебрались в Петербург, меня отдали в кадетский корпус, а братца — в консерваторию. Жить его устроили у наших родственников по отцу — у Трубниковых. По воскресеньям я получал увольнительную и шел навестить брата.

Се р г е й. А Трубниковы по воскресеньям ходили в гости. И вот тут-то все и начиналось. Кроме беготни и криков мы любили устраивать катанье с гор.

Се р а ф и м а. В квартире? Какие горы?

В л а д и м и р. Мы доставали из шкафов полки и устанавливали их с наклоном от вершины шкафа на стол и на пол...

Се р а ф и м а. Господи, какой ужас!

Се р г е й. Это с точки зрения взрослой женщины. А для тех несмышленишей — превеликая забава. Мы Анютку, это наша двоюродная сестренка, тоже затаскивали наверх и толкали вниз. Вот тогда-то нянька Теофила и причитала, что свернем ребенку шею.

Б у т а к о в а. А я больше всего боялась, что юнец сломает себе руки или ноги, когда узнала, что он разъезжает на конках.

Се р а ф и м а. Никогда не думала, что конки так опасны.

Се р г е й (*смеется*). Не конки, Симочка, не конки, а их подножки!

Б у т а к о в а. Наивная бабушка провожает внука в консерваторию, дает ему гривенник на чай и булочку, а он...

Се р г е й (*весело продолжает*) ...а он в это время бежит за конкой, вскакивает на подножку. (*Встает и изображает финт ногой*.) Нужно было с шиком продержаться до следующей остановки. Но чаще я убежал на каток. Ах, какой восторг испытывает душа, когда тело скользит над блестящим льдом. (*Вздыхает*.) Николай Сергеевич запретил нам и коньки, и коней — верховую езду — опасался за наши руки: чтобы мы их не поломали.

Се р а ф и м а. Представляю, что будет твориться в доме, когда у нас появятся свои мальчики.

Все смеются.

Картина третья

Сумерки. В гостиной у стола сидит Сергей. Он пишет. Осторожно входит Софья Александровна.

Б у т а к о в а. Почему ты не спишь? Мы специально оставили тебя отдохнуть с дороги. Всей челяди наказано ходить на цыпочках. Что же ты?

Се р г е й. Да как-то расхотелось. Полежал-полежал, а сон не идет. Решил письмо написать.

Б у т а к о в а. Своим генеральшам?

Се р г е й. Конечно им, сестрицам Скалон.

Б у т а к о в а. Сестрицами тебя Бог не обидел. Девушку свою пора иметь.

Се р г е й. Нравится мне одна. Да я не нравлюсь ее маменьке. Ни к чему им странствующий музыкант.

Б у т а к о в а. Кому же это?

Се р г е й. Елизавете Александровне Скалон.

Б у т а к о в а. Господь с тобой, это же родня!

Се р г е й. Да какая там родня!? Эта маменька — сестра мужа моей тетеньки. В девице даже рахманиновского нет ничего.

Б у т а к о в а. И кто же из трех прельстил тебя?

Се р г е й. Младшенькая... Беленькая...

Б у т а к о в а (*горестно*). Голубчик мой, ведь она серьезно больна. Долог ли ее век?

Се р г е й. А кто из нас знает свой век? Да не это беда. Вот ее маменька запретила писать нам друг другу... А господину Толбузину дозволяется. Он почти в женихах ходит.

Б у т а к о в а. И мать права. Ей нужно трех дочерей замуж выдать. Приданого не напасешься. А Толбузины — люди состоятельные. И имение есть, и служба по казенной части.

Се р г е й (*удивленно*). И все-то вы здесь знаете! Хороша провинция!

Б у т а к о в а. На то она и провинция, чтобы знать, что в столицах происходит, да здесь свои выводы делать.

- Не годишься в женихи — сойдешь за родственника. Они, по-моему, тебя привечают. Сам генерал к тебе добр, не говоря о девицах.
- Сергей. В этом им не откажешь. Даже к тебе я приехал на их рубли. *(Вздыхает.)* Господи, моя симфония! Как я ее любил... Даже сейчас, после случившегося, в ней не разочаровался. Если инструментовка плохая, то хорошая музыка все равно «просветится» и сквозь плохую инструментовку... Либо я слишком пристрастен к ней, либо сочинение было плохо исполнено. Я склонен ко второму. Удивляюсь Глазунову — такой высокоталантливый человек и так плохо дирижировал... Словно совсем ничего не чувствовал.
- Бутакова. Ну, полно, полно! Мы эту станцию с тобой уже проехали. У тебя много других сочинений, о которых следует позаботиться. И о новых подумать придется. Жизнь ведь не кончилась. *(Она обнимает внука за плечи, Сергей прижимается к ней. Бутакова гладит его стриженую голову.)*
- Сергей. Бабушка, моя бабушка! Если бы ты знала, как мне бывает одиноко в этом огромном и холодном мире.
- Бутакова. У тебя же столько родни, все тебя любят...
- Сергей. Любят они как-то жалостливо. Сочувствуют своему племяннику и брату... А мне жалость не нужна.
- Бутакова. Кто не примет чужого сочувствия, тот и сам на него не способен.
- Сергей. Принимаю, я все принимаю. Вот и Анна Александровна меня пожалела — пригрела, а ты на нее разгневалась.
- Бутакова. Я вас не берусь судить... Господь милостив. А тебе все это послужит хорошим уроком. Что касается Верочки Скалон, то тут я тебе не советчик. Но думаю, что на глупости она не способна, удирать из родного дома не решится: не та натура...
- Сергей *(вздыхает)*. Ах, бабушка, какой из меня жених? Сама ты посуди — ни двора, ни куска хлеба... Какая мать решится отдать свою дочь за странствующего музыканта?
- Бутакова. Не век тебе скитаться. Все образуется. Бог наградил тебя недюжинным талантом. Им и жить будешь, помани мое слово.
- Картина четвертая
- Знакомая гостиная в доме Бутаковой. На столе горит лампа, за столом сидят Бутакова с внуками. Заканчивается чаепитие.*
- Бутакова. Сережа! Что же ты не доел свои любимые конфеты? Специально для тебя купила «мишку косолапого».
- Сергей. Постеснялся, бабушка! Но раз предлагаешь — не откажусь. *(Забирает несколько конфет, шуршит фантиком.)*
- Серафима. Скажите, Софья Александровна, что это за почтенный господин подходил к нам в кремле? Когда Володя мне показывал ваш замечательный памятник...
- Бутакова. Это наш городской голова — Григорий Максимович Сметанин. Человек, действительно, почтенный. Сколько сил своих и средств положил на благо города. Чего стоило добиться аудиенции у Государя Императора, чтобы испросить поддержки на постройку городского водопровода.
- Сергей. И государь поддержал?
- Бутакова. Представь себе, поддержал. И распорядился выдать из казны беспроцентную ссуду. Строительство уже идет полным ходом.
- Сергей. Он и подходил затем, чтобы сообщить сию новость?
- Бутакова. Нет! Он подходил, чтобы засвидетельствовать мне свое удовольствие иметь земляком молодого, но уже известного композитора Рахманинова.
- Сергей. Да ладно вам разыгрывать любимого внука. Кстати, это он купил твое Борисово?
- Бутакова *(вздыхает)*. Да, это он купил Борисово. Правда, в честь жены переименовал в Ольгино. А Ольга Афанасьевна сохраняет всю нашу розовую гостиную без перемен. И рояль остался на своем месте.
- Серафима. Рояль?
- Бутакова. Не тащить же его в эти каморки! Прекрасный инструмент. За него была выдана отдельная сумма. Оказался в хороших руках. Дочь его Шура музицирует, я знаю. Уроки берет.
- Серафима. Что же у нас-то музыки не слышно? *(Оглядывается на всех.)*
- Бутакова. И то правда. Сережа, уважь гостью. Повесели молодых!
- Сергей *(садится за пианино)*. Ну что ж, повеселить, так повеселить. *(Наигрывает какой-то вальс.)*
- Серафима *(подходит к Сергею)*. Сережа! Мы наслышаны о ваших выступлениях... Видимся в первый раз. Может быть, и в последний — кто знает. Наше дело военное — куда пошлют Володю. А послать могут на край света. Свидимся ли еще когда? Бог весть! Поэтому прошу вас, сыграйте, пожалуйста, свою пьесу...
- Сергей. Прелюдию до-диез-минор? Опус три?
- Серафима. Непременно ее, в первую очередь! Своим детям буду рассказывать, что слушала самого Рахманинова.
- Сергей *(улыбается)*. Невозможно устоять против такого довода!
- Звучит прелюдия, занавес медленно опускается.*

ДЕЙСТВИЕ II

Картина первая

Маленькая комната-полуприхожая, из которой дверь ведет в большую залу дома Льва Толстого. Оттуда доносятся голоса, звуки рояля — шум большой компании. В маленькой комнате за шахматами сидят Лев Николаевич и Александр Гольденвейзер.

Толстой. Как бы ни был силен ферзь, а конь хорош своим ходом! Хитер! Как ловко он может подловить самого ферзя. Прозевали, сударь мой! *(Снимает фигуру противника.)*

В дверях появляется Софья Андреевна, из-за ее плеча виден Сергей Рахманинов.

Толстая. Левочка! Прости великодушно, к тебе молодой человек, с письмом от княжны Ливен...

Толстой *(благодарно)*. Опять эта старая благодетельница хлопочет о сирых. Что на сей раз ей надобно? Денег?

Толстая. Что ты, Левочка! Она совсем по другому поводу. Вот письмо...

Толстой. Прочитай же!

Толстая *(разворачивает листок)*. «Будьте добры, примите его, Лев Николаевич! Молодой человек может погибнуть. Он утратил веру в свои силы. Постарайтесь помочь ему...» И далее по протоколу: «примите уверения в подлинном к вам расположении...»

Толстой *(сдвигает фигуры с доски)*. Партию вы все равно проиграли, сударь. Не стоит и продолжать, коль нам помешали. Да-а-а... На роялях вы гораздо изящнее играете, нежели в шахматы, досточтимый Александр Борисович... *(Поворачивается к Рахманинову.)* Что же произошло такого несусветного, что теряете свои силы?

Сергей. Написал симфонию... Ее не приняла публика.

Толстой *(жене)*. Почему бы вам не заняться чаем, пока мы тут беседуем с молодым человеком?

Толстая и Гольденвейзер уходят.

Толстой. Да вы садитесь, садитесь, молодой человек! *(Оба садятся на сдвинутые Толстым стулья. Толстой хлопает Сергея по колену.)* Что это вы так волнуетесь? Вон как дрожат колени... Чем же вы не угодили нашей капризной публике?

Сергей. Мы не поняли друг друга...

Из залы доносятся громкие голоса: «Где Рахманинов? Сергей, мы тебя ждем! Господа! Куда делся композитор?»

Толстой *(со вздохом)*. Это, наверное, вас? Вот так все-

гда. Соберешься душевно поговорить, а общество требует веселья, развлечений. Ступайте, ступайте же, иначе они не отстанут. А я отсюда послушаю.

Рахманинов уходит. В зале устанавливается тишина. Раздаются звуки рояля. Шаляпин поет романс «Судьба». Толстой в это время сидит в кресле, слушает, прикрыв глаза рукою. Романс кончается. После напряженной паузы раздаются крики: «Браво!», «Молодцы!». Из залы выглядывает Софья Андреевна, видит хмурого мужа и делает усмиряющий взмах рукой гостям. Шум смолкает.

Толстой. Ну что вы там расшумелись? Ахи! Охи! Можно ли фривольно говорить и петь о судьбе? Мало ли что Апухтину взбредет в голову. Пришлите мне этого музыкального сочинителя.

Софья Андреевна скрывается, вскоре появляется Рахманинов. Он настороженно смотрит на Толстого.

Толстой *(указывает на соседний стул)*. Присаживайтесь! Я должен поговорить с вами. *(Наступает пауза, во время которой Рахманинов уstraивается на краешке стула и застывает в ожидании)*. Судя по романсу, судьба к вам не очень благосклонна...

Рукой, дрожащею от злости,

Судьба в окошко к нам стучит...

К вам-то кто стучит в такие годы?

Сергей *(негромко)*. Моя симфония... Она провалилась в Петербурге... Два года назад...

Толстой *(резко)*. Ну и что? Работать надо! Надо постоянно работать, день за днем, как поденщик. Вы думаете, я не работаю? Сел за стол, а рука сама пишет? Не-е-ет, сударь мой, не-е-ет! И я добываю хлеб в поте лица своего и еще — Софьи Андреевны. Она, голубушка, по три раза мои романы переписывает, а я правлю. Она снова переписшет, а я снова исправлю... Работаем!

Сергей. Что надо работать, я знаю по себе. Но во мне что-то погасло. И музыка в душе моей замерла. Я не могу ее дозваться... И все из-за симфонии.

Толстой *(резко)*. Я должен сказать вам, как мне все это не нравится. Возьмите Бетховена — это же вздор! Или наш Пушкин... или Лермонтов...

Сергей *(тревожно)*. Тоже вздор?

Толстой *(раздраженно)*. Несомненно! Проза Пушкина какая-то голая. Мало образов, мало слов...

Толстая *(появляется в дверях)*. Левочка! Ты не должен так волноваться. Тебе вредно такое возбуждение. *(Рахманинову.)* Простите его, не обращайтесь внимания на его слова, пожалуйста! Ему сегодня не здоровится. Ему вредно волноваться.

Толстой уходит в залу.

Сергей (*торопливо*). Да-да, конечно. Мне лучше уйти. Толстая. Пожалуйста, через эту дверь! (*Показывает.*)

Сцена гаснет. Появляется авансцена — угол прихожей. Рахманинов надевает пальто. К нему неожиданно выходит Толстой.

Толстой (*берет Сергея за рукав*). Извините меня. Пожалуйста! Ведь я — старик. Я не хотел вас обидеть... Сергей. Как я могу обижаться, Лев Николаевич, за себя, если я не обиделся за Бетховена?

Молча смотрят друг на друга. Из залы доносятся звуки пьесы Рахманинова.

Картина вторая

Небольшая комната в доме Сатиных. Рояль, кресло, стол, небольшой диван. За окном — темная зимняя ночь. На столе горит лампа. У окна, кутаясь в пуховый платок, стоит Наташа и смотрит в темноту за окном. Часы в глубине дома пробили одиннадцать. Входит Варвара Аркадьевна. Она в нарядном платье.

Сатина. Тунечка? А почему ты не спишь? А-а-а... Наверное, Сергея нет дома? (*Наташа утвердительно кивает головой.*) Впрочем, не так еще и поздно. (*Снимает накидку, садится в кресло.*) У княжны Ливен сегодня собралась прекрасная компания. Ты представляешь?

Наташа. Конечно, представляю! Весь цвет Дамского благотворительного тюремного комитета.

Сатина. Не иронизируй, оставь! У княжны, как всегда, мечта заполучить на свой концерт Сергея с Федором. Но концерт еще не скоро! Успокойся! На будущий год такое плотное расписание в наших залах, и у пианистов весь сезон уже занят. Саша Зилоти согласился только на сентябрь... (*Присматривается к дочери.*) Ты меня совсем не слушаешь?

Наташа (*торопливо*). Слушаю, мамочка, слушаю! Саша Зилоти согласился на сентябрь играть в нашем концерте...

Сатина. А Федор Шаляпин будет петь в сопровождении Сергея.

Наташа. Ты с ними уже говорила? У Федора, между прочим, свое расписание имеется. Что касается Сергея... (*Замолкает.*)

Сатина (*вздыхает*). Да-а-а, Сергея касается многое... Мне трудно понять его состояние. Мечется, бездельничает, хандрит. Или вообще пропадает из дома... Вот где он сейчас может быть?

Наташа. Я полагаю, опять у Лодыженской. Они со Словновым уговаривались. Я слышала...

Сатина. Дело молодое-холостое. Почему бы и не погулять?

Наташа (*огорченно*). Если бы только погулять! Мама, он же пить начал! Несколько вечеров возвращался во хмелю. Еле языком ворочал.

Сатина (*вздыхает*). Не ожидала, что Верочкино замужество так на него подействует.

Наташа (*перебивает*). При чем здесь замужество? Он никогда не собирался на ней жениться. И она не собиралась бежать из дому к любимому человеку... (*Грустно.*) Сиреневый роман отцвел вместе с сиренью. Он просто не может опомниться от провала своей симфонии... Ты посмотри, ничего же не пишет серьезного.

Сатина. Какая может быть серьезность, если он весь год дирижировал в театре Мамонтова?

Наташа. И после первого же сезона ушел. И опера не нужна, и Федю Шаляпина оставил.

Сатина. Федю, допустим, он не оставил. Они теперь — не разлей вода. Все что-то репетируют. Мне на первом этаже слышно, как они на третьем музицируют. Господи, как они на днях исполняли каватину Алеко — «Весь табор спит...»

Наташа. Это только светлые моменты. А между ними он часами валяется на диване и молчит, разговаривать не хочет. Уставится в стену... Я надеялась, что хоть успешные выступления в Лондоне вернут его в колею... Все напрасно.

Сатина (*вздыхает*). Придется обратиться к врачу.

Наташа. Но ведь он уже был у врачей! А какие результаты?

Сатина. Я говорю о других врачах... Вернее, о враче... Ты знаешь, сейчас начинают применять психическую терапию, гипноз... Что-то вроде внушения, убеждения...

Наташа. Уж мы ли его не убеждали? Не внушали?

Сатина. Нет-нет! Я говорю совсем о другом внушении. Научном методе. Княжна Ливен мне сегодня назвала одного...

Наташа (*перебивает*). Мамочка! Я тебя умоляю. Опять княжна Ливен! Она уже посылала его ко Льву Толстому. А что вышло? Еще хуже!

Сатина. Ты, дочь, напрасно обижаешься на Александру Андреевну! Она же из самых лучших побуждений. Кто же знал, что старый граф начнет капризничать?! Бог ему судья... Она узнала, что на этом поприще, я говорю о психотерапии, сегодня успешно практикует доктор Даль.

Наташа (*насмешливо*). Это который с толковым словом?

Сатина. Это уже внук твоего словаря — Николай Владимирович.

Наташа (*с опасением*). Согласится ли Сергей? Ты же знаешь, какой он гордый и обидчивый.

Сатина (*глядит на дочь*). Святой Боже, и когда только ты выбросишь его из сердца?

Наташа. Это на всю жизнь.

Сатина (*сердито*). Ты совсем рехнулась, дочь моя! Только подумай — он же брат тебе — двоюродный брат! Ближайший родственник, а ты выдумала какую-то

любовь. Какая тут может быть любовь? Исключительно сестринская и братская. Братской — сколько угодно. Одни розыгрыши и поддразнивания: «Девка Наталка, суха, как палка, черна, как галка...».

Н а т а ш а *(с укором)*. Ну мама...

С а т и н а. Что — мама? Это же все его прибауточки! С любимыми девушками так не разговаривают и не шутят. С сестрицами — куда ни шло. *(Встает.)* Ну ладно, на все воля Божия! А вот с доктором я поговорю завтра же. *(Направляется из комнаты.)* Ты не идешь спать? Останешься дожидаться своего странствующего музыканта? Благослови, Господь, твое ожидание. *(Крестит дочь и уходит.)*

Наташа смотрит в окно, потом подходит к роялю и начинает негромко наигрывать мелодию романса «Сирень».

Картина третья

Та же комната. Все так же горит на столе лампа, фитиль заметно уменьшен. Наташа сидит на диване, слегка дремлет. Часы в глубине дома бьют пять раз. Осторожно входит Сергей. На скрип двери Наташа поднимает голову и внимательно смотрит на вошедшего. Сергей, заметив Наташу, останавливается.

С е р г е й. Пardon, мадемуазель! Вы еще не спите? *(Старается скрыть, что он «навеселе».)*

Н а т а ш а. Скорее, уже не сплю. Дожидалась нашего музыканта, пропавшего в ночной Москве. Уму непостижимо, как это можно развлекаться всю ночь?!

С е р г е й. Превосходно можно развлекаться! Но на тебя, Тунька, не угодишь! Когда я днями лежу на диване, вы стенаете о моем бездействии. Вздумал человек встряхнуться — опять не в милости.

Н а т а ш а. Ничего себе — встряхнуться! Несет, как из винного погреба. Хороша компания!

С е р г е й. С каких это пор вам не нравится Феденька Ша-

ляпин? Только вчера вы наслаждались его пением. *(Изображает.)* Налей, Бетси, нам грогу стакан!

Н а т а ш а *(недовольно)*. Грог, допустим, наливала вам не Бетси, а Анна Александровна.

С е р г е й. Ни-ни! Грог варил ее супруг Петр Викторович вместе с Юрочкой Сахновским. Почему это сестрам не нравятся мои знакомые? Как это пишет драгоценная генеральша Татуша? *(Достает из кармана сюртука свернутое письмо, разворачивает, просматривает.)* Та-а-ак... Ага, вот! «...пореже видаться с компанией товарищей... Они старые и хуже вас, и портят ваше здоровье...» *(Сворачивает листок.)* Верно замечено, все они старше меня, но все они лучше меня. И никак уж не портят моего здоровья. Наоборот, они думают о нем и пытаются сохранить его. *(Внимательно смотрит на суровую Наташу.)* Тунь, перестань дуться! Лучше принеси мне горячего чаю... с лимоном! Принесешь?

Н а т а ш а *(с напускной строгостью)*. Чего не сделаешь ради страдающего музыканта? *(Уходит.)*

С е р г е й *(опускается на диван)*. Хорошо-то как добаться до своего пристанища! *(Достает карманные часы, смотрит.)* Ничего себе — уже шестой пошел. Значит, сестрица моя всю ночь здесь просидела? Сумасшедшая девушка, право слово. И кто ее просил? Она ставит меня в неловкое положение... Действительно, я что-то расшалился... *(Вытягивается на диване.)* Что говорил в таких случаях незабвенный Николай Сергеевич? Как приятно протянуть ножки после долгих трудов! Действительно, приятно... *(Затихает.)*

Осторожно входит Наташа с подносом, на котором стакан чая и разная снедь. Увидев спящего Сергея, тихо ставит поднос на стол и подходит к дивану. Какое-то время она смотрит на спящего, потом снимает с плеч шаль и покрывает Сергея.

Н а т а ш а. Спи, мое сокровище! Никому не отдам тебя — ни беде, ни другой женщине! Спи, мое сокровище!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ III
Картина первая

Кабинет доктора Даля: книги, приборы, письменный стол, возле него стоит большое старинное кресло. В окно пробивается красноватый отблеск морозного заката. В глубине квартиры слышится бой часов: четыре удара. Следом раздается звонок у двери. Слышатся хлопанье дверей, голоса. В кабинет входят доктор Даль и Сергей Рахманинов. Доктор слегка обнимает его за плечи.

Д а л ь. Проходите, молодой человек! Милости просим! Весьма лестно, что вы цените время — свое и мое, и посему точны! Даже крещенский мороз не сумел удерживать вас. Впрочем, я заметил на вас весьма теплое одеяние.

С е р г е й. Грешен, доктор. Люблю хорошие вещи. Но даже нынешний подклад из стриженного волка не греет так, как грело меня когда-то простенькое пальтецо на вате.

Д а л ь *(с улыбкой)*. Несомненно, чей-то подарок. И скорей всего, женщины.

С е р г е й *(смеется)*. И не одной, а трех сразу! Вы, как всегда, правы. Лет восемь назад, когда я нищенствовал начинающим музыкантом, девицы Скалон сложили свои карманные рубли и купили мне пальто. *(Задумывается.)* В ту зиму стояли такие трескучие морозы, что на улицах жгли костры. Я не смог даже дойти до своего ученика — так озяб. А дома меня ожидал большой пакет, в котором оказалось пальто. Носил его несколько зим, дорожил... Потом я вдруг сразу вытянулся, и оно стало куцым. Но тепло его физически ощущаю до сих пор...

Д а л ь. Я попрошу принести нам чаю. С мороза так хорошо горяченького! *(Выходит.)*

Сергей прохаживается по кабинету, останавливается возле кресла, в котором лежит скрипка. Берет ее осторожно, разглядывает.

Д а л ь *(входит в кабинет с подносом, на котором стаканы, печенье)*. Прекрасная вещь, не правда ли? *(Расставляет стаканы на столе.)* Самовар сейчас будет. А скрипку эту мне подарил еще отец. Он с детства приучал меня к музыке.

С е р г е й *(улыбаясь)*. Меня приучали с младенчества! Насколько помню себя — все время в доме звучала музыка. Играли все — мать, отец, бабушка... И еще как играли! Меня и наказывали за шалости в музыкальном духе — мать заставляла сидеть часа два под роялем...

Д а л ь *(смеется)*. И даже такие муки не отвратили вас от музыки?

С е р г е й. Что вы! Наоборот, еще больше тянулся к инструменту.

Слуга вносит самовар.

Д а л ь *(указывает место на столе)*. Сюда, пожалуйста! *(Слуга ставит самовар и выходит.)* Ну давайте пить чай! *(Доктор разливает чай по стаканам, один протягивает Рахманинову.)* Извольте! Только осторожно, голубчик. Кипяток! *(Усаживается рядом.)* Вчера вспоминали вас с Саввой Ивановичем.

С е р г е й *(быстро)*. Где вы его видели? Как он?

Д а л ь. Обедали вместе в «Славянском базаре».

С е р г е й. Он, наверное, обижен на меня.

Д а л ь. Не сказал бы. Я обиды не заметил.

С е р г е й. Я ведь по-свински поступил. Вроде бы наладил оркестр и... ушел. Бросил!

Д а л ь. Савва Иванович — человек душевно чуткий. Он понял, что вам с вашим талантом в любительской опере делать нечего. Вернее, дело-то есть, но оно слишком пустячно для вас. Вам нужно серьезно работать, без отвлечений на репетиции, спектакли...

С е р г е й *(вздыхает)*. В том-то мое и горе, что работать не могу. Во мне умерла моя музыка. Умерла — и все! Раньше она постоянно звучала где-то внутри меня — в голове, в душе... Все время что-то звучало... роились мелодии. А сейчас — ти-ши-на. Глухо! Ни звука! Вы представляете, как это страшно для композитора? А я ведь обещал лондонцам новый концерт...

Д а л ь *(доливает чай Сергею)*. Пейте, молодой человек. Чай заварен на семи травах. Очень полезен в зимний день для здоровья. Что касается обещания, то, надеюсь, оно не было зафиксировано в письменном виде?

С е р г е й *(недоуменно)*. Как это в письменном виде?

Д а л ь. Я имею ввиду договор, оформленный по всем правилам — с подписями и печатями.

С е р г е й *(облегченно)*. Конечно, нет! Ох, и напугали, доктор! На самом деле я просто пообещал, что к новому приезду, когда они меня пригласят, напишу новый концерт для фортепиано с оркестром. Вот и все!

Д а л ь. Тогда о чем тревожитесь, Сергей Васильевич? Вы никому ничего не должны. Никаких неустоек и штрафов вам не предъявят.

С е р г е й. Но я обещал!

Д а л ь. Правильно. Обещали! Но ведь сроков не оговаривали, аванс не брали, значит, у вас достаточно времени собраться с мыслями и спокойно сесть за свой концерт...

С е р г е й *(встает, проходит по кабинету, останавливается возле старинного кресла)*. Доктор, давно хотел спросить вас... Говорят, что в вашем кабинете есть кресло, в котором сидел сам Александр Сергеевич? Уж не это ли?

Д а л ь. А почему бы и нет? Оно в нашей семье с дедовских времен. Действительно, принадлежало деду, к которому заходил поэт. Думаю, он вполне мог в нем понежиться.

С е р г е й. Оно так притягательно?

Д а л ь (*смеется*). Да вы попробуйте сами!

С е р г е й. И вы позволяете?

Д а л ь. Не всем, но вам — с удовольствием. Буду потом рассказывать гостям, что в нем отдыхал Рахманинов.

Рахманинов касается рукой резного украшения, но сестра не решает.

Д а л ь (*подходит*). Давайте выдвинем его на более светлое, теплое место. (*Двигают кресло*.) Теперь садитесь!

С е р г е й (*садится, вытягивает ноги*). Удивительно, какое удобное кресло! Оно словно поглощает тебя... Если я посижу в нем часок-другой, может быть, и музыка во мне оживет? (*Затихает*.)

Д а л ь (*спокойным, размеренным голосом*). Музыка оживет непременно. Ваша музыка проснется в вашей душе. Вы начнете писать концерт. Вы непременно будете писать свой концерт. Вы обязательно напишете свой концерт. Вы напишете свой фортепьянный концерт...

Даль берет скрипку и начинает негромко играть мелодию.

Картина вторая

Сад в усадьбе Красненькое. Виден барский дом. Солнечный летний день. По аллее идут Наташа Сатина и Лёля Крейцер. Неожиданно раздаются звуки рояля: пробуются мелодия в нескольких вариантах.

Н а т а ш а. Как я рада, что он усиленно работает. Наконец-то ожил!

Л ё л я. Не мог же талантливый человек сломиться от одного удара...

Н а т а ш а. Талантливый как раз и мог...

Л ё л я. Только не этот. Он согнулся на какой-то миг. Но зато как выпрямится. Мир содрогнется!

Н а т а ш а. Я так вам благодарна, что вы принимаете Сережу. Конечно, мне без него плохо, но наша Ивановка — это какой-то постоянный двор, особенно сейчас. То Скалоны останавливаются на две-три недели по пути в свое Игнатово, сейчас Зилоти нагрянули. Эти вообще целым табором — гувернантки, прислуга, четверо детей... Голова моя кругом! Дети так много говорят... О музыке и подумать невозможно: всем надо играть! У Саши — концерты, у девочек — уроки, у меня — консерватория. Рояль мне достается в последнюю очередь. Хорошо Соне — у нее на уме одни букашки...

Л ё л я. Что же ты не взяла ее с собой?

Н а т а ш а. А ты думаешь, она поехала бы? Ей Саша привез каких-то невиданных тритонов, так моей сестрице с ними не расстаться. Никому не доверяет. (*Прислушивается, потому что музыка стихла*.) Что-то он пе-

рестал заниматься...

Л ё л я. Наверное, записывает. Он ведь долго проигрывает все в голове, потом на инструменте, только после этого заносит на бумагу. С виду все так легко получается...

Н а т а ш а (*ревниво*). И ты все это заметила?

Л ё л я. Так он же второе лето здесь. Можно немного и изучить за это время. Гостей, например, очень не любит. К нам и так мало народу ездит, но если кто и заглянет, он как Онегин — с заднего крыльца в сад и дальше... (*Смеется*.)

Н а т а ш а (*при новых звуках рояля*). Вот опять эта тема. Концерт обещает быть замечательным. Саша сейчас разучивает сюиту для двух фортепьяно. Сережа так быстро ее сочинил! У тебя есть ее партитура?

Л ё л я. У меня только для второго фортепьяно.

Н а т а ш а (*обрадованно*). А у меня только для первого. Ты учи обязательно свою партию, а я — свою. Осенью в Москве непременно сыграем. Это такая прекрасная сюита!

Неожиданно из-за кустов перед девушками появляется Сергей. Он в ситцевой косоворотке, в сапогах, светлом картузе.

С е р г е й. Кто это сочинил прекрасную сюиту? Да еще для двух фортепьяно? Не могу ли я узнать?

Н а т а ш а. По-моему, это мог сделать только композитор Рахманинов. Других сочинителей я не знаю.

С е р г е й (*шутливо*). Елена Юльевна! Вам не кажется странным, что такие невежды пытаются закончить Московскую консерваторию? За несколько лет эта барышня смогла запомнить только одну фамилию, которую, к тому же, слышать не может ее наставник, профессор Сафонов.

Л ё л я. Вы представляете, каково ей приходится? Как между Сциллой и Харибдой.

Н а т а ш а. Лёлька! И ты с ним заодно! Только бы потешаться над бедной девушкой!

С е р г е й. Это вы-то — бедная?! В каждой губернии для летних вакаций находите имение.

Н а т а ш а. Таких имений и у вас не перечесть! Баловень двоюродных сестриц.

С е р г е й. Как хорошо, что Лёля Крейцер всего лишь моя старательная и способная ученица. (*Все трое весело смеются*.)

Слышится гонг к обеду.

С е р г е й (*к Лёле*). Сударыня! Позвольте обратиться к вам как к хозяйке дома!

Л ё л я. На что жалуетесь, постоялец?

С е р г е й. На отсутствие в меню ракового супа. Целую неделю его не подавали.

Л ё л я (*смеясь*). Этому горю можно помочь. Ваши жалобы услышаны, дорогой гурман. Именно сегодня я зака-

зала на обед раковый суп.
С е р г е й. Дамы! Почему же мы так медлим? Заставляем
бедных раков дожидаться нас?

Со смехом уходят.

Картина третья

*Библиотека в доме Крейцеров. Книжные шкафы, за-
полненные книгами, журналами. Стол, кресла, ди-
ван. Входят Наташа и Лёля.*

Н а т а ш а. Благословенная прохлада среди воронежской
жары! *(Садится на диван, откидывается на его спин-
ку.)* Трудно поверить, что приближается конец вол-
шебным дням. *(С грустью.)* И с Сережей приходится
расставаться. Так жаль...

Л ё л я. Неужели так жаль?

Н а т а ш а *(серьезно и грустно)*. Ты даже не представля-
ешь, как я скучаю без него. Но я рада, что ему здесь
хорошо... Он работает так усердно. И, по-моему, даже
майские жуки ему не мешают.

Л ё л я *(удивленно)*. Господь с тобой, Наташа! Какие майс-
кие жуки? За окном уже июль кончается, а ты про
майских жуков вспомнила.

Н а т а ш а *(негромко смеется)*. Это не у меня жуки — это
у Сережи. Прилет майских жуков означает у нас дур-
ное расположение духа у Сергея Васильевича. Насу-
пится, замкнется и забивается куда-нибудь подальше
ото всех. А вообще, он этих жуков с детских лет не
любит. Как-то брат Володя сунул такую тварь ему за
шиворот... С тех пор испытывает панический ужас...
Он многого боится — мышей, тараканов, этих жуков,
завывания ветра...

Л ё л я. Пожалуй, он нынче так увлечен работой, что ника-
кие жуки его не пугают. Когда же ты так подробно все
вызнала?

Н а т а ш а. Лёлочка! Мы же с ним вот уже тринадцать лет
не расстаемся. Как появился впервые взъерошенным
юношей... Руки длиннющие, волосы распадаются во
все стороны. Смотрит независимо. А как же! Пять де-
виц вокруг — и все сестры. Сердце мое словно обо-
рвалось. Словно летит оно и кричит: «Это судьба твоя!»

Л ё л я *(насмешливо)*. Тунечка! Тебе же и шестнадцати тог-
да не было. Что ты могла понимать в судьбе?

Н а т а ш а. Знаешь, Лёля, бывают такие моменты в жизни,
когда вмиг становишься взрослым человеком. Навер-
ное, так со мной и случилось...

Л ё л я. И все эти годы ты так неустанно печешься о своем
композиторе?

Н а т а ш а. А мне не в тягость. Душа радуется, когда вижу,
что угодила ему.

Л ё л я. Ценит ли он твою заботу?

Н а т а ш а. Трудно сказать. Скорей всего, привык к ней, как

к чему-то обязательному. Может быть, когда-нибудь
и оценит. Да мне его благодарность и ни к чему. Глав-
ное, он рядом, и я могу быть полезной... и что я люблю
его.

Л ё л я. Что здесь особенного, что ты любишь своего двою-
родного брата?

Н а т а ш а. Особенное то, что я люблю его более, нежели
брата... Он для меня — единственный мужчина в этом
мире.

Л ё л я. С ума сошла! Быть такого не может! Не должно!
Он же тебе — кровная родня. Твой брат, хоть и двою-
родный.

Н а т а ш а. Он и ведет себя как брат. Ты же сама видишь —
шуточки-прибауточки. Но я пока не печалюсь.

Л ё л я. А ну как он надумает жениться?

Н а т а ш а. На ком? Я признаю только одну соперницу —
его музыку. Но с ней я могу поладить. *(Меняет тон
разговора.)* Лёлочка! Я вижу здесь пропасть журна-
лов. *(Достает из шкафа несколько пачек.)* Вот по-
смотри — «Вестник Европы», «Семейное чтение»,
«Нива»... Ты знаешь, в них могут оказаться совсем не-
плохие стихи, подходящие для романсов. Сережа по-
стоянно что-нибудь ищет для них. Надо полистать.

*Девушки разложили на столе журналы и начали их
перелистывать. Иногда зачитывают отдельные
строки: «В старом доме у окна ты сидишь одна.
Полубив печаль и тишь, ты всегда молчишь...» Не
то... «Я солнечной пустыни не хочу — в ней рабье
одиночество таится...» «В зыбком стане, ножке
стройной, в водомете тяжких кос слышу солнце,
полдень знойный...» Выдумают же такое «слышу сол-
нце...» Нет, это все не то...*

Входит Сергей. Он в косоворотке, в легких туфлях.

Н а т а ш а. Наконец-то ты, Сережа, решил дать отдых сво-
им ногам. Это ж надо додуматься — в такую жару
надевать сапоги!

С е р г е й. Полноте, дорогая моя Туня. Дело не в отдыхе, а в
том, что я вчера на вечерней рыбалке свалился в воду...
Конечно, вместе с сапогами. Я-то уже, как видите, про-
сох, а вот сапоги мои еще не в форме... Но вы правы, так
значительно легче... А чем это вы занимаетесь?

Л ё л я. Ищем стихи для ваших романсов. Но все что-то не
трогает сердце.

С е р г е й. Да уж ваше сердце тронешь! Но вы хорошо при-
думали. В такую жару только и сидеть в библиотеке с
бодрящей свежестью. Дай-ка мне, Тунечка, вон тот
томик... Это кто? А-а-а... Вяземский. Посмотрим, по-
смотрим на княжеские забавы.

*Он усаживается в кресло и склоняется над книгой.
Девушки продолжают листать журналы.*

С е р г е й *(восторженно и громко)*. Какое чудо! Восхити-

тельно! Вы только послушайте, милые музыкантши!
(*Девушки подходят к Сергею.*) Слушайте! Слушайте!
Это же пир богов! (*Начинает читать.*)

Икалось ли тебе Наташа,
Когда в воронежских подвалах
Взахлеб шампанское я пил?
Различных вкусов, свойств и видов,
Различных возрастов и сил,
Когда в воронежских подвалах
Я жадно поминал тебя...
Любя Наташу-поэтессу,
Да и шампанское любя...

Н а т а ш а (*сердито*). Что за чушь ты несешь? Сомневаюсь, чтоб так было у Вяземского! (*Отнимает книгу к читает.*) «Икалось ли тебе, Давыдов, когда шампанское я пил?» Вот видишь, здесь ясно написано: Давыдов!

С е р г е й. Я полагаю, что поэт не обидится за некоторые изменения в его стихах. Главное — смысл. Главное — слова очень хорошо ложатся на музыку. Ну прямо просятся! Завтра я вас непременно порадуя новым романсом. (*С книгой уходит.*)

Н а т а ш а. Ну, что ты с ним поделаешь? Вместо того, чтобы серьезно работать над концертом, он занялся какой-то безделицей. Давай хоть мы с тобой сыграем что-нибудь в четыре руки.

Девушки уходят, через какое-то время раздаются звуки рояля — исполняется пьеса Рахманинова.

Картина четвертая

Обстановка первой картины. В усадьбе — вечер. Наташа и Лёля сидят на скамье неподалеку от окон комнаты Рахманинова. Окно раскрыто, из него доносятся звуки рояля.

Н а т а ш а. Готовит нам сюрприз. Он же обещал подарить нам сегодня романс.

Л ё л я. Да не сердись же на него. Подумаешь, будет звучать имя Наташи. Многие ли узнают, что икает Наташа Сатина?

Н а т а ш а (*сердито-притворно*). Лёлька!

С е р г е й (*высовывается из окна*). Милые дамы! Я вижу, вы уже приготовились слушать романс! Прошу внимания! (*Скрывается. Через мгновение доносятся звуки рояля и голос Сергея, исполняющего романс. В некоторых местах в исполнении звучит «икота». Когда романс кончается, из окна вновь высовывается Сергей.*) Почему я не слышу аплодисментов? Неужели так невыносимо плохо?

Девушки, перебивая друг друга: «Что вы, Сергей Ва-

сильевич! Восхитительно! Сережа! Я больше не сержусь! Чудная вещица!»
Сергей скрывается из окна и вскоре появляется в саду.

С е р г е й (*садится рядом с девушками и подает Наташе нотный лист*). Сударыня, это вам! Как героине опуса, дарю оригинал.

Н а т а ш а (*берет лист и вслух читает*). «Нет! Не умерла моя муза, милая Наташа! Посвящаю тебе мой новый романс». Очень трогательное посвящение, Сергей Васильевич! Премного благодарна.

Некоторое время все молчат. В тишине слышна русская песня, доносящаяся издалека.

С е р г е й (*задумчиво*). Да-а-а... Мы вот сидим, сочиняем, сочиняем... Пишем музыку! А народ поет свои песни из поколения в поколение, не зная их авторов. И дела ему нет, получится ли у какого-то Сергея Рахманинова его новый концерт... Какое народу до этого дело?

Л ё л я. Это вы напрасно, Сергей Васильевич! И у вашей музыки есть свое место в нашей жизни. У нее большое будущее, которого нам, быть может, не придется увидеть...

Издалека доносятся звуки гармошки.

С е р г е й (*оживляясь*). А вы слышали такое народное творчество... Оно еще так смешно называется — час-тушки. А почему частушки?

Л ё л я. Наверное, потому, что частят. Часто идут слова и мысли. Мне кой-что из них понравилось. Наши слуги на днях концерт устроили на кухне (*запевает*):

С неба звездочка упала
На сарайчик тесовой.
Вся любовь моя пропала
И платочек носовой.

Н а т а ш а (*весело*). Могу продолжить:

Я сидела на березе,
Вспоминала о Сереже.
Вдруг подул ветерком —
Я с березы кувырком.

Все смеются.

С е р г е й. А я вот слышал очень грустную:

Печку письмами топила,
Не подкидывала дров —
Все глядела, как горела
Моя первая любовь.

Н а т а ш а (*тихо*). Словно про Верочку. И чего вдруг вспомнилось?

Занавес

ДЕЙСТВИЕ IV
Картина первая

Маленькая комната за кулисами концертного зала. Из-за двери доносится восторженный шум публики, раздаются: «Браво, Рахманинов! Браво, Зилоти!» Распахивается дверь. Быстро входит Рахманинов и опускается в кресло. За ним следом вбегает Наташа.

Н а т а ш а. Сережа!!! Это что-то непостижимое! Это такой восторг! Божественно! Послушай, что творится с публикой! Я сама столько раз слышала концерт на ваших репетициях... Но сегодня все так заново зазвучало... Я горжусь тобой, Сережа!

С е р г е й (*помолчав, открывает глаза, улыбается*). Я тоже горжусь! Что не свалился со стула от вашего глинтвейна. Так напоили молодого человека, что он боялся подойти к роялю...

Н а т а ш а. Мы же старались сбить температуру! Ты же был нездоров! Слава Богу, все обошлось! Ты не упал со стула, ты блестяще исполнил концерт... кажется, и температура спала (*осторожно кладет руку ему на лоб*).

Слышится стук в дверь. Наташа идет открыть. Входит доктор Даль.

Д а л ь. Позвольте войти! Еле пробился сквозь строй телохранителей и почитательниц! Какая слава! Какой почет!

С е р г е й. (*Быстро поднимается, идет навстречу доктору.*) Доктор! Дорогой Николай Владимирович! Здравствуйте! Как я рад вас видеть!

Д а л ь. А я-то как рад — не столько видеть, сколько слышать. Восхитительно! Горжусь вами, Сергей Васильевич! Как видите, я был прав.

С е р г е й. Как хорошо, что вы пришли на концерт. Я билеты послал вам заранее, но в душе опасался, как бы чего не случилось. Мало ли у вас, докторов, хлопот... Но вы пришли! Доктор! Как я рад!

Д а л ь. Грешно было мне не пойти на такой концерт. Да я бы и без вашего приглашения обязательно пришел: московская знаменитость и мой бывший пациент. Я не сомневался, что ваш талант воспрянет, не сомневался, что услышу удивительную красивую музыку. Но ваш концерт превзошел все мои предположения и ожидания. Ваш концерт, Сергей Васильевич...

С е р г е й (*перебивая*). Почему мой концерт? Это ваш концерт, дорогой Николай Владимирович! Я дарю его вам как мое признание за ваш тонкий одухотворенный труд... За все, что вы для меня сделали. (*Берет из папки на столе ноты, достает перо и делает надпись, потом подает ноты Далю.*)

Д а л ь (*читает*). «Посвящается доктору Николаю Владимировичу Далю»... Тронут, очень тронут, Сергей Васи-

льевич... Теперь вы смело можете ехать в Лондон и потрясать его обитателей своим концертом. Поздравляю!

Пожав руку, доктор уходит. Сергей медленно ходит по комнате, поглядывает на Наташу.

Н а т а ш а. Сережа! Кажется, следует еще раз выйти к публике... Ты слышишь, как она гудит? Просит тебя!

С е р г е й. Это хорошо, что она гудит и просит. Ее молчание смерти подобно. (*Направляется к двери, у порога останавливается и смотрит на Наташу.*) После этого, дорогая Тунечка, я думаю, пришло время жениться!

Картина вторая

Гостиная в доме Бутаковой на Десятичной улице. Она отличается от той, что была в первом действии. За окном виден весенний полдень и колокольная монастыря. Доносится тихий колокольный звон. Входит Бутакова, опускается на диван, обращается к вошедшему слуге.

Б у т а к о в а. Вели чай подавать! А что барин? Все еще спать изволит?

Из двери в соседнюю комнату выходит Сергей.

С е р г е й. Поспишь у вас, как же! Перезвон-то прямо над головой! Какая мелодичность — заслушаешься!

Б у т а к о в а. На службу надобно сходить, Сергей Васильевич, а не из окна октавы пересчитывать. Я вот уже с заутрени вернулась...

С е р г е й (*с виноватой улыбкой*). А я бабушка, как наша старая кухарка когда-то приговаривала: «хоть к обедне опоздаю, но походку не сменю».

Б у т а к о в а. Да, сударь мой, с твоей походкой вообще до обедни не дойдешь! Садись чай пить. Составь мне компанию. Заодно поговорим. А то приехал в ночь — едва словом перемолвились...

Слуга приносит самовар, потом поднос с чашками.

Б у т а к о в а (*разлив чай по чашкам, начинает чаепитие*). Давненько с тобой не виделись. Пятый год пошел после твоей симфонии. Ну как? Отпустила тебя твоя печаль?

С е р г е й. Не то, чтоб отпустила, но болеть перестала. Я уже могу спокойно о ней разговаривать. А потом... занялся работой, композицией... Знаешь, кажется что-то получилось.

Б у т а к о в а. Это ты о фортепьянном концерте говоришь?

С е р г е й. Уже знаешь?

Б у т а к о в а. Слышала.

Сергей. И что говорят?

Бутак ова (*смеется*). Да не о концерте слышала, а сам концерт! Ведь у нас есть любительский симфонический. Сын нашего толстовца Молочникова привез из Москвы ноты. Ты же не догадалась прислать нам с матерью свой опус... (*Помолчав.*) Недурно, даже более, чем недурно.

Сергей. Прости меня. Такая суматоха стояла. С изданием загвоздка вышла. А затем еще одно дело закружилось... С ним и к вам приехал. Да вот маменька оказалась в отъезде.

Бутак ова. Она в вечеру вернется. Поехала проводить тетку свою. Совсем слаба стала... Ну, рассказывай свое дело.

Сергей (*медленно*). Решил я, бабушка, жениться.

Бутак ова. Я так и подумала. Все остальные дела ты без нас решаешь. А в этом без нас никак нельзя. Ну, что ж, давно пора, голубь мой. Лет-то уже вон столько — почти тридцать. У меня в твои годы дочь уже косы заплетала. Кого же в невесты себе выбрал?

Сергей. А что ее выбирать? Она сама давно меня выбрала.

Бутак ова. Постой-постой, что-то я не пойму... Кто тебя давно выбрал? Вроде никаких имен в письмах не мелькало, в разговорах не звучало. О ком же речь? Ты уж скажи, не томи душу...

Сергей (*ходит по комнате, останавливается перед Бутаковой*). Надумал я жениться на Сатиной Наталье Александровне.

Бутак ова (*какое-то время молчит, крестится*). Я не ослышалась? На Сатиной?

Сергей. На ней бабушка, на Сатиной Наташе!

Бутак ова. Она же тебе двоюродной сестрой приходит-ся. Ты об этом забыл?

Сергей. Да нет, помню, что ее матушка и мой батюшка родные брат и сестра...

Бутак ова. Сережа, это же грех — жениться на близких родственниках. Церковь запрещает... Вас не повенчают... Господи, что же это такое делается? Куда смотрит Варвара Аркадьевна? Как она-то допускает такое бракосочетание?

Сергей. Тетка Вава сначала метала громы и молнии. Заперла Туньку в комнате на третьем этаже, чтоб не выпрыгнула из окна. Сама носила ей обеды, но та в знак протеста от них отказывалась... Тогда на помощь пришла другая тетюшка — Мария Аркадьевна. Она как-то уломала сестрицу, та вроде бы смиловилась и согласилась пойти на попятную...

Бутак ова. Значит, она готова разрешить своей дочери выйти замуж за двоюродного брата? Ничего себе, нравы столичные...

Сергей. Ба-буш-ка! Ну к чему так осложнять себе жизнь? В Европе, например, то и дело женятся на кузинах... И хоть бы что!

Бутак ова (*сердито*). Мне Европа — не пример! У нее и папа Римский — наместник Бога на земле. Мало ли

чего они себе позволяют?! Мы люди — православные! У нас свои законы, свои правила, их и почитать надо.

Сергей. Бабушка, ты ведь отлично знаешь, что у всякого правила есть свои исключения. Позволь мне стать таким исключением...

Бутак ова (*поразмыслив*). Хорошо, допустим, я позволю... Маму как-нибудь уговорим, хотя она не очень жалует твою Сатинскую родню... Но ведь и Церковь противится таким союзам!

Сергей. Церковь взяла на себя Мария Аркадьевна. Она намерена поговорить с отцом Валентином Амфитеатровым. Он поможет найти выход из этой ситуации с допустимыми приличиями.

Бутак ова (*трогает рукой самовар*). Совсем остыл. Придется подогревать. (*Звонит в колокольчик. Входит слуга.*) Поставь-ка нам, Никифор, свежего чаю! (*Слуга с самоваром уходит.*)

Бутак ова (*помолчав*). Скажи мне, Сережа, чем объясняется такой выбор? У меня в голове не укладывается.

Сергей (*не сразу*). Поглядел я на себя — скоро 30 лет. Оглянулся вокруг — ни дома, ни семьи.словно сирота. Бегать за девушками, ты сама знаешь, мне недосуг. Меня музыка моя никуда не отпускает. И работа, работа, без конца — работа... А рядом всегда верная и любящая Наташа. Я настолько привык, что она всегда рядом. Все эти тринадцать лет...

Бутак ова. Привычка — это не любовь.

Сергей. Зато замена счастью!

Бутак ова. Да-а-а... Это я знаю. Но ведь есть же еще и трепет сердца, волнение в груди. Есть желание постоянно видеть и слышать предмет своих мечтаний...

Сергей. Досточтимая Софья Александровна! Какие вздохи и мечтания в 30 лет?! Ах, бабушка, мое сердце давно оттрепетало в Игнатовских садах. Все прошло... Мне сейчас нужен верный друг, надежная подруга и хозяйка дома. Ты же понимаешь, что мне недосуг заниматься хозяйскими и семейными заботами. Я очень завидный жених, в смысле отца семейства. А Наташа...

Бутак ова. Наташа пошла в свою матушку Варвару Аркадьевну. Та любит править и балом, и мужем...

Сергей. Между прочим, Наташа отлично понимает, что мною править не следует. Мне нужно просто помогать. Она преданно ценит мои способности, если хочешь, талант музыканта. Бесхитростная ее забота чашенько помогала мне в трудную минуту. Она сама — хорошая музыкантша, поэтому понимает смысл моей работы, сочинительства... К тому же, она действительно искренне любит меня все эти долгие годы... Чего же боле?

Бутак ова. Слава Богу, что она-то тебя воистину любит. Пусть хоть с одной стороны в вашем союзе будет любовь. (*Подходит к киоту, снимает небольшой образок.*) Даю тебе свое благословение на союз с девицей Натальей. На все — воля Божия!

Крестит внука, обнимает и целует его. Из монастыря доносится колокольный звон.

Картина третья

Служебный кабинет настоятеля Архангельского собора. В углу икона и теплящаяся перед ней лампада. Книжный шкаф, стол, кресло, стулья, ближе к двери у стены стоит пианино старинной работы. Отец Валентин задумчиво смотрит в окно.

О. В а л е н т и н *(негромко)*. Есть у меня и другие овцы, которые не сего двора, и тех надлежит мне привести, и оне услышат голос Мой, и будет одно стадо, и один Пастырь. Овцы мои слушаются голоса Моего, и Я знаю их, и оне идут за Мной... *(Раздается негромкий стук в дверь.)* Да-да! Входите!

В дверях появляется Рахманинов.

С е р г е й. Разрешите?

О. В а л е н т и н. Прошу! Прошу, Сергей Васильевич! Проходите. Я вас поджидаю.

С е р г е й. Надеюсь, я не опоздал?

О. В а л е н т и н *(подходит к гостю)*. Отдаю должное вашей точности. *(Протягивает руку для ритуального целования. Рахманинов попытался было пожать ее, сконфузился и приложился к протянутой руке.)* Сразу видно, что вы привыкли только дамские ручки целовать...

С е р г е й *(виновато)*. Простите, батюшка, растерялся...

О. В а л е н т и н. С кем не бывает! Мы ведь не в храме. Милости прошу в мою келью.

С е р г е й *(проходя мимо пианино, останавливается и гладит завитушки на его поверхности)*. Прекрасный инструмент! Точно за таким же я постигал ремесло пианиста у Николая Сергеевича Зверева. Господи, сколько невидимых миру слез упало из детских глаз на его клавиши.

О. В а л е н т и н. Да-а, покойный Николай Сергеевич, Царство ему небесное, бывал крутенок.

С е р г е й. Вы слышаны о нем?

О. В а л е н т и н. Почему же слышан? Имел честь принимать его в своем доме. Старшей моей дочери он давал уроки музыки. Она продержалась только год. Способностей больших не было, я не стал настаивать. Музыцирует она неплохо, регенту помогает на занятиях с хором... Вот вас Николай Сергеевич сделал большим мастером. Ваша игра заставляет поражаться человеческим возможностями.

С е р г е й *(растерянно)*. Вы слушали мою игру?

О. В а л е н т и н. Как же не послушать московскую знаменитость? Бывал на нескольких концертах. Помню, моя дочь с великим старанием раздобыла нам с матушкой билеты в Благородное собрание на ваш новый концерт...

С е р г е й *(удивленно)*. Что-то я не заметил в зале священника...

О. В а л е н т и н *(улыбаясь)*. Разумеется, ведь я же был в партикулярном платье. Разве можно смущать публику своим присутствием? Всею свое место и время...

Оба садятся возле стола.

О. В а л е н т и н. Слушал ваш концерт, уважаемый Сергей Васильевич, и не переставал восхищаться Божиим творением — человеком. Какого совершенства он может достигнуть! Про вас уже и не говорю, но ведь и оркестр хорош, и дирижер его, ваш братец Александр Зилоти... Что касается музыки... То в ней слышались мне не только перезвоны ваших новгородских колоколов, о чем так любят писать критики... Меня больше тронула вторая часть. Она звучала молитвой блудного сына. Именно как его моление... Осознание своих ошибок, заблуждений и возвращение в дом свой — к отцу, к вере...

С е р г е й *(негромко)*. Неужели вы это все услышали? Мне пока никто не говорил о блудном сыне, хотя именно я и был им некоторое время...

О. В а л е н т и н. Люди воспринимают музыку субъективно, согласно своему настроению, осознанию жизни... А я, как служитель Церкви, ищу прежде всего Божественного начала в творении человека... *(Помолчав.)* И вам ставят в вину, что вы редко бываете на исповеди?

С е р г е й *(Растерялся от неожиданного вопроса. Собрался с мыслями)*. Видите ли, батюшка, по натуре я весьма скрытный человек... Не люблю, да и не могу рассказывать о своих печалях и прегрешениях кому бы то ни было... даже близким. Мне самому порой тяжело от такого груза. В церковь я хожу. Только не говорю никому об этом... Выручает меня музыка — ей я могу доверить все свои чувства, мысли, неудачи...

О. В а л е н т и н. Такое свойственно творческим личностям. Сын мой заделался нынче модным писателем. Свой, казалось бы, человек, а начну читать его описи и вижу многое, чего он недоговаривает нам с матерью...

С е р г е й. С храмами связаны мои лучшие детские воспоминания. Как не пойти?

О. В а л е н т и н. Музыка ваша как исповедь. Я все слышал, все понял. *(Помолчав.)* Так что же со свадьбой? И здесь какие-то зловключения? Как это вы, сын мой, вздумали жениться на близкой родственнице? Такая пылкая любовь одолела, что не перебороть?

С е р г е й *(вздыхает)*. Скорей наоборот — отсутствие такой пылкой любви... Но это внушает мне надежду, что в семье установятся мир и покой, а жена моя будет незаменимой хозяйкой и помощницей.

О. В а л е н т и н *(разводит руками)*. Ну и молодежь нынче пошла! Значит, по расчету, а не по любви решили построить семейную жизнь?

С е р г е й *(встает, проходится по кабинету)*. Поскольку

ку я здесь как на исповеди, скажу откровенно — пламенная страсть, пылкая любовь- это не по мне; не для меня. Конечно, красивая женщина — это источник вечного вдохновения. Но я должен бежать от нее прочь и искать уединения, иначе ничего не сочинить, не довести до конца... Вдохновение следует носить в сердце, в сознании... Думать о вдохновительнице... Но для творческой работы надо всегда оставаться наедине с собой... Какая женщина потерпит такое с ней обращение? А Наташа все понимает... Она ничего не требует от меня и стремится только помочь всем, чем может... в чем может...

О. В а л е н т и н. А просьбу Государю Императору на разрешение венчаться уже подали?

С е р г е й. Я что-то подписывал... Этим родня занимается. Надеюсь, сразу после Пасхальной недели и обвенчаемся... в полковой церкви.

О. В а л е н т и н *(подходит к Рахманинову)*. Сын мой,

Сергей Васильевич! Ваш изумительный талант- это дар Божий, который непозволительно было бы сгубить ...Вижу, что вы осознаете ценность своего дарования и дорожите им. А это значит — почитаете волю Господню. В Евангелии от Иоанна сказано: «Я есмь лоза, а вы ветви. Кто пребывает во Мне, и Я в нем. Тот приносит много плода, ибо без Меня не можете делать ничего»... Талант ваш от Бога. Помните об этом всю жизнь, и пребудет с вами Божие благоволение. Аминь! *(Крестит склоненную голову Рахманинова.)* Последняя моя просьба аки сына человеческого *(улыбается)*. Сыграйте несколько моментов из вашего фортепьянного концерта...

Рахманинов согласно кивает головой и садится за инструмент.

Занавес

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО:

из истории Старорусской центральной
городской библиотеки имени Ф.М. Достоевского

В начале XX века жители уездного города Старой Руссы имели возможность пользоваться несколькими библиотеками, старейшими из которых были ученическая и фундаментальная при городском училище, открытые в 1859 году. Они содержались на средства Старорусского городского общественного управления и в начале столетия заведовал ими учитель Петр Степанович Борисов.

Библиотека Братства Святого Федора Тирона при церковно-приходской второклассной школе им. Ф.М. Достоевского, принадлежащая епархиальному ведомству, была открыта в 1885 году.

В городе так же действовала библиотека при Старорусских минеральных водах Министерства земледелия и государственных имуществ, открытая в 1898 году. Содержалась она на средства управления вод, а заведовал ею директор этого управления Сергей Васильевич Тиличев.

В 1902 году уездный комитет открыл библиотеку-читальню при чайной попечительства о народной трезвости. Заведующей ею стала Алевтина Николаевна Никелева.

На углу улиц Александровской и Булиной (ныне Кириллова и Володарского) в доме Полянского располагалась библиотека Старорусского городского общественного собрания. На протяжении многих лет заведующим этой библиотекой был Тимофей Иванович Архипов¹.

Кроме перечисленных существовала в Старой Руссе и библиотека при уездной земской управе².

За исключением библиотеки-читальни уездного комитета попечительства о народной трезвости, книжный фонд которой был очень беден, все библиотеки города имели ведомственную принадлежность и пользоваться ими могли не все желающие, а толь-

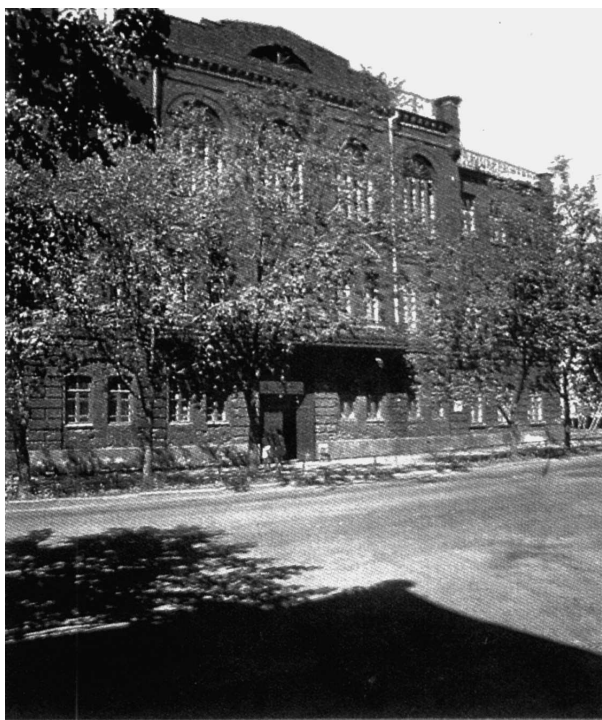
ко земские служащие. За право брать книги из библиотеки по третьему разряду всем земским служащим управа внесла в смету сумму в 160 рублей³.

Так в уездную земскую управу стали поступать письма от горожан, не состоящих на земской службе, с просьбами разрешить им пользоваться уездной земской библиотекой, на которые управа обычно отвечала отказами, объясняя просителям, что, во-первых, библиотека открыта для служащих земства и по своему книжному фонду недостаточна для обслуживания всех слоев населения, и, во-вторых, что выдача книг всем жителям города невольно превратила бы её в публичную. На открытие же публичной библиотеки не-

обходимо было разрешение губернатора⁴.

Так назрел вопрос об открытии в уездном городе публичной библиотеки.

В связи с увеличением числа «подписчиков», иначе говоря читателей, в земской библиотеке увеличивались и рас-

Бывшее здание Народного дома, Ныне Политехнический колледж (10-е годы XX века)*.

* Все фотографии из фондов Боровичского краеведческого музея.

ходы на приобретение книг. Недостаток финансовых средств вынуждал управу принимать решение об установлении платы с лиц, пользующихся библиотекой. С введением платы за пользование книгами земская библиотека фактически приобретала статус публичной. В связи с этим управа предложила уездному земскому собранию рассмотреть устав и правила пользования библиотекой и «возбудить ходатайство перед г. новгородским губернатором о разрешении открыть в Старой Руссе при земской управе земскую публичную библиотеку»⁵.

Земское собрание поддержало это предложение управы, и представленные в губернское правление устав и правила пользования библиотекой были одобрены губернатором.

По уставу в распоряжение библиотеки должны поступить существовавшие при земской управе учительская, медицинская и сельскохозяйственная библиотеки, а также все имевшиеся в управе периодические и специальные издания, ассигнование Старорусского земства и плата с читателей.

Согласно выработанным правилам, плата производилась по трем разрядам: 4 рубля, 2 рубля и 1 рубль в год, и вносилась вперед за каждые полгода. В обеспечение целостности библиотеки читатели, кроме учителей и служащих земства, должны были вносить постоянный залог в два рубля, но при требовании дорогих и ценных книг, стоимость которых превышала сумму залога, производилось дополнительное начисление. Не выдавались читателям домой книги, представлявшие собой библиографическую редкость. За утерянную книгу или журнал читатель обязан был уплатить фактическую стоимость, за потерю тома сочинений и журнала, не продававшегося отдельно, взыскивалась плата за все тома собрания сочинений или годовую подписку. За чирканье на полях книги взыскивалась плата как за порчу книги. При неоднократном возвращении читателем испорченных книг заведующий библиотекой докладывал об этом управе, которая могла лишить подписчика права получения книг в библиотеке⁶.

Получив от губернатора добро на открытие публичной библиотеки в Старой Руссе, земская управа не могла её открыть, так как для библиотеки нужно было отдельное помещение и заведующий, средств же на это земским собранием отпущено не было⁷.

1 марта (14 марта по новому стилю) 1907 года на углу улиц Ильинской и Крестецкой (ныне Минеральная и К. Маркса), в доме 16/34, была открыта Старорусская общественная библиотека по инициативе жителей города: врача городской больницы М.П. Глинки, лесничего Г.Ф. Ярошевича, бухгалтера местного казначейства Сорокина и других. Книги для нее были собраны по домам в качестве добровольного пожертвования, а деньги получены от постановки двух любительских спектаклей. На деньги, вырученные от первого спектакля, сняли помещение и подыскивали постоянно живущего при библиотеке сторожа. Второй спектакль дал средства для покупки в Петербурге литературы и для подписки на периодические издания⁸.

Для управления библиотекой был избран совет, в который вошли: Григорий Филиппович Ярошевич (председатель), Аркадий Александрович Попов (заместитель председателя), Лидия Александровна Брондин (секретарь) и члены: учителя — Лидия Ивановна Смелкова, Петр Степанович Борисов, Михаил Васильевич Кочергин и купец Александр Тимофеевич Иванов (казначей)⁹. Все эти люди оставались в совете библиотеки до Октябрьской социалистической революции.

Один из главных инициаторов открытия в Старой Руссе общественной библиотеки Григорий Филиппович Ярошевич родился в 1872 году в Кременчуге Полтавской губернии. Вскоре его родители переехали в Киев. С раннего детства Григорий писал и декламировал стихи, играл в любительских спектаклях, мечтал поступить в театральное училище при Александринском театре в Петербурге.

Окончив реальное училище в Киеве и получив родительское благословение, с условием не быть актером, юноша покидает Украину и отправляется в Петербург. Он поступает в Лесной институт, где приобщается к революционной деятельности. Только заступничество профессора Руцкого спасает Ярошевича от ареста и ссылки в Сибирь.

С 1900 по 1905 год Г.Ф. Ярошевич служил помощником лесничего в Лихвинском лесничестве Тульской области и одновременно работал преподавателем в лесной школе. За революционную деятельность он был арестован и отправлен в Старую Руссу под полицейский надзор (снят с него только в 1915 году).

На молодого человека там обратил внимание начальник Управления лесных и государственных имуществ Новгородской губернии, Лебедев, назначивший Ярошевича помощником лесничего в Порожском лесничестве. Но учитывая, что к этому времени у него уже было трое детей школьного возраста, разрешили ему жить в Старой Руссе. Семья Ярошевичей поселилась в доме на берегу реки Перерытыцы, рядом с домом Ф.М. Достоевского.

В советское время Г.Ф. Ярошевич работал в лесной промышленности на руководящих должностях. Скончался в 1942 году в Москве¹⁰.

В отличие от публичных библиотек, в общественной делами управляло общее собрание читателей, которые и являлись полными её хозяевами. Для решения важных вопросов избиралось правление, подотчетное общему собранию. Для контроля над действиями правления собрание избирало ревизионную комиссию, утверждало устав библиотеки, в котором также оговаривалась деятельность и общие положения для избираемых органов управления. Общее собрание рассматривало и утверждало смету и годовую отчет библиотеки, выбирало членов правления, ревизионной комиссии, а также председателя правления. Им же утверждались правила пользования библиотекой, рассматривались различные вопросы её деятельности.

Доходы библиотеки складывались, в основном, из взносов подписчиков, пожертвований и из средств, получаемых от устройства спектаклей, благотворительных вечеров, и составлявших значительный процент в её бюджете¹¹.

Средств для содержания библиотеки не хватало, и в 1908 году правление библиотеки обращается в уездную земскую управу с просьбой выделить какое-либо пособие библиотеке «в виду того, что при ограниченности средств библиотека не может удовлетворить все запросы подписчиков»¹². Уездное земское собрание принимает решение «разрешить управе из неизрасходованной суммы 150 руб., ассигнованной по смете на 1908 год в пособие воскресным школам, выдать 75 руб. библиотеке»¹³. Однако, на следующий год, когда правление Общественной библиотеки обратилось в управу с просьбой о выделении ежегодной субсидии, уездное земское собрание приняло постановление «ходатайство библиотеки отклонить»¹⁴.

Тем не менее, библиотека продолжала работать.

После Октябрьской революции были организованы уездные отделы народного образования (УОНО), которые стали заниматься, в числе других, вопросами развития и деятельности библиотек.

В декабре 1918 года в Старой Руссе на базе Общественной библиотеки была открыта Центральная библиотека. Она расположилась на углу улиц Булиной и Александровской¹⁵.

В марте 1921 года в Новгороде проходил губернский библиотечный съезд, на котором присутствовали 53 делегата от различных уездов губернии, за исключением Бологовского и Крестецкого. На съезде были рассмотрены задачи и вопросы постановки библиотечного дела в губернии и заслушаны доклады с мест заведующих библиотечными секциями при УОНО и библиотечных работников. Заведующий библиотечной секцией Старорусского УОНО, Партенский, доложил съезду, что «Центральная библиотека не обслуживает читателей за отсутствием литературы»¹⁶.

В 1921 году книжный фонд библиотеки составлял 16814 томов, большую часть которого составляла беллетристика (39 %), на литературу общего содержания приходилось 37,6 %, история и география — 8,1 %, книги по социальным наукам — 7,0 %, по прикладным знаниям — 2,7 %. Менее всего в фонде было литературы по философии и искусству.

Число читателей в марте 1921 года составляло 15246 человек, книговыдача — 29698 экземпляров. Самая высокая дневная книговыдача приходилась на март (113 книг), самая низкая на август (65 книг). Самая высокая книговыдача на одного читателя отмечена в феврале (2,23 книги), самая низкая — в августе (1,63 книги).

В штате библиотеки в этот период работало 12 служа-

щих. Заведующим был Ефим Иванович Канкин, проработавший к этому времени в библиотеке три года. Библиотекарями работали Анна Прокофьевна Никитина, прослужившая на библиотечном поприще 25 лет, и Яков Давидович Сандовский, окончивший библиотечные курсы и проработавший здесь полтора года. Кроме того, девять человек являлись помощниками библиотекарей, лишь два из них проработали по году, остальные — меньше¹⁷.

В январе 1924 года в губернской газете «Звезда», в статье «Чем нас кормят» отмечалось, что «Старорусская центральная библиотека отдела народного образования своим внешне-

шним видом производит самое удручающее впечатление. Не имея фонаря или спичек, читатель рискует свернуть себе шею при входе в нее. В библиотеке бросаются в глаза слабо подбеленные стены, почти не оштукатуренные кирпичи, температура около трёх градусов тепла. Одна электрическая лампочка над прилавком, на котором хаотично разбросаны книги. Дальше за отсутствием света ничего нельзя рассмотреть.

Между несколькими

плакатами внимание привлекает плакат «Родословная дерева современного социализма» под редакцией А. В. Луначарского, с художественной отделкой, плакат возбуждает желание ознакомиться с соответствующей литературой, но пособий по родословной социализма в библиотеке нет.

Каталогов по беллетристике и по обществоведению в библиотеке около семи штук, и довольно солидных, но самих книг нет: они изъяты Укомом партии. Как будто, беспартийным рабочим они не нужны.

... в библиотеке 17,5 тыс. книг, абсолютное большинство которых устаревшая беллетристика и старые журналы. Новых книг совершенно нет. Библиотека растаскивается оптом и в розницу: 4000 невозвращенной литературы у читателей с 1917 года»¹⁸.

Далее автор сообщает, что в декабре месяце числилось 1068 читателей, большая часть которых служащие и рабочие. Им выдано 2260 книг, в основном — художественной литературы. Новая литература в библиотеке отсутствует. Совсем плохо обстояли дела с сохранностью книжного фонда: библиотека неоднократно пыталась привлечь внимание Уполитпросвета, милиции и прокуратуры, но «воз и ныне там». Много в библиотеке литературы переплетенной и требующей ремонта.

Из газет выписывались только «Известия» и «Экономическая жизнь», и хотя в читальне очень часто спрашивали губернскую газету «Звезда», но она не была выписана.

Старая Русса. Ильинская улица (ныне Минеральная). Начало XX в. На углу Ильинской и Крестецкой в 1907 г. была открыта Общественная библиотека (НГМ, ОПИ, КП 3905-72)

В конце автор задает вопросы: почему Уком партии не заботится о приобретении литературы, когда она вагонами бесплатно рассылается по провинции?

Видимо, после этой статьи заведующей Центральной библиотекой стала Анна Прокофьевна Никитина¹⁹.

Из отчета Старорусской центральной библиотеки, составленного 1 ноября 1924 года, мы узнаем, что она располагалась в Народном доме по пр. К. Маркса. Никаких отделений не имела. Книги классифицировались и расставлялись по десятичной системе, велась инвентарная книга, имелись алфавитный карточный и систематический (в тетрадке) каталоги. Ежедневно подводилась статистика посещений и книговыдачи библиотеки.

На 1 ноября 1924 года книжный фонд библиотеки составлял 12606 экземпляров книг, из них 3485 — беллетристика, 3811 — периодика, 1469 — общественно-политическая, 783 — историческая, 419 — детская, 620 — иностранная и т. д. Меньше всего было в библиотеке книг по философии, языкознанию и религии.

Число подписчиков в этот период составляло 661 человек, из них 147 женщин. По возрасту наибольший процент составляли взрослые, старше 18 лет (46,6 %), далее шли подростки, от 12 до 18 лет (20,7 %), дети, до 12 лет, составляли лишь 17,5 %. По роду занятий наибольшее число подписчиков — учащиеся, далее шли занимающиеся умственным трудом (25 %), прочие (19,5 %). По социальному положению менее всего было крестьян (1,8 %), красноармейцев (3,5 %) и рабочих (14,2 %).

За октябрь 1924 года библиотеку и читальню посетили 888 человек, из них 167 женщин. Им выдано 1917 экземпляров книг, большую часть которых составляли художественная и детская литература.

В избы-читальню уезда было выдано пять передвижек (300 книг) и два коллективных абонемента в учреждения города.

Политпросветработа библиотеки сводилась к организации уголков В. И. Ленина, ликвидации неграмотности. Революционные и юбилейные дни отмечались вывешиванием плакатов с текстом на тему праздника, составлением рекомендательных списков литературы с краткими аннотациями и выставками книг.

Коллектив библиотеки в это время состоял всего из трех библиотекарей. Двое сотрудников проработали свыше трех лет, один — менее года. По образованию сотрудники были с высшим, средним и начальным образованием, причём, один человек закончил курсы. По партийности: 1 — комсомолец, 2 — беспартийных²⁰.

В 1926–1927 годах библиотека располагалась по тому же адресу, в двух комнатах. На её содержание было затрачено 2741 руб. 30 коп., из них: на содержание персонала — 1390 руб., приобретение книг и выписку периодических изданий — 715 руб. 65 коп., переплет — 308 руб. 19 коп., канцелярские принадлежности и хозяйственные расходы — 249 руб. 46 коп., отопление — 78 рублей.

В июле–сентябре 1926 года выдача книг производилась три раза в неделю, остальные три дня библиотека

посвящала внутренней работе. С февраля до середины марта 1927 года, в связи с эпидемией скарлатины, в школы книги не выдавались.

Библиотека выписывала четыре наименования газет и 26 наименований журналов: «Известия», «Правда», «Рабочая газета», «Звезда» (губ.), «Красная новь», «Новый мир», «Мир приключений», «Спутник агитатора», «Спартак», «Коммунистический университет на дому», «Народное просвещение», «Красный библиотекарь», «Изба-читальня», «Искра», «Знание — сила», «Шахматный листок», «Деревенский театр» и др.²¹.

Постепенно в Центральной библиотеке рос книжный фонд. Если к июлю 1926 года он составлял 13357 экземпляров, то уже к июлю 1927 года — 13776. Поступления в течение года составили 1621 экземпляр. Основная часть книжного фонда — беллетристика (27,3 %), затем литература общего содержания (23,1 %), общественно — политическая (16,6 %), история (6,5 %), по прикладным знаниям (5,0 %), иностранная (4,8 %), детская (3,8 %). Менее всего было литературы по философии (0,4 %), языкознанию (0,8 %), искусству (0,9 %) и религии (1,1 %).

Росло в библиотеке и число подписчиков: если на 1.06.26 года их было 1109 чел., то на 1.06.27 года — 1825 чел. 60 % читателей составляли мужчины. Наиболее активными читателями в этот период были дети до 12 лет (31 %), подростки (29 %) и молодежь, от 18 до 25 лет (25 %). Менее активные — взрослые, старше 25 лет (2 %). В библиотеке выделялись специальные дни выдачи книг для детей.

Книговыдача на 1.06. 1927 года составила 43262 экземпляров. Самыми популярными отделами были беллетристика (58 %), детская литература (22,3 %), литература общего содержания (6,8 %). Меньше всего спросом пользовалась литература по религии, иностранная и по языкознанию. Среди русских писателей наиболее популярными у жителей города — книги А. Неверова, А. Новикова — Прибоя, Ф. Гладкова «Цемент», В. Шишкова «Ватага», «Тайга», А. Серафимовича «Железный поток», М. Горького «Дело Артамоновых», Л. Сейфуллиной «Перегной» и «Правонарушители», Б. Лавренева «Ветер», Д. Бедного «Сочинения» и др. Русская классика спрашивалась преимущественно учащимися. Из иностранных писателей: Д. Лондон «Мартин Иден», «Маленькая хозяйка большого дома» и др., Д. Войнич «Овод», Б. Келлерман «Туннель», С. Жеромский «Краса жизни», Э. Б. Синклер «Джимми Хиггинс» и др.

Из общего отдела наиболее популярными журналами были «Новый мир», «Красная новь», «Мир приключений», «Красная Нива». Среди исторической литературы часто спрашивались книги Д. Рида «10 дней, которые потрясли мир», Ю. Либединского «Неделя», М. Покровского «Русская история в самом сжатом очерке», «Октябрьские сборники», «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев» и др. Из книг по религии — самая популярная «Библия для верующих и неверующих» Е. Ярославского. По общественным наукам спрашивались чаще всего учебники по политграмоте, политэкономии, популярные сочинения по социологии, биография В. И. Ленина, а также извлече-

ния из его сочинений по различным вопросам.

Не доставало современной литературы. Обращаемость книжного фонда в Центральной библиотеке составляла 3,1 %, коэффициент интенсивности его использования равнялся 61,38, читаемость — 19,8. Все это также свидетельствовало о нехватке книг²².

С октября 1927 года в связи с изменением административно-территориального деления на территории Новгородской губернии были организованы два округа, которые вошли в состав Ленинградской области. Внутри округа делились на районы: Старая Русса и Старорусский район вошли в состав Новгородского округа. Библиотека стала называться Центральной городской библиотекой.

В 1928 году было принято решение ОблОНО об обследовании районных библиотек области для накопления материала по разработке библиотечной сети, стандартизации библиотечной техники и улучшения работы. В резолюции по докладу заведующего Окружной центральной библиотеки (тов. Пучкова) и содокладу инспектора ОблОНО (тов. Иванова) о состоянии библиотечного дела в Новгородском округе отмечалось, что на Старорусский передвижной фонд не отпущено ни копейки, ничтожная сумма выделялась и на пополнение библиотеки литературой. В связи с этим принято решение: «Поставить вопрос перед Старорусским РИКом и Горсоветом о необходимости перевода Старорусской городской и районной библиотек из грязного и крайне недостаточного помещения в более соответствующее, где можно было бы правильно поставить работу с книгой и читателями и развернуть читальню, чтобы не пропадала выписанная на 300 руб. периодическая литература²³».

В ответ на принятие постановления ЦК ВКП(б) «Об улучшении библиотечной работы» Главполитпросветом в 1929–1930 годах было принято решение о проведении Всероссийского библиотечного похода. Цель его — исправление положения дел в библиотеках. В обращении «В поход за библиотеку» все общественные организации и читательский актив призывались общими усилиями сделать библиотеки действенными участниками социалистического соревнования, помочь продвижению книги в широкие читательские массы. Библиотеки Ленинградской области включились в библиотечный поход.

Анализ положения дел в библиотеках Новгородского округа накануне библиотечного похода показал, что в Старорусском районе на пополнение библиотек книгами отпускалось в год почти по 1 коп. на душу населения, т. е. одна десятикопеечная книга на 10 человек²⁴. В связи с этим отмечалось,

что «нынешнее состояние библиотечного дела в округе из-за отсутствия должного внимания со стороны партийных, советских и профсоюзных организаций совершенно не соответствует стоящим перед ним задачам²⁵».

Для улучшения положения дел в библиотеках Новгородского округа были созданы специальные инструкторские бригады и объявлен смотр библиотечной работы в городах, на фабриках и в деревнях. Основная его задача — создать единую библиотечную сеть в округе, очистить библиотеки от ненужных и вредных книг, организовать краткосрочные курсы для повышения квалификации библиотечных работников. Руководителем бригады по Новгородскому округу стал Блюменталь.

Старая Русса. Крестецкая улица (ныне К. Маркса).
Начало XX в. (НГМ. ОПИ. НВ 17794)

Проведенный библиотечный поход в определенной степени способствовал улучшению библиотечного дела в области и привлек внимание общественности к библиотекам. Так, уже в 1929 году для льготного пополнения Центральной городской библиотеки литературой госиздательства было выделено 600 рублей²⁶.

30-е годы — время, когда библиотеки обяза-

ны были еще теснее увязывать идеологическую и пропагандистскую работу с политическими и народнохозяйственными задачами, активнее содействовать формированию у трудящихся марксистского мировоззрения.

Старорусская центральная библиотека также не осталась в стороне. Она проводила агитационную работу в период выборов в Верховный Совет СССР, принятия новой Конституции, а также в связи с выходом в свет «Краткого курса истории ВКП(б)».

Таким образом, Старорусская центральная городская библиотека прошла за первые десятилетия своего существования нелегкий тернистый путь. Слабая материально-техническая база, отсутствие достаточных финансовых средств, недостаток литературы, быстрая изнашиваемость фондов, отсутствие квалифицированных кадров и грамотного руководства библиотеками со стороны Укома и Уполитпросвета сдерживали её развитие. Проведенный в 1929–1930 годы Главполитпросветом библиотечный поход в какой-то степени способствовал оживлению работы.

Великая Отечественная война разрушила город, погибла и библиотека. После войны её пришлось возрождать заново. Вновь открылась она в конце марта 1944 года. Заведующей её стала Вера Александровна Куприянова (1899–1995 гг.), проработавшая до 1958 года. Как вспоминает Елизавета Павловна Калганова, заведующая РОНО, в 1944 году вместе с учителями они выкопали из-под снега 1087 экземпляров книг (художественных и общественно-поли-

тических) со штампом Старорусской городской библиотеки. Некоторые из этих книг и сейчас хранятся в книжном фонде.

С 1949 года библиотека разместилась в Доме культуры на улице Урицкого в помещении площадью 35 м². С этого же года стал работать читальный зал. Штат библиотеки состоял из четырёх человек. Книжный фонд её в этот период составлял 12879 экземпляров книг. Выписывалось 13 наименований газет и 43 журналов. Число посещений — 2157²⁷.

Постановлением Совета Министров РСФСР № 550 от 30 августа 1972 года Старорусской центральной городской библиотеке было присвоено имя Ф.М. Достоевского.

Сегодня Центральная городская библиотека имени Ф.М. Достоевского является одним из крупнейших культурных, досуговых и информационных центров области. На 1 января 2001 года книжный фонд её составил 136,1 тыс. томов, число читателей — 6,8 тыс. человек, книговыдача — 142,6 тыс. экземпляров. В библиотеке работают 15 человек, из которых 86,7 % имеют высшее и среднее библиотечное образование.

В 1999 году Центральная городская библиотека выиграла грант Института «Открытое Общество» на создание общедоступного информационного центра по вопросам

местного самоуправления. В 2000 году с помощью своего земляка писателя Даниила Александровича Гранина библиотека пополнила книжные фонды, получив от Фонда содействия 234 экз. новой литературы по различным отраслям знания.

Сегодняшнюю библиотеку отличает творческий подход к проведению разнообразных мероприятий: книжно-иллюстративных выставок, обзоров литературы, литературных вечеров и вечеров-портретов, встреч с писателями и поэтами. Много лет библиотека поддерживает тесные контакты со старожилами, краеведами и музеями города.

В течение ряда лет, совместно с Российской национальной библиотекой, ведется исследовательская работа «Чтение в малых городах России», библиотека — постоянный участник областных и Всероссийских конференций. В июне 2001 года сотрудник библиотеки И. Н. Родионова приняла участие в VII Международной конференции «Крым-2001» «Библиотеки и ассоциации в меняющемся мире: новые технологии и новые формы сотрудничества». Центральная городская библиотека — методический центр для 32 библиотек района, которым она оказывает помощь в повышении квалификации, организации работы с читателями, в комплектовании и организации книжных фондов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Памятная книжка Новгородской губернии на 1906 год. Новгород. Губ. тип. 1906. С. 76; Там же на 1915 год. Новгород. Губ. тип. 1915. С. 101.

² Постановления Старорусского уездного земского собрания очередной сессии 1906 года с докладами управы и другими приложениями. Новгород. Губ. тип. 1907. С. 175.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Постановления Старорусского уездного земского собрания очередной сессии 1906 года с докладами управы и другими приложениями. Новгород. Губ. тип. 1907. С. 186, 188, 190, 192.

⁶ Там же на 1907 год. Новгород. Губ. тип. 1907. С. 124.

⁷ Памятная книжка Новгородской губернии на 1915 год. Новгород. Губ. тип. 1915. С. 101.

⁸ Ярошевич — Николаева А. Они прославили наш город // Старорусская правда.

1962. 13 мая. С. 4.

⁹ Памятная книжка Новгородской губернии на 1909 год. Новгород. Губ. тип. 1909. С. 179; Там же на 1916 год. Новгород. Губ. тип. 1916. С. 90.

¹⁰ Ярошевич — Николаева А. Они прославили наш город // Старорусская правда. 1962. 6 мая. С. 4; Там же. 8 мая (№ 86). С. 4.

¹¹ Библиотечное дело: руководство для устройства и содержания в порядке общественных, земских, школьных и частных библиотек. В 4-х частях. Сост. В.Н. Васильев. Ч. 4: Управление. СПб. М. Изд. т-ва М. Вольф. 1912. С. 3–5, 14.

¹² Постановление Старорусского уездного земского собрания очередной и экстренной сессии 1908 года с докладами управы и другими приложениями. Новгород. Губ. тип. 1909. С. 568.

¹³ Сборник постановлений земских собраний Новгородской губернии за 1908 год с приложениями докладов и отчетов

губернской управы. Т. 1. Новгород. Тип. М.О. Селивановой. 1908. С. 218.

¹⁴ Постановления Старорусского уездного земского собрания очередной сессии 1909 г. с докладами управы и другими приложениями. Новгород. Губ. тип. 1910. С. 13.

¹⁵ ГАНО. Р-265. Оп. 1. Д. 251. Л. 5.

¹⁶ Там же. Оп. 3. Д. 517. Л. 67 об.

¹⁷ Там же. Л. 63, 64.

¹⁸ Горский П. Чем нас кормят // Звезда. 1924. 25 янв. С. 3.

¹⁹ ГАНО. Ф. Р-265. Оп. 3. Д. 583. Л. 70.

²⁰ Там же. Л. 70, 71.

²¹ Там же. Оп. 2. Д. 159. Л. 171, 172 об.

²² Там же. Л. 165, 166, 167 об.

²³ Там же. Ф. Р-1115. Оп. 1. Д. 275. Л. 100, 101.

²⁴ Самое отсталое звено // Звезда. 1930. 13 июня. С. 3.

²⁵ ГАНО. Ф. Р-1115. Оп. 1. Д. 268. Л. 219.

²⁶ Там же. Д. 275. Л. 16.

²⁷ Воспоминания Е.П. Калгановой (рукопись).

Владимир ТЮРИН

«ВСЁ СОВДЕПЫ НЕ СДВИНУТ АРМИЙ, ЕСЛИ МАРШ НЕ ДАДУТ МУЗЫКАНТЫ»

Великая Отечественная война потребовала мобилизации всех сил и средств государства для победы над врагом. Коммунистическая партия бросила клич — «Всё для фронта! Всё для победы!» Сразу откликнулось на призыв партии и советское искусство. Все музы встали в строй, под боевые знамёна. Многие служители муз добровольно ушли на фронт. Иные сложили свои головы на полях войны. Из двухсот сорока кинооператоров искусство не досчиталось сорока. Более тысячи писателей заняли своё боевое место в решительной схватке с врагом. Четыреста семнадцать из них так и не вернулись домой. Война унесла жизни многих артистов, фотографов, музыкантов, художников. «Думаю, ни в одной национальной культуре война не рождала столь колоссального взлёта художественного творчества... Искусство напрямую участвовало в борьбе народа с врагом», — писал Д.Д. Шостакович. Не было ни одного уголка Волховского и Северо-Западного фронтов, защищавших Новгородскую землю, где музы не вдохновляли бы воинов, не помогали им ковать Победу.

Первая Кировская дивизия народного ополчения из Ленинграда получила боевое крещение уже в июле 1941 года в районе станции Батецкая. В её рядах были и служители муз: «взвод артистов» и «взвод писателей». Редкий случай, когда строевая часть взяла в свои ряды два таких необычных взвода, которые, как и их товарищи по оружию, сразу попали под фашистскую бомбёжку. Бомбёжки и обстрелы нередко сопровождали выступления артистов на Волховском и Северо-Западном фронтах. Война оправдала изречение поэта «Все совдепы не сдвинут армий, если марш не дадут музыканты». Под музыку песни Б. Александрова, созданной в первые часы войны, отправлялись с Белорусского вокзала на фронт воинские эшелоны. Песня сразу стала символом, как бы знаменем «священной войны» с «фашистской силой тёмною, с проклятою ордой». Классическая латинская формула «Когда говорят пушки, музы молчат» была начисто опровергнута Великой Отечественной войной. От первого мига войны до последнего победного салюта с каждым человеком всегда была и оставалась музыка, мелодия, песня. Она поднимала в атаку, помогала пережить горе, дарила надежду.

С первых дней войны для обслуживания фронта формировались ансамбли песни и пляски, джаз-оркестры, музыкальные взводы, артистические бригады и т. д. Поступали они под начало Политуправлений и Домов Красной Армии Волховского и Северо-Западного фронтов. У северо-западников особенно популярны были ансамбли и джаз-оркестры Б. Смирта,

Л. Овчинникова, М. Ковалёва, Н. Речменского, Н. Квитко, М. Смузикова, Б. Карамышева. На Волховском — К. Шульженко, В. Корали, Л. Утёсова... Концертная деятельность музыкантов приняла огромный размах.

«Марш не дадут музыканты...» На фронте каждая дивизия непременно хотела иметь песню или марш «своего» соединения. На просьбу начальника политотдела 163-й дивизии, воевавшей под Старой Руссой, сразу откликнулись командированные в соединение поэты С. Щипачёв и М. Матусовский. В походной типографии песню-марш этой дивизии напечатали. А руководитель оркестра, Н. Квитко, по горячему тексту написал музыку. Провожали поэтов из дивизии уже этим маршем:

Ты играй нам, труба боевая

Ты походную песню играй

Здравствуй тёмная ночь Валдая

Здравствуй, сказочный ильменский край...

Дружба поэтов и музыкантов на войне — обычное дело. В газете В.И. Морозова «Знамя Советов» 11-й армии, что дислоцировалась под Старой Руссой, появились стихи Аркадия Кулешова «Песня нашего соединения». «Песня...» враз стала маршем, который написал руководитель красноармейского ансамбля, композитор М. Смузиков: «...Как мы под Сольцами расправились с врагами / Как мы их громили тулей и штыком».

Из деятелей искусства у волховчан особой популярностью пользовалась Клавдия Ивановна Шульженко. Вместе с ленинградским джаз-ансамблем под управлением В. Коралли она дала в блокадном Ленинграде и на Волховском фронте аж 500 концертов! Бывало, за один день шли по три-четыре концерта в воинских частях. Солистка ансамбля, Шульженко, сразу стала любимицей бойцов. Ансамбль Шульженко-Коралли стали называть даже «боевым подразделением песни». «Мирные» песни Шульженко, став первыми военными, обрели новый смысл. Становились символом и залогом того, что мирное время вернётся.

В конце марта 1942-го артистка выступала у волховчан в частях 4-й армии. В апреле она давала концерты у артиллеристов и танкистов 54-й армии. Короткая передышка между боями. С импровизированной «сцены», танка «Т-34», бойцы услышали уже знакомую мелодию мирной жизни «Синенький скромный платочек» (слова Я. Галицкого). А через три дня Клавдия Ивановна пела уже новый, фронтовой «Синий платочек»:

Помню, как в памятный вечер

Падал платочек твой с плеч

Как провожала и обещала
Синий платочек сберечь...
За них, родных
Желанных, любимых таких
Строчит пулемётчик
За синий платочек
Что был на плечах дорогих.

Текст «волховского» «Синего платочка» написал политрук Михаил Александрович Максимов, служивший в 52-й армии Волховского фронта. Вскоре песня облетела Ленинградский, Волховский, Северо-Западный фронты, а потом по радио её узнала вся страна. Она стала знаковой, как и «Священная война», стала легендой. Один лётчик на своём самолёте написал: «За синий платочек».

«Выступали мы однажды, — вспоминает певица, — в освобождённом селе в переполненном сарае. После концерта преподносят мне... маленький букетик фиалок. — За этим букетиком, — сказали связисты, — наши девушки ходили с ручным пулеметом».

24 марта 1943-го, в день рождения Клавдии Ивановны, дали несколько концертов. Усталые расположились в землянке. Узнал генерал И.И. Федюнинский, пригласил в свою землянку. Накрыв стол. Военные тосты. Лилась беседа. Вдруг генерал спросил: «Что же это вы, друзья, одновременно обслуживаете нашу армию и фашистскую?» Оказалось, культработники воинских частей записывали концерты на плёнку. Очевидно, записи попали в виде трофеев к немцам. «Генерал, смеясь, рассказал, как однажды слушал по радио из оккупированных Пскова и Новгорода концерт, — говорила Шульженко, — нашего джаз-ансамбля».

Многие песни из «мирного» репертуара на фронте уже не «срабатывали». На ходу разучивались и исполнялись уже *фронт*овые песни — «Вечер на рейде» В. Соловьёва-Седого и А. Чуркина, «Опустилась ночь над Ленинградом» Б. Тимофеева, В. Крахта и А. Жерве, «Давай закурим» М. Табачникова и И. Френкеля, «Песня о Ленинграде» А. Лепина и П. Шубина, «Мы из Одессы моряки» Ю. Милютин и В. Гусева, «Морячка» Л. Бакалова и М. Исаковского. И всегда — легендарный «Синий платочек». На одном концерте лётчик попросил певицу петь не в военной форме, «чтобы было так, как до войны». И с тех пор она при любых обстоятельствах выступала только в «мирных» концертных платьях. Уже после войны (в 1975 году) бывший комэск, ставший генерал-лейтенантом авиации, В.Ф. Голубев, сказал Клавдии Ивановне: «Песни Шульженко, как снаряды и патроны, нужны были нам в бою». Воистину, «песня и стих — это бомба и знамя». Пушки гремели, но музы не молчали.

«Мы жили трудной, напряжённой жизнью, — вспоминал Вл. Коралли, — мёрзли, голодали... Нас разместили в деревне Мостовой, мы три дня находились под строгим наблюдением врачей. Кормили нас небольшими дозами... У многих музыкантов были признаны дистрофии... Не все члены нашей бригады <джаз-ансамбля> дожили до радостного дня Победы: двое погибли от истощения...»

...В разгар весны 1943 года, после прорыва блокады Ленинграда, на Волховский фронт прибыл известный в стране популярный джаз-оркестр под управлением Леонида Утёсова.

Сначала — концерты во «втором эшелоне», в посёлке Неболчи Любытинского района. Утёсова надо было встретить на станции Войбокало и на... передовую. Поезд с Утёсовым, прибыв в Неболчи на станцию, сразу подвергся бомбёжке. С Утёсовым приехала дочь Эдит с мужем-кинорежиссёром. Почти каждый день выезжали на передовую с концертами. Было разнообразие жанров. А шутки-прибаутки, «приколы» Утёсова общеизвестны. Были и остроты против врага. Вместе с Эдит Леонид Осипович пел сатирическую песню «Барон фон дер Пшик». Изображение Гитлера Утёсовым сопровождалось гомерическим хохотом. Над импровизированной «сценой» кружили самолёты, свистели пули.

«Мы пели о разном, — вспоминал знаменитый артист, — о фронте и тыле, о дружбе, призывали к борьбе с врагом». Приказ по 54-й армии Волховского фронта особо выделил «Богатырскую симфонию» из репертуара джаз-оркестра. Воины-волховчане в письме к Утёсову признавались: «Дорогой Леонид Осипович, «Богатырская симфония» ещё и ещё раз напомнила нам, что мы русские солдаты и хранители традиций великого древнего воинства». Утёсов вспоминал, что во фронтовой типографии на «наш концерт выпускался даже пригласительный билет — как в мирной время».

Как юморист и острый сатирик большой популярностью на Волховском фронте пользовался, конечно, Аркадий Райкин. Вступив на службу Мельпомене двадцатичетырёхлетним артистом, он сразу показал себя неподражаемым мастером театральных перевоплощений. Созданные им комедийные, сатирические и лирические «маски» не утратили своей эстетической ценности и по сию пору. Став в 1939 году художественным руководителем Ленинградского театра миниатюр, он сразу, с начала войны, перевёл свой театр на военные рельсы. И его поезд-театр двинулся на фронт — Ленинградский и Волховский. Мастер мгновенных перевоплощений, Райкин моментально использовал и сведения Совинформбюро, и факты местной фронтовой жизни в программах «Кроме шуток», «Не проходите мимо». Самой большой популярностью пользовались его сатирические маски фашистских главрей — Гитлера, Геббельса, Геринга, Фон Лесба, различных немецких генералов. Скetchи, сценки, репризы, шутки, остроты просто фонтанировали в походном театре Райкина. Небольшой по составу театр был неприхотлив. И давал концерты в самых неприятельских условиях — в блиндажах, на полянке, на танке, на дощатом помосте.

Сюда же, к волховчанам, в начале января 43-го, в жуткие морозы, прибыла из Ленинграда концертная бригада. И в ней — знаменитый мастер художественного слова, прирождённый эстрадник Владимир Яхонтов. Он зачаровывал аудиторию чтением стихов Маяковского, а также, что удивительно, публицистических работ В.И. Ленина. В 1925 году в Ленинграде он исполнил композицию «Владимир Ильич Ленин». Композиции из «Ленина» он исполнял и на фронте. На фронте он выступал без театрального костюма и грима, как в жизни. Делая в яркой патриотической композиции «Образ Кутузова», по роману «Война и мир», переключку с современностью, Яхонтов как бы углублял и закреплял патриотическое сознание воинов-волховчан.

В первые дни войны был создан Ленинградский фронто-

вой театр миниатюр. За всё военное время им дано 3225 выступлений. Руководил театром А.Д. Бениаминов, в последствии блистательный комедийный артист театра комедии на Литейном. Артисты обслуживали фронт в период подготовки прорыва блокады, Ладогу, Псковское направление, Новгород и т. д. Артисты А. Маслюков, В. Чемберг, Н. Виниченко, М. Лопата воспринимали свою работу не только как высокое служение искусству, но прежде всего как патриотическую службу Родине. Зрители уже готовятся к броску на прорыв блокады. «Сцена» — вся поляна. Лютый мороз. Но артист всегда должен быть на высоте. И Соня Лакони и Миша Степаненков выступают... в своих эстрадных костюмах. Она — в трусиках и бюстгальтере. Он — в трико. Зрители смотрели акробатический этюд с раскрытыми от удивления ртами. Потом исполнителей дружно растирали и отпаивали. Воистину — искусство требует жертв.

На Волховский фронт, как и на другие, выезжали и смешанные бригады. Была здесь бригада, в которой работали артисты московского театра оперетты (Хмельницкий, Бурдин, Моргунов...), музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко (Щедрова, Виноградская, Поляков, Динер...), театра драмы (Матисова, Каткин, Догмарова). В ней (бригаде) был и ставший потом популярным и известным композитор Я. Френкель. Состав периодически менялся, репертуар — тоже. Но его всегда делали боевым по духу. Звучали песни советских композиторов, русские народные песни, отрывки из оперетт и спектаклей. Был случай — зрители только из окопов — встретили артистов громовым «Ура!» Потом — пошёл бой. Заканчивали концерт уже в госпитале, где были раненные — зрители того концерта.

Дважды в 1942 году на Волховском фронте побывала бригада артистов Всесоюзного гастрольно-концертного объединения. Бригада дала более ста концертов.

В феврале сорок второго, после неудачного наступления, на Волховском фронте выступала бригада артистов государственного театра эстрады (г. Москва). А на Северо-Западном фронте в сорок втором две недели работала концертная бригада из Молотова (г. Пермь). Дала 48 выступлений. Иногда — по три-четыре раза в день и даже на передовой. Артисты обещали трудящимся Молотова «по ударному работать на фронте».

Не отставал от других эстрадников и цирк. Его артисты также участвовали в боях. Газета «За Родину» 15 февраля 1943 года опубликовала снимок за подписью: «артисты фронтового филиала Московского ордена Ленина государственного цирка». На эстраде использовались «местные» темы, а клоунада разоблачала фашистов.

Но самым мобильным, оперативным и гибким жанром искусства на фронте была, конечно, эстрада. На Северо-Западном фронте в 1942 году, помимо других, была популярна эстрада Ленинградского театра музыкальной комедии (оперетты). Газета «За Родину» опубликовала снимок — артисты Л. Духов, Д. Гаев и В. Коржов в солдатских гимнастёрках с погонами. На гимнастёрке Кордова — медаль.

Танцоров, Л. Духова и В. Коржова, за их неизменный дуэт бойцы называли «Братья Коржовы». Всё, сколько-нибудь имеющее размер 2х2 м, было их сценой — армейский клуб, шер-

батый пол крестьянской избы, грузовик, пятачок госпитальной палаты, лужок, лесная поляна и т. д. К передовой они неизменно таскали на своих плечах через болота и кустарники два больших листа шифера, в удобном месте складывали их. Образовывалась площадка, на которой плясали они в тонких шёлковых рубашечках, часто — на ледяном ветру, пронизывающем до костей. Л. Духов — цыган, В. Коржов — русский. До войны в Ленинграде они закончили хореографическую школу и стали дуэтом выступать на эстраде. Газета северо-западников «За Родину» от 9 октября 1941 года специально подчеркнула «успех танцоров Коржова и Духова из джаз-оркестра Бориса Смита».

Ведущим лейтмотивом искусства на войне был патриотический пафос. Всё искусство «работало» на Победу и на веру в эту Победу. Композитор Мариан Коваль написал глубоко патриотическую оптимистическую поэму «Ильмень-озеро — богатырь». А дирижёры В. Кнушевицкий и Н. Назаров в концертах исполняли не только малые жанровые формы, но и крупные, вплоть до ораторий и симфоний.

В Валдае — «втором эшелоне» — при Политуправлении Северо-Западного фронта художественным руководителем «образцового» оркестра был Б. Карамышев. «Образцовый» — это уже нечто вроде медали музыкантам. Там же, на СЗФ, красноармейским джаз-оркестром руководил профессиональный музыкант Николай Квитко. Оригинальны и разнообразны по жанрам были его концерты. Была придумана «маска» деда-партизана Нефёда (красноармеец Абаков). И этот весёлый «дед Нефёд» на языке рёшника обычно и вёл концерты. В программу были умело вмонтированы и нежная задушевная песня «Бьётся в тесной печурке огонь», и новые марши советских композиторов, и сатирическая песня и др. Талантливо исполняли песни солисты — красноармейцы Гончарук, Михеев, Чернат. «И за три последних месяца, — писала газета «За Родину» от 19 октября 1943 года, — артисты Н. Квитко дали 119 концертов».

Но Волховском фронте выступал и Ленинградский малый оперный театр (ныне имени М. Мусоргского). Театр солировал не только ариями из опер русских композиторов, но исполнял и репертуар из народных песен. Военские начальники берегли артистов как людей «второго эшелона». Но подчас «второй эшелон» становился первым, передовой позицией.

На Северо-Западном фронте сражались воины разных национальностей — узбеки, таджики, якуты, латыши, казахи... 8-я гвардейская Панфиловская дивизия вела жестокие бои в районе Ново-Свиногово — Соколово, что под Старой Руссой, с частями 16-й армии генерала фон Буша. Служили с панфиловцами и Рамазан Елебаев, и многие казахи, т. к. дивизия формировалась в Казахстане. Рамазан в свободные минуты исполнял на гармонике русские мелодии, казахские — на домре. Подготовил он восемь вокальных номеров, в сопровождении домры, и три — танцевальных. Их исполняли связист Евгений Мипаков и боец Сергей Александров из конной разведки полка. Для хора была предложена песня «Жолдостар» («Товарищи»). Оказалось, её автор — сам Рамазан Елебаев. В первом успешно прошедшем концерте сам Елебаев танцевал «Кабардинку», на «бис!»

После смерти друга, автоматчика Тулегена Тохтарова, композитор Елебаев написал песни, посвящённые Герою Советского Союза Тохтарову — «Свежая могила» и «Жас казах» («Молодой казах»). Песня «Молодой казах» вмиг стала популярной. Исполнялась она на казахском и русском языках. Затем Рамазан сочинил песни «О двадцати восьми», «Марш 23-го полка», «Марш Талгарского полка» — все о подразделениях Панфиловской дивизии. Песни и марши Елебаева разучивались ротными и батальонными запевалами. За подвиг в боях под Старой Руссой композитор был награждён орденом Красного Знамени. Там же, под Старой Руссой, в апреле 1944 года Рамазан Елебаев пал смертью храбрых.

Газеты воюющих соединений никогда не упускали случая рассказать о своих оркестрах. Политрук Б. Любимов в газете «За Родину» (12 мая 1942 г.) свою статью о джаз-оркестре Б. Смита назвал очень точно — «Песня на вооружении». Вот оно — «Песня и стих — это бомба и знамя». Оркестр Бориса Смита побывал во всех уголках фронта. Был желанным гостем всюду. На его вооружении — и песня, и музыка, и стих.

«Их песня, — писал Любимов, — зовёт на бой, веселит и бодрит на отдыхе. Оркестр создан в первые дни войны. Он — любимец нашего фронта <Северо-Западного>. Ежемесячно даёт 30–40 концертов. Бойцы-музыканты выступают в блиндажах стрелковых частей, в палатах госпиталей, на аэродромах, у танкистов, артиллеристов, связистов и сапёров. Большим успехом пользуются солисты: певцы Гаев и Бабенко. Особенно удачным является исполнение музыкального шаржа «Гансы поют романсы». Популярны песни «Махорочка», «Тульская винтовка», «Шагаем с песней на просторе» и др. Особым успехом пользовались концерты Новак и Казаринов».

Из газеты «За Родину» за 1942 год мы узнаём и об Ансамбле песни и пляски под управлением Л. Овчинникова. Ансамбль на Северо-Западном фронте уже с первых дней войны. За первую половину сентября сорок второго артисты дали 400 концертов. Выступали в соединениях в Валдае, Крестцах, под Старой Руссой и Демянском. В ансамбле были только мужчины; они состояли на военном довольствии, их обряжали в военную форму — гимнастёрка, фуражка, хромовые сапоги. Танцуй, брат-артист, радуй глаз и душу красноармейца. Ансамбль всегда встречался на «Ура». И сам Овчинников и за службу фронту, и за службу искусству был награждён солдатской медалью «За боевые заслуги». Фронтовые поэты писали для ансамбля песни и марши на местном материале. В репертуаре ансамбля было более 60 речевых, танцевальных и музыкальных номеров. Взрывной силой обладала в исполнении ансамбля «Партизанская песня» на слова поэта С. Болодина:

*На развалинах, на пожарищах
Средь разграбленных мёртвых хат
Други верные и товарищи
Собирали мы свой отряд.*

Исполнялись также «Песня о друзьях», «Баллада о капитане Гастелло», «Самовары-самопалы» и др. В ансамбле Овчинникова тоже особой популярностью пользовалось исполнение музыкального шаржа «Гансы поют романсы».

Под Старой Руссой героически сражалась и 43-я Латыш-

ская гвардейская дивизия. На своём «вооружении» она имела практически целый взвод писателей, хотя служили они в разных подразделениях. П. Смилга из воинов соединения создал ансамбль, в котором танцевальные номера исполнялись в национальных латышских традициях. Хоровые номера бойцы слушали на своём родном языке. Коллектив имел своих поэтов и композиторов. Небольшой оркестр, талантливые певцы, рассказчики, плясуны в короткие часы отдыха развлекали бойцов и командиров. Большой успех имела «Песня латышских стрелков» — о фронтовых событиях дивизии. Слова к ней написал профессиональный поэт Фридис Рокполнис, а музыку — Ян Озолинь. Оба они служили в этой дивизии.

...Был март 1942 года. 11-я армия В.И. Морозова вела кровопролитные бои против 16-й немецкой армии генерала фон Буша в районе Старая Русса — Демянск. Фашистов взяли в «котёл», из которого они, увы, пробившись через Рамушевский коридор. В армию Морозова приехали композиторы Мариан Коваль, Николай Речманский и Ваню Мурадели. Сразу, по приезде, они посетили отличившиеся в боях соединения. Своими глазами увидели пепелища разорённых сёл Гюнци, Редцы, Рамушево, Мануйлово. Мурадели попросил подполковника-гвардейца Карачаевцева: «Сведите меня на передовые позиции». Были, конечно, отговоры. Но... пошли на наблюдательный пункт... под свист пуль. Мурадели говорил: «Чтобы писать о войне, надо видеть войну».

Вдохновлённые, композиторы на следующий день уехали из 11-й армии. Вскоре, после возвращения с Северо-Западного фронта, Мурадели возглавил Центральный ансамбль песни и пляски Военно-морского флота СССР. В годы войны он написал песни «Боевая комсомольская», «Жди меня», «Песня о друзьях», «Песня о догнанных».

В числе других творческих коллективов на фронт выехала из блокадного Ленинграда и труппа актёров Малого драматического театра. Выступала труппа в Парохине, Окуловке и в Валдае, где дислоцировались штаб и Политуправление Северо-Западного фронта. Давались гастроли в Боровичах — городе госпиталей и тыла, производящего оружие для фронта. Приглашали к себе артистов и новгородские партизаны, присылая за ними грузовую машину. Концерты шли прямо в лесу, на поляне.

В труппе была и актриса Анаида Арсеньевна Мирзоева, которая с 1944 года навсегда стала служить Мельпомене в Новгородском областном театре (ныне имени Ф.М. Достоевского), который тогда находился в нашем Кремле, в здании теперешней филармонии. Анаида Арсеньевна всегда вспоминала добрым словом Ф. Грязнова, К. Тягунова, Е. Любина. Среди них М. Модестов, В. Рубцов, Н. Непокойчицкий (ему было присвоено звание Народного артиста РСФСР), ставших затем любимыми артистами новгородцев.

«В прифронтовых Боровичах, — вспоминает А. Мирзоева, — ежевечерне зал дома культуры до отказа был набит бойцами и командирами. Давали патриотические спектакли «Фронт» А. Корнейчука, «Русские люди» К. Симонова. Большую нравственную зарядку получали и воины, и сами артисты. А спектакли «Без вины виноватые» А. Островского, «Стакан воды» Э. Скриба, «Машенька» А. Арбузова затем с успехом шли на сцене Новгородского театра, основой

которого и послужила труппа фронтового Ленинградского малого драматического театра».

В сорок первом юный артист москвич Алёша Лярский, исполнитель роли Алёши Пешкова в кинофильмах «Детство» и «В людях», стал солдатом. Служил наводчиком в 365-м батальоне на Северо-Западном фронте. 8 февраля 1943 года в районе «Демянского котла» солдат Алексей Лярский погиб. Похоронен был артист в деревне Кипино Демянского района.

В эти же «сороковые-роковые, свинцовые, пороховые» давали спектакли артисты ленинградского Государственного академического театра им. А.С. Пушкина. В состав фронтовой бригады вошли засл. арт. РСФСР В. Воронов, нар. арт. РСФСР К. Скоробогатов, засл. арт. РСФСР Е. Карякина, артисты К. Калнис, А. Нефёдов, К. Николаева-Воронова, В. Артюхин и др. На лужайке близ Валдая, среди сосен, — стол да скамья. Вот и вся декорация. Скоробогатов перевоплощался в Суворова. Затаив дыхание, бойцы слушали слова великого полководца. Для них Суворов — символ непобедимости русского духа, символ военного величия России. Пьеса «Фельдмаршал Суворов» Л. Раковского украшала репертуар фронтового театра и пользовалась неизменным успехом. Театр разнообразил репертуар по жанрам. И под открытым небом раздавались лирические песни артиста К. Калниса. А. Нефёдов мгновенно превращался в рассказчика задорных фельетонов о том, «как нещадно бьёт врагов сибиряк Тарас Клинов». В руках сменявшего его В. Артюхина грустил баян о русской берёзе, о степи, славил родные просторы.

...Была суровая зима сорок третьего — сорок четвёртого. Отстучав колёсами своё, поезд Москва—Малая Вишера, наконец, вздохнув, замер. Из поезда высыпали артисты МХАТа — концертная бригада: засл. арт. РСФСР Е. Елина, В. Вербицкий, И. Кудрявцев, Я. Лакшин, В. Истрин, А. Строкина, А. Серов, Н. Михайловская. Одним словом, мхатовцы. Репертуар — на всяк вкус. Тут тебе и водевили А. Чехова «Предложение», «Длинный язык» — всё беспроборно, бойцы смеялись всласть. Здесь рассказы и повести А.С. Пушкина, М. Горького, военные рассказы юмориста Л. Ленча, стихи К. Симонова «Жди меня» — популярнейшие в войну. Ещё арии, романсы, народные песни.

Артистам выдали ещё в Москве овчинные полушубки, валенки и солдатские пайки. Ночь прошла в заброшенном сарае. Утром на трёх санях привезли артистов в небольшую деревеньку. Облечившись в концертные платья и смокинги, снова на розвальнях они приехали к бойцам. Бойцов набито — не продохнуть. Начали с водевиля «Предложение». Блестяще играли Елина, Вербицкий, Истрин. Звуки гитары аккомпанировали А. Строкиной и её арии Лизы из «Пиковой дамы». Всё шло под бурные аплодисменты. Вдруг тревожное — «Воздух!» Из землянки кто куда: в сугроб, в канаву... Отбой! И концерт продолжался.

А один концерт давали для личного состава бронепоезда «Смерть фашистам», что стоял в районе Малой Вишеры. Звучали там романсы и народные песни. Звучала и гитара Кузнецова, исполнявшего песни русских и советских композиторов. В вагоне бронепоезда накрыли стол, для мужчин было даже по сто грамм — фронтовая норма! Выйдя из вагона, слышали грозное — «Воздух!» Бойцы на платформах открыли огонь по фашистским самолётам. Один залп был дан

«в честь советского искусства». Н. Михайловская потом вспоминала: «Мы старались быть красивыми, — говорила она, — нарядными и весёлыми и чувствовали, что это было необходимо воинам в обстановке той суровой военной зимы... Наше искусство пробуждало в бойцах воспоминания о счастливой мирной жизни, о её красоте, любви, обо всём том, за что они сражались...»

Пожалуй, никогда советское искусство не было так тесно связано с действительностью, как во время Великой Отечественной войны. Дистанция между искусством и фронтовой жизнью иногда исчислялась буквально сантиметрами. Конкретные герои фронта тут же становились героями произведений поэтов, речевиков, музыкантов. Артисты нередко посвящали свои выступления «живым» героям. Об этом писали газеты. Особенно часто «За Родину». Вот сообщение от 13 ноября сорок первого, в заметке «Артисты на фронте». Пять дней в частях н-ского соединения выступали артисты ленинградских и московских театров. «Артисты посвящали свои выступления героям боёв — бойцу Сидорову, лейтенанту Герасимову, санинструктору Андрюшенко».

Включился в обслуживание фронта и Ленинградский академический театр оперы и балета им. С.М. Кирова. Но он явил северо-западникам не оперы и балеты, а малые музыкальные жанры — их можно было легче и быстрее подготовить; они не требовали громоздких декораций; они находили более короткий путь для восприятия слушателями. Вот артисты выступают перед артиллеристами командира Губина. На земле — брезент: сценическая площадка уже готова. Увы, слышен гул орудий. Смычковый квартет давал «Музыкальный момент» Шуберта. Аплодисменты! Артист Холмский исполнял русские и украинские песни. Затем бойцы слушали песню композитора Д. Покраса «Не скосить нас саблём острой» и народную песню «Меж крутых бережков». А артист Пронский прочитал фельетон о фашистах.

Редко, но случалось, что командиры воинских соединений сами писали о «своих» артистах. «Слово о Мишине», «своём» артисте, написал командующий 22-й армией генерал Г. Коротков. Все события имели место в районе Старая Русса — Демянск. Фёдор Мишин попал в запасной полк, в батальон выздоравливающих. Военфельдшер, он тут же организовывает концертную бригаду, потом — драматический театр. Сам стал и режиссёром, и исполнителем главных ролей. Слава красноармейского театра вышла за пределы 22-й армии. Ставили пьесы современных авторов и классиков — «Земля» Н. Вирты, «Платон Кречет» А. Корнейчука, «Домик в Черкизове» А. Арбузова, «Русские люди» К. Симонова, «Бесприданница» и «Без вины виноватые» А. Островского, «Женитьба» Гоголя. Днём военфельдшер — в перевязочной, вечером и ночью — в театре. С концертной бригадой выезжал под Лычково. Концерты — в землянках, блиндажах, окопах. Были пули, разрывы снарядов. Медик, Мишин выносил раненых с поля боя, перевязывал, транспортировал. В медали Мишина «За боевые заслуги» — его заслуги и как военфельдшера, и как артиста. После войны Фёдор Васильевич Мишин вернулся в Московский академический малый театр.

Искусство выражало надежды, чувства и мысли всего многонационального народа, его веру в победу, сплочённость, готовность к подвигу.

Сергей ВИТУШКИН

«ВОЙНА НАС ГНУЛА И КОСИЛА»

(Об одной малоисследованной операции по освобождению Новгорода)

В феврале – марте 1943 года, на исходе второго года войны, войска 52-й армии Волховского фронта провели операцию по освобождению Новгорода. В операции участвовали 65-я КСД, 225-я СД и 229-я СД 52-й армии Волховского фронта*.

Согласно материалам и данным Центрального архива Министерства обороны РФ (ЦАМО)¹, предлагалось проведение операции по трем вариантам. Первый был отменен из-за невозможности осуществить подготовку в указанные сроки и из-за того, что явно был разгадан противником, два других же — осуществлены. Удары с флангов, через озеро Ильмень и восточнее города, которые предусматривались первым вариантом, позднее были использованы при освобождении Новгорода в 1944 году. Предусматривалось также взаимодействие с войсками Северо-Западного фронта.

Второй вариант предусматривал нанесение главного удара на участке Пахотная Горка – Слутка–1, –2, с форсированием Волхова и выходом на рубеж Чечулино – Моторово, далее на Новгород вдоль шоссе. Вспомогательный удар наносился с рубежа Радионово – Волоотово. Замысел был разгадан противником.

На противоположный берег переправились на главном направлении лишь отдельные мелкие группы, часть из которых была уничтожена, а немногие отведены назад. На вспомогательном направлении успеха тоже не было. Но о причинах неудачи будет сказано несколько позже.

Наконец, по третьему варианту войска армии должны были внезапно овладеть междуречьем Волхова и Малого Волховца и восточной частью города. По времени операция следовала сразу за второй и измотанным предыдущими боями войскам была просто непосильна. Как сказано в аналитической справке штаба Волховского фронта по результатам операции: «...при дальнейшем рассмотрении их (операций) особенно ярко отражается неспособность руководст-

ва 52-й армии к такой операции и неготовность войск к форсированию водных преград»².

Продвижения не имели. Поддержки и связи с восточным берегом не было. В дальнейшем отдельные группы оставались на западном берегу до 19 марта без боеприпасов и продовольствия на морозе 20 градусов. Убито до 55 человек. 125 переправились обратно, имея обморожения конечностей и лица. На западный берег смогли переправиться мелкие группы, в общей сложности около 180 человек.

Во-первых, командование рассчитывало форсировать реки по льду, но лед быстро начал таять и к 5–8 марта уже растаял, что явилось для командования армии полной неожиданностью.

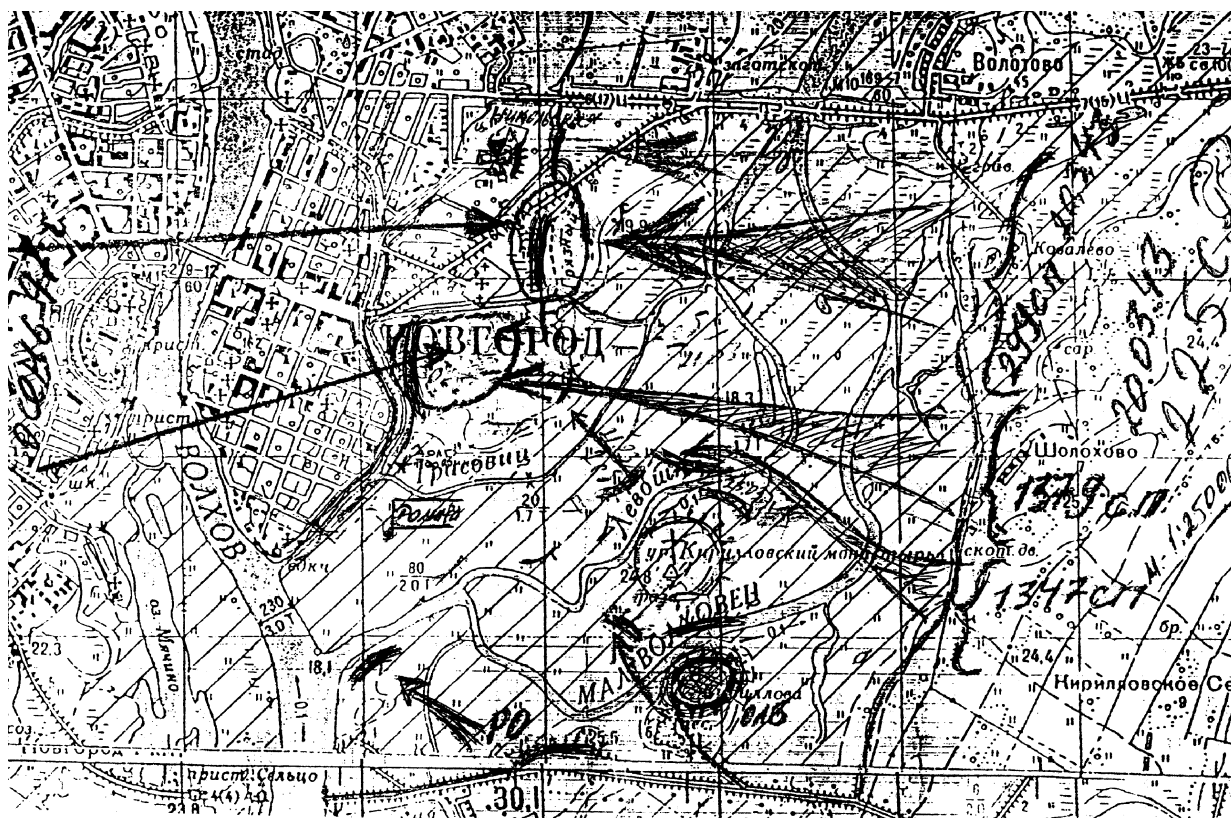
Во-вторых, противник был явно насторожен. Поэтому без промедления во всех случаях открывал массированный огонь. Так, севернее Пахотной Горки 15-го марта переправилось 40 человек из 60-го СП, но при выходе на берег группа была большей частью уничтожена противником, и лишь 15 человек раненых через двое суток были доставлены на восточный берег. Красноармеец Устинов (74 ОСБ), вспоминал: «Из восьми человек, поднявшихся в атаку, осталось только два. Остальные были или ранены, или убиты. Мы двое, отстреливаясь, стали собирать раненых и подносить к месту стоянки лодок. Всего собрали 15 человек и перевезли с подоспевшей помощью на восточный берег»³. Так же обстояло дело в 311-м и 38-м СП 65-й СД. Уже в 9.00–10.00 командиры полков доносили, что переправочных средств у них нет.

В 65-й КСД пехота переправу к 6.30 не начала. Слабая артподготовка и отсутствие твердого руководства в вопросе управления боем привело к провалу наступления. Лодки к 12.00 были уничтожены артиллерийским огнем противника. В дальнейшем, в течение 15 и 16 марта, пехота по-прежнему оставалась на переднем крае в районе Пахотная Горка – Слутка–2, несла потери от огня противника, но форсирования не проводила. Только в ночь на 17 марта дивизия отвела часть своих подразделений в тыл.

В 65-й КСД потери за два дня составили: убитыми — 346 человек, ранеными — 702 и один боец пропал без вести.

По сравнению с другими соединениями, 310-я СД

* КСД — краснознаменная стрелковая дивизия. СП — стрелковый полк. ОСБ — отдельный стрелковый батальон. УР — укрепрайон. СР — стрелковая рота. ТБ — танковая бригада. СМЕРШ — отдел контрразведки, «Смерть шпионам».

Карта-схема обстановки 225-й СД в марте 1943 года под Новгородом

имела солидную артподготовку: целых 80 минут! В 7.20 перешла в наступление. Прошла по льду Малого Волховца, но на западном берегу была встречена сильным огнем противника из всех видов оружия. Пехота понесла большие потери и залегла перед проволочными заграждениями противника. Дальнейшего успеха достичь не удалось. Командир 3-го СБ 1-го СП указывал: «...пошли в наступление с целью овладения стыком дорог Новгород — Хутинь. С выходом на рубеж атаки на западном берегу р. Малый Волховец задержались на нем ввиду того, что остальные подразделения полка были задержаны сильным огнем противника... Путь для атаки лежал по льду оз. Неглицкое. С выходом атакующих подразделений на лед противник открыл ураганный огонь. Совершенно открытая местность и отсутствие пехотного огня привели к увеличению потерь в личном составе и вооружении ... начали окапываться в снегу»⁴.

К 15.00 штаб армии располагал всей этой информацией. Знал и командарм В.Ф. Яковлев, что 65-я КСД, потеряв свои средства переправы, форсировать Волхов не может, что 229-я СД понесла тяжелые потери, а 310-я СД залегла перед проволочными заграждениями под губительным огнем противника. Тем не менее командование армии решает продолжать форсирование рек силами 229-й СД, а 310-ю и 65-ю СД оставить в прежнем положении. Фронт форсирования сократился с 7,5 км до 3,5. Противник сосредоточил огонь и переправиться основным силам не дал. Де-

морализованные неудачами, бойцы не смогли подняться под огнем и переправиться. На западный берег за день боя высадились 48 человек из 783-го полка и 142 бойца из 811-го полка. Командующий армией повторил свой приказ и назначил новое форсирование на 7.00 16 марта. Было уже светло. Слабая артподготовка никого не подавила. 310-я СД успеха не имела. Повторная атака в 8.25 тоже ничего не дала. Потери дивизии за 15–19 марта составили: убитыми 259 человек, ранеными — 529.

К утру 16 марта в штабе армии были получены сведения, что 229-я СД переправила на другой берег шесть батальонов (!) во главе с командованием полка. На самом деле эти сведения не соответствовали истине. Более того, командир полка майор Маляренко был пьян и спал у себя в блиндаже (!). Не подтвердились также сведения, что 310-я СД перехватила дорогу в километре к северо-западу от озера Кругленькое и ведет бой в траншеях на высоте 31,2. Ошибочные данные привели к тому, что командование армии приняло решение возобновить форсирование силами 229-й СД и для развития успеха на ее участке вывести 225-ю СД.

Прибыв в 19.30 на наблюдательный пункт 229-й СД, генерал-лейтенант В.Ф. Яковлев и член Военного совета армии генерал-майор А.Ф. Бобров ознакомились с обстановкой и приказали командиру дивизии, генерал-майору В.Н. Марцинкевичу, к 1.00 17 марта овладеть частью рощи в двух километрах северо-за-

паднее Кречевиц. Вслед за 229-й СД на ее участке будет форсировать Волхов 225-я СД и здесь же необходимо навести понтонный мост. Фронт форсирования составит 1,2 км. У противника на этом участке было сосредоточено большое количество огневых точек. Егорков назвал это решение нелепым, губящим 229-ю СД и подводящим под огонь 225-ю СД: «Никакого успеха в этих условиях ожидать было нельзя». К счастью, решение было отменено распоряжением командования фронтом⁵.

229-я дивизия имела славный боевой путь. Сформированная в июне 1941 года в Москве, она в составе 20-й армии защищала столицу. Боевое крещение приняла под Вязмой. Второе формирование имела в г. Ишим Тюменской области. Сибиряки, люди физически и духовно крепкие, участвовали в боях под Сталинградом, в Суворовино. Окружение. Гибель командира дивизии П.Ф. Сажина. Вышло только около тысячи бойцов. В третье формирование (под Москвой в районе легендарного разезда Дубосеково Волоколамского района) вошли лишь 300 человек «старичков». Штаб размещался в д. Лысцево Волоколамского района. Командиром дивизии являлся генерал-майор В.Н. Марцинкевич, а комиссаром — Захаржевский. 783-м полком командовал майор А.К. Маляренко. Комиссаром был ст. батальонный комиссар Койфман, начальником штаба полка — капитан Рожков, заместителем командира полка — капитан Тарасов. На Волховский фронт она попала в 1942 году, 16 января.

В январе эшелоны двинулись на Волховский фронт. Разместилась 229-я СД в районе Хутын — Слутки — Кречевицы вдоль Волхова и Малого Волховца⁶. Первым стрелковым батальоном командовали ст. лейтенант Н.С. Зинин, ст. политрук Кузьмин, начальник штаба ст. лейтенант Немиров, заместитель командира батальона ст. лейтенант Прохоров. Командирами рот были — Г.И. Марченко, ст. лейтенант Индюков, лейтенант Яцкевич, лейтенант Г. Кравцов, ст. лейтенант Д.И. Токарев, командир батареи 45-мм пушек — лейтенант Кашин и командир санитарного взвода — лейтенант медслужбы Диденко.

Вторым стрелковым батальоном командовали ст. лейтенант Лазарев. Командир 4-й роты лейтенант Юрченко. Командир 3-й роты — лейтенант Яцкевич. Индюков и Юрченко были награждены орденами Красной Звезды. Первый за бои на оз. Хасан, второй — за бои на реке Жиздра.

Командиром третьего стрелкового батальона был ст. лейтенант Шаповалов. Полковой батареей 76-мм пушек командовал сравнительно пожилой, по меркам войны (лет 45–48), ст. лейтенант Никонов.

Бойцы дивизии влились в нее в Волоколамском районе.

И вот теперь третий состав дивизии перемалывался в боях под Новгородом.

Началась третья операция. Опираясь на ложные сообщения о мнимом успехе 310-й, командование фронта приказало для развития его овладеть междуречьем Волхова и Малого Волховца и восточной частью Новгорода. При этом «229-я СД наносила удар с рубежа Новониколаевская, устье р. Вишера и должна была овладеть Зарелье, Хутын, оз. Водопьяново. 310-я СД наносит главный удар на Пулковскую слободу и овладевает восточной частью города. 225-я СД, форсировав Малый Волховец, с рубежа церковь (1 км южн. Волотово), Шолохово, Ожигово, безымянная высота южнее Кирилловский монастырь, устье р. Малый Волховец, Волхов, должна была овладеть южной половиной восточной части города с захватом моста во взаимодействии с 310-й СД.

150-й УР обороняет свои рубежи, содействуя наступающим огнем.

65-я КСД находится во втором эшелоне в районе Губарево»⁷.

Однако опять планы и реальность разошлись. Не были подвезены полностью боеприпасы. Части 229-й СД после потерь еще не были приведены в порядок. Время наступления дивизиям не сообщили. 19 марта в 19.00 в дивизиях провели рекогносцировку. В 20.00 получили приказ о наступлении. Они должны были занять исходное положение к 4.30, а затем начать наступление. В результате роты 225-й СД догнали своих командиров, а сами командиры искали в темноте подразделения, следующие на исходные позиции. 229-я СД так и не провела рекогносцировку. Задачи подразделениям ставились на ходу. 804-й и 811-й полки заняли исходное положение только к 6.00, а не к 4.30. 783-й СП вообще «заблудился». Связь с ним 20 марта (!) отсутствовала. Штаб дивизии не мог установить связь со штабом полка, а штаб полка — со своими подразделениями. Только в ночь на 21 марта командир 811-го СП майор Кабаков нашел 783-й СП во главе со спящим майором Маляренко на льду реки Малый Волховец⁸. 225-я СД начала наступление тоже только в 6.00. 310-я СД осталась на прежнем рубеже, в наступление не пошла, так как ее подразделения были сильно измотаны предыдущими боями и малочисленны. (В семи батальонах — по 20–30 человек.) При этом фронт ее наступления составлял четыре километра (!)⁹.

310-я дивизия не смогла перейти в атаку, в силу своей малочисленности и усталости от лежания в снегу под непрерывным огнем противника в течение шести дней. Полковник Егорков констатировал: «В этот момент в частях дивизии были болезни, [у людей] опухали ноги, [распространены были] желудочно-кишечные заболевания, обмороживания. А если бы даже они перешли в атаку, то все были бы перебиты и фронт 4 км был бы открытым для противника»¹⁰.

Несмотря на это, командующий 52-й армией В.Ф. Яковлев требовал от командира дивизии, полков-

ника Н.В. Рогова, решительных действий и даже пригрозил, что если высота 32,2 не будет взята, то через два часа он (Рогов) будет снят с должности. Н.В. Рогов, в свою очередь, отдавал приказы командирам полков в категорической форме, требовал возглавить атаку лично. Подполковник Барашкин, командир 1082-го СП, был отстранен от командования. Но это положение не изменило.

В более свежей, не участвовавшей в предыдущих боях, 225-й СД сохранился боевой дух и наступательный порыв. Командир 2-го СБ 1379-го СП 225-й СД, капитан Г.И. Гайченко¹¹, в объяснительной писал: «На рассвете наши части подошли к р. Левосня. В это время противник нас обнаружил и открыл артиллерийский огонь тяжелой артиллерии (210 мм). По мере приближения наших подразделений к [переднему краю] противник начал вводить и остальную артиллерию, которая в большинстве случаев вела огонь прямой наводкой. Пройдя ручей Трасовец (так в тексте — С.В.), противник открыл огонь с тыла, [со стороны] Кирилловского монастыря, из крупнокалиберных пулеметов. Потери были незначительные. Боевое охранение противника находилось на линии Южного¹² кладбища, но оно было обнесено проволокой, рогатками, было два ДЗОТа и несколько стрелковых ячеек. Уничтожив боевое охранение, батальон продолжал наступать на церковь.

При подходе к валу противник открыл сильный косопрямительный фланкирующий огонь из пулеметов и мелкой артиллерии из огневых точек, расположенных по валу. Перед валом имеются рогатки, а в некоторых местах второй ряд — спираль.

5-я и 6-я роты ворвались на вал и за вал, но здесь противник встретил их кинжальным пулеметным огнем из домов южной окраины Новгорода. Обе роты, не имея ни какой поддержки, почти полностью [были]

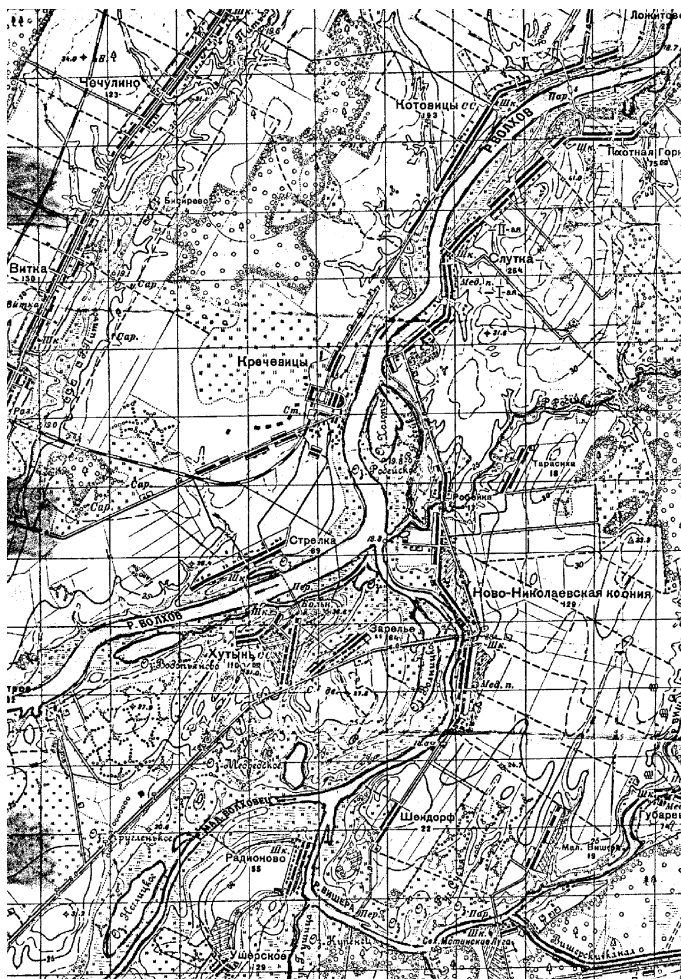
расстреляны противником. Средствами командира батальона оказать помощь было невозможно. потому что 4-я рота и резерв командира батальона были скованы огнем с Южного кладбища, с самого вала, а также с тыла — из Кирилловского монастыря. Правый сосед отстал и не поддержал.

Вечером 21 марта остатки батальона заняли оборону по линии боевого охранения противника. Считаю, что передний край обороны противника проходил по валу. 1347-й СП блокировал Кирилловский монастырь»¹³.

Дивизия понесла 20 марта огромные потери: 1057 человек. Всего в боях 20–25 марта безвозвратные потери ее составили 1693 человека. Погибли капитаны В.И. Сумбаев, А.С. Пелевин, ст. лейтенанты В.И. Федоров, А.П. Лekomцев, Г.Е. Леонтьев, лейтенанты М.П. Шнуров, В.П. Иванов, много сержантов и рядовых воинов¹⁴. Введенные в бой танки 29-й ТБ без взаимодействия с пехотой за Малым Волховцом, на участке 310-й СД, были разбиты (4 подбито, 2 сгорели), не доходя до переднего края противника. Остальные повернули назад.

Казалось, трагедии не будет конца. В 22.00 командарм опять приказал повторить атаку. Но она успеха не имела и не могла иметь. К исходу дня командование фронта на основе распоряжения Ставки ВГК приказало прекратить дальнейшее наступление. Но вопреки этому распоряжению, несмотря на большие потери и бесполезность дальнейших атак, командование 52-й армии под предлогом «тактического улучшения положения» продолжило дальнейшие безрезультатные атаки — вплоть до 25 марта¹⁵.

Я не случайно выделяю слова «распоряжением Ставки ВГК». Внимание Ставки к армейской операции можно объяснить только тем, что она была одной из так называемых «отвлекающих» операций. То есть, боевые действия 52-й армии и других, на сосед-

Карта Чечулино — Ложитово — Ушерское — Губарево Ш.И. Капительмана, замполитрука отделения топоразведки 647-го артполка 229 -й СД.

них фронтах, должны были отвлечь силы и внимание германского командования от другого направления. Какого именно, особенно гадать не приходится: важнейшее обороны Ленинграда и сохранения транспортного коридора, пробитого к городу по Мгинскому району, на тот момент на северо-западе ничего не было. Поэтому события эти можно и нужно рассматривать только с учетом этого. В разрезе обстановки в одной дивизии анализ ничего не даст, кроме перечисления несуразностей, ссылок на нехватку боеприпасов и слишком демонстративный характер наступления. А как же иначе, если нужно срочно отвлечь, если нужно убедить противника, что с данного участка фронта нельзя снять ни одного солдата: здесь горячо и может быть еще горячее.

На то, как развивались события в самих дивизиях, лучше всего посмотреть глазами ветеранов-участников тех боев. В предыдущем номере журнала звучали голоса фронтовиков из 225-й Новгородской стрелковой дивизии¹⁶. Теперь мы слушаем свидетельства ветеранов 229-й Новгородской стрелковой дивизии.

Полковник, бывший начальник связи дивизиона арtpолка, А.М. Куликовский, с 1978 года председатель Совета ветеранов 229-й Одерской СД, поддерживал связь с 750 ветеранами соединения. Сейчас многих уже нет. Провели 12 встреч. И четыре из них — в Новгороде. 23 сентября 1983 года установлен памятник павшим однополчанам в Хутыни. Тесная связь поддерживается со средней школой № 13 Великого Новгорода, с З.А. Храмовой, В.А. Куприяновым, ребятами¹⁷. А.М. Куликовский ведет большую работу по увековечению памяти бойцов и командиров 229-й. В литературном журнале школы «Лукоморье», в музее собраны и опубликованы многие рассказы ветеранов. Еще больше этих воспоминаний — в совете. Анатолий Михайлович доверил мне их, написав: «можете пользоваться ножницами, но не ручкой», т. е. лучше сократить, чем домысливать за авторов. Наиболее полно события марта 1943 года отражены в воспоминаниях Г.И. Марченко, бывшего командира роты 783-го полка дивизии.

В 1942 году, в первых числах октября, Григорий Иванович Марченко был выписан из военного госпиталя в Горьком (Нижний Новгород), куда попал после ранения в августе 1942 года в боях подо Ржевом. Получил назначение в 229-ю стрелковую дивизию. С лейтенантами И.М. Юрченко и Индюковым попал в 783-й полк. Все командирами рот: 1-й, 2-й и 4-й. Судьба лейтенантов в мартовские дни 1943 года сложилась по-разному. Для кого-то те бои стали последними. Впрочем, по порядку.

Перед мартовским наступлением на Кречевицы Григорий Иванович был принят кандидатом в члены партии (в партию его приняли под Киришами 10 октября 1943 года). Под Новгород он прибыл уже бывалым воином. Был ранен 11 сентября 1941 года под

Белой Церковью на Украине, 28 августа 1942 года в Карманово Смоленской области. 1 января 1943 года ему исполнился 21 год. Через 40 лет он вспоминал:

«В конце февраля — первых числах марта 1943 года полк совершил ночной марш из района Плашкино в сторону фронта и сосредоточился в лесу в 6–8 км от д. Заречье. В этой деревне располагался штаб нашей дивизии. Не имея никаких укрытий для личного состава, кроме наспех построенных шалашей над глубокими снежными котлованами, люди терпели бедствие. Если днем еще можно было кое-какой костер развести и обогреться, просушить одежду и обувь, то с наступлением ночи и этим благом было воспользоваться нельзя. К тому же противник, видно, узнал о сосредоточении войск, и на второй или третий день авиацией немцев были нанесены три бомбовых удара. Потеря полк не понес, но это заставило всех окончательно зарыться в снег.

В ночь с 6 на 7 марта на двух санных упряжках, имея при себе лыжи, все командиры рот и подразделений во главе с комбатом выехали на рекогносцировку. Лошадьми доехали до ручья Робейка, протекающего по не столь глубокой, как широкой балке. Оставили упряжки у саперов. Встали на лыжи и отправились в сторону [150] укрепрайона, который оборонял фронт по правому берегу р. Волхов в районе бывших сел Слутка -1-я, -2-я, Пахотная Горка. Нас встретил командир УРа и все зашли в просторный блиндаж на противоположных от реки скатах. На местности определились с исходным положением подразделений. Нигде не видел я ни окопов, ни огневых точек. Одеты в белые маскхалаты, мы с мл. лейтенантом из УРа безлунной ночью всматривались в левый берег, занятый противником: высокий, обрывистый, с темными пятнами. На карте значится, что там д. Котовицы, но никаких признаков оставшихся строений нет.

Мл. лейтенант пояснил, что следить надо за дымками. Сколько их — столько дотов и дзотов на переднем крае. Темные пятна на реке — лед без снега, а совсем черные — полыньи. «Лед тонкий, — предупредил мл. лейтенант, — но пройти можно».

Нейтральная полоса до левого берега представляла собой понижающуюся местность. Чтобы преодолеть 500–600 метров, наступающие должны были спуститься из исходного положения по пологому скату, обращенному в сторону противника, метров около 300, а потом преодолеть абсолютно ровный луг 200–300 метров до реки.

По замыслу командования боевой порядок 783-го полка сделали в один эшелон: Шаповалов [3-й СБ] — Лазарев [2-й СБ] — Зинин [1-й СБ]. По замыслу Малайченко главный удар наносился левым флангом [1-й СБ] и частью 2-го СБ.

Меня все время беспокоила обширная луговина, по которой предстояло идти роте. Как ее преодолеть без прикрытия?

Ст. лейтенант Зинин заверил меня, что огневые точки немцев будут разнесены в пух и прах во время артиллерийской подготовки, будет поставлена надежная дымовая завеса.

Начались тренировки по посадке и высадке на доставленных откуда-то лодках. Их вел мой заместитель по строевой, лейтенант Гузь. 12 человек споро размещаются в плоскодонке на лугу. Сидят так плотно, что просто удивляюсь, как они все умещаются в плоскодонке.

Никому не пришло в голову: а выдержит ли 12 человек на воде эта утлая плоскодонка? В нее можно посадить от силы 5–6 человек и перевезти по тихой воде через ручей шириной 8–10 метров. Доставили еще три лодки. Без весел, с осыпавшейся шпаклевкой.

Непосредственно перед этими событиями дивизия дислоцировалась севернее. Когда 229-я сменила 110-ю дивизию и заняла оборону по реке Волхов, 783-й полк стоял на рубеже: левее высоты Званка, развалины с. Малое Заречье, разрушенный мост, развалины завода им. Коминтерна, высота Кава и дальше на Спасскую Полисть. В ночь с 14 на 15 марта полк совершил шестнадцатикилометровый марш и вышел в район ручья Робейка.

Последняя рекогносцировка. После завтрака я построил роту: три взвода, минный и пулеметный. Всего 155 человек. Ясная лунная, морозная ночь перешла в холодное утро. Вышли колоннами, развернулись в цепь. Подморозивший снег удерживает человека как на шероховатом льду. Залегли.

Хотя рота и одета в маскхалаты, но они не первой свежести и каждый человек на белом искрящемся снегу, под косыми лучами восходящего солнца будет виден как на ладони. И все это на виду у противника, засевшего на высоком противоположном берегу в дзотах. Некоторые окопались, а другие и этого не сделали. Ведь противник молчит.

Началась артподготовка. Выпущено было полтора — два десятка снарядов с большой паузой. Скорее всего противнику никакого урона не было нанесено. Следом разорвалось 4–5 дымовых снаряда без учета направления ветра.

Сигнал с КП полка (красные ракеты) затем с НП батальонов (зеленые), длинные сигналы рожков командиров взводов и, наконец, моя команда голосом: «За Родину, за Сталина — вперед!» Вся цепь поднялась и стремительным броском начала продвигаться. Волоком тащатся лодки. Противник молчит, словно его оборона вымерла. Но вот рота прошла 50–60 метров. Раздаются редкие щелчки выстрелов со стороны противника. Ранен в руку санинструктор ст. сержант Макаров. Вдруг над обороной противника взвился вверх фейерверк разноцветных ракет, за которыми последовал такой шквал огня, который и описать трудно.

Все живое прижалось к земле. Примерно через

полчаса интенсивность огня стихла. Но по любому движущемуся предмету немедленно раздаются пулеметные очереди. С трудом дополз и скатился в воронку. В ней находился замполит, лейтенант Литвинов, и два солдата. Один ранен в плечо. У меня на затылке саднящая ссадина от касательного ранения, разорван халат и под шинель на спине проникает холод. Прострелена в двух местах полевая сумка.

Время бежит быстро. Короткий мартовский день на сходе. Наступила ночь. К нашему удивлению, как только стало темнеть, нас разыскал в воронке старшина Башкирцев с двумя ездовыми. Одного из них звали Иван, фамилию не помню, но на руках у него от роду было по шесть пальцев, и второй — писарь роты Лилупа. В термосах принесли пищу. Старшина мне передал, что из роты вышло 27 человек раненых. Он прошел по цепи с левого фланга. Видел много убитых и раненых, которые сами из боя выйти не могут. Затем сообщил, что перед тем как отправить к нам, всех старшин рот батальона собрал заместитель командира батальона ст. лейтенант Прохоров и приказал: кормить людей и передать, что по сигналу красная и зеленая ракета продолжать наступление в прежнем направлении с прежними задачами. Я спросил: «Когда быть готовым к атаке?» он ответил, что об этом сказано не было. Вместе со старшиной дальше отправился выявить потери замполит Литвинов. Он вернулся примерно через 30–40 минут и доложил, что в роте осталось не более 60–65 человек. Пулеметный взвод прекратил свое существование. О судьбе минометного взвода ни каких вестей нет. (Позже стало известно, что там уцелело только три человека). Из строя оказались выведены все командиры взводов: мл. лейтенант Маковеев погиб (2-й взвод), не нашли командира 2-го взвода Дейнеку, ранен командир 3-го взвода мл. лейтенант Федотов. О судьбе командиров минометного и пулеметного взводов ничего не было известно.

Наконец, где-то между 22.00 и 22.30 часами сначала на правом фланге полка в районе Пахотной Горки, а затем и в Слутках вверх взвились серии красных и зеленых ракет. Значит, снова весь 783-й полк поднимается в атаку. Все просто. Все бесхитростно. Без всякого замысла, без всякого ума. Днем противник сам видит наступающую цепь, а ночью мы предупреждаем его ракетами.

Кое-где в обороне противника видны редкие разрывы артиллерийских снарядов. Слева и справа слышен человеческий говор. Командую голосом: «Вперед!» Цепь редко и как бы лениво поднималась и двинулась вперед. Противник ведет интенсивную ружейную стрельбу. С его стороны взвились в воздух осветительные ракеты. Повисли над лугом как фонари. Вся цепь залегла, а в это время немцы наносят сильный артиллерийский и минометный огонь вдоль всего косогора по наступающей цепи. Затем наступила пауза, которая длилась примерно 15–20 минут, за ко-

торой последовал сильный артиллерийский налет по реке. Глухие взрывы, фонтанчики воды, перемешанные с ледяным крошевом, искрящимся на фоне осветительных ракет, окаймили луг по конфигурации реки. Взрывы так близки к левому берегу, что кажется, будто противник сам нанес огонь по своей обороне.

Лодки брошены в предыдущих обстрелах. Лед тронулся по реке. Продолжать наступление не имело никакого смысла. Поднять теперь живых людей, притаившихся в воронках, было невозможно. Я предложил замполиту начать отход. Он заявил мне, что об отходе без приказа не может быть и речи. Литвинов согласился только перейти в более удобное укрытие — воронку. При перебежке он был сражен пулеметной очередью, не добежав всего 3–5 метров до воронки.

В воронке было пять человек, из которых один сержант-узбек был ранен осколками в плечо и правую руку. Сержанту я приказал, используя паузы в освещении, когда гаснут осветительные ракеты, взять с собой двух солдат, забрать тело убитого замполита и выходить в исходное положение роты. Через 10–15 минут раненый сержант и солдаты унесли тело Литвинова. Примерно через час один из солдат, который отправился с сержантом, вернулся. Вернулся почему-то не из тыла, а со стороны противника. Вполз в воронку и передал, что сержант приказал найти командира роты и передать, что поступила команда выводить роту из боя.

Я отправил двух солдат: одного вправо, другого влево от себя оповестить об отходе. Начали отползать. По пути следования со мной оказалось семь человек. Раненого сержанта я нигде не встретил. Позже стало известно, что не доходя до исходного положения, все они погибли.

Наконец, вышел за обратные скаты высоты, служившей исходным положением. Здесь местность не простреливалась прямым ружейным огнем.

Прошли всего сутки после того, как подразделения организовано выдвигались по этой местности в исходное положение, а теперь немногие оставшиеся в живых группками кто стоит, кто сидит в снегу, ожидая своей дальнейшей участи.

Недалеко от блиндажа командира УРа стоит кухня, возле которой скопились люди. Туда направился и я. Нашел старшину роты, который доложил, что теперь со мной собралось 22 человека личного состава.

Начинается рассвет. Навалилась страшная усталость. Одолевает сон. В голове жуткий рой мыслей от пережитого. Снял сапоги, одел валенки, съел несколько ложек чуть теплой каши-магары, приправленной хлопковым маслом и едва положив под голову рядом стоявший термос, уснул мертвецким сном.

Сколько я спал — не знаю, но проснулся от того, что меня растормошил солдат и передал, что вызывают в штаб батальона. По прибытии туда ст. лейтенант Немиров приказал собрать все оружие убитых.

Что делать дальше, какая задача будет стоять перед нами — ничего передано не было. Во всяком случае у меня и в мыслях не было, что пройдет немного времени, и снова будет приказ наступать.

Полк, вернее то, что от него осталось, 16 марта днем приводил себя в порядок. Потеряно было все тяжелое вооружение: минометы, пулеметы, 45-мм орудия. Днем вынести их с поля боя было невозможно. На 22 человек имелось 16 винтовок, 2 автомата, ручной пулемет Дегтярева с одним диском, который замерз и не действовал. У меня был пистолет ТТ, а чем были вооружены старшина и писарь не помню.

Наступил вечер. Около 20.00–20.30 в штаб батальона были вызваны командиры подразделений. Из командиров рот старых остался только я.

Начальником штаба батальона ст. лейтенантом Немировым была поставлена задача: «Наступать в прежних направлениях с прежней задачей». Но весь батальон (его горькие остатки) наступает с исходного положения 3-й роты, а моя рота — на левом фланге батальона. Сигналы оповещения указаны не были. Артиллерийской подготовки не будет. Срок готовности к выдвигению — через час после постановки задачи. Позже уточнили — в 22 часа.

Прибыв в роту, я услышал доклад старшины, что заместитель командира батальона Прохоров привел (на усиление роты) еще двух солдат-среднеазиатов, вооруженных винтовками. Из какого подразделения — мне интересоваться было некогда. Остаются на месте старшина и писарь-каптенармус, раненый в ногу, а 22 человека распределены на два взвода во главе с сержантами.

Имеющийся личный состав я вывел в исходное положение на самую высокую точку левого фланга Слутки. Вниз к Волхову спуск был крутой, но не обрывистый. Река совсем рядом. Впереди небольшое ровное плато. Берег противника крутой и обрывистый и местность хорошо просматривается вглубь. Окопов не видно. Река в этом месте делает поворот в сторону Кречевиц и местность, очевидно, перекрывается косоприцельным огнем из окраин Котовиц и Кречевиц.

От реки, в глубь территории переднего края немцев, идут два распадка — лощины или овраги — судить трудно, так как все покрыто снегом. Недалеко от берега темнеет кустарник, а дальше темнеет лес. Все у реки покрыто туманом, из-за чего от Слутки не видно, куда движется шуга (битый лед). Уже не цепью, а двумя колоннами гуськом спускаемся вниз. Противник ведет огонь, но не по нам, а по горе, на которой Слутки.

Весь низ усеян трупами. О том, что я буду на том берегу, не думал. Между убитыми валяется разбитая лодка. Еще две стоят почти у кромки льда. Рукой подать до противоположного берега и кромки льда. Даю команду садиться в лодки. Одна спущена и поплыла, а вторая стоит, люди среди трупов не поднимаются.

Пригрозил пистолетом. Начали вяло подходить и толкать лодку. Она гремит на снегу. Жестами приказываю поднять ее и тащить к воде. Вот она спущена, сам сажусь последним. Считанные минуты и мы пристали к тому берегу.

Два ранее переправившихся солдата придерживают лодку за нос, пока все не выйдет на берег. В лодках полно воды и они держатся лишь потому, что деревянные. Что-то мало людей. Считаю — всего 17. Значит пятеро струсили и остались лежать среди убитых. Погибнуть они не могли. Противник по нам огня еще не вел. Хотя на войне всякие чудеса бывают.

Вдруг справа от прижавшихся к осыпи моих бойцов в дымке замечаю передвижение людей от реки к берегу. Сначала принял за противника, а потом сообразил, что это соседи справа. Послал уточнить посыльного. Через несколько минут доложили, что это наши восемь человек во главе с лейтенантом Шиманским из 2-й роты.

Дальше события развивались таким образом: я проверил людей и повел их гуськом примерно на 25–30 метров вправо и по распадку, покрытому твердым снегом, поднялся вверх на высокий берег, где мы вытянулись не вдоль берега, а перпендикулярно ему. Осмотрелся кругом. Хорошо вижу свой берег, вижу местность в сторону тыла противника, но почти не наблюдаю местность в сторону Котовиц и Кречевиц. Отдал распоряжение командиру взвода сержанту, кажется Кобзеву, с группой из шести человек продвинуться вглубь обороны противника. В случае обнаружения их в бой не вступать, а вернуться обратно. Остальных людей решил развернуть цепью вдоль высокого берега, обращенного к нашей обороне. Пулеметом РПД прикрыл группу с тыла.

Спустя 30–40 минут из отправленной группы прибыл солдат. Доложил, что продвинулись далеко и

встретили минометчиков на позиции. Они ведут огонь, а командует офицер. Кричит: «Файер!» и раздается залп. Не успел я осмыслить сказанное мне и принять решение, как сначала редкий, а потом все более нарастающий огонь стал доноситься до меня с правого фланга. Над головами слева и справа слышен и виден визг и рой трассирующих пуль. Нас прикрывает маленький распадок.

Вот раздаются одна за другой очереди из нашей

обороны с левого фланга Слуток. Очередь приходится по лежащей цепи... Это, очевидно, ведет огонь [по своим] пулемет УРА. А спустя 10–15 минут был нанесен такой огневой налет артиллерией и минометами противника вдоль берега, что, кажется, живым остаться было чудом. Снаряд возле меня разорвался так близко, что меня отбросило в сторону. Я сгоряча подхватился на ноги и обоими руками схватился за голову, но голова оказалась на месте, а была сорвана и покатилась шапка. В голове страшно шумело и я не слышал собственного голоса.

Рядом с моей шапкой валяется чья-то нога. Я упал. Двое солдат подошли ко мне и с их помощью я стал спускаться к берегу, где валялись доски разбитой лодки. Солдаты бросили в воду доску,

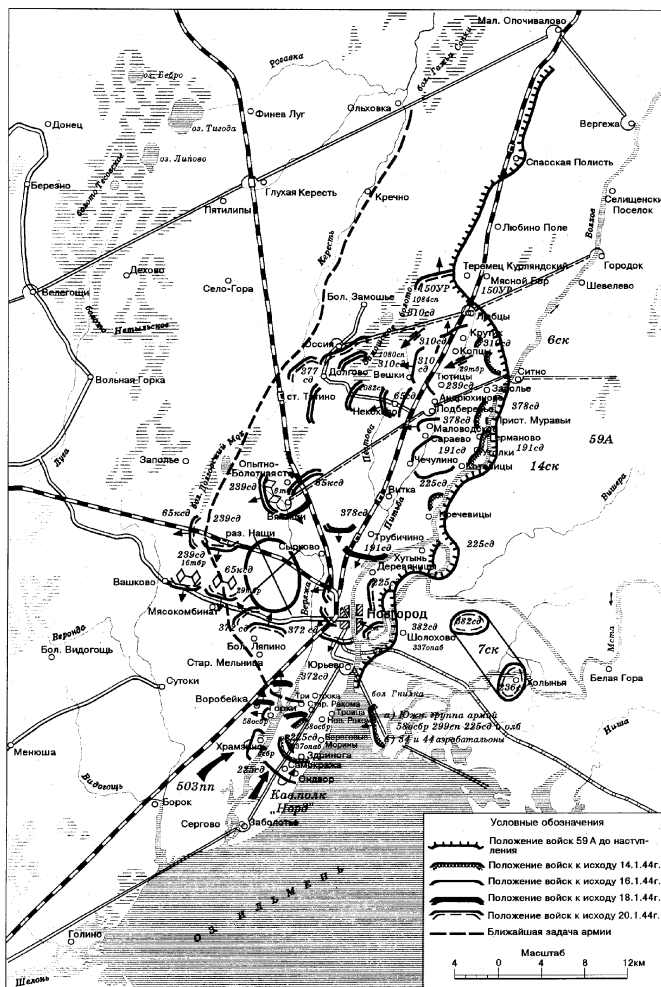

Схема боев по освобождению Новгорода 59-й армией в январе 1944 года

на которую я грудью навалился и поплыл к своему берегу. Холодная вода обдала меня, как кипятком. Валенки на ногах оказались сначала хорошим поплавком, но вскоре намокли и стали тянуть ко дну. Шинель, убранный под маскхалат, не дает возможности плыть. Не просто оказалось и выбраться на ледяную кромку. Стараюсь выжаться на руках — ноги уходят под лед. Содрал ногти на пальцах рук и кожу. Не помоги мне сержант, был бы я на дне Волхова.

Выйдя на берег, я больше не ложился. Еле-еле поднялся на высокий берег Слуток. При подъеме меня ранило пульей в руку. Память сохранила, как вышел в свою оборону. Больше ничего не помню.

Пришел в себя я в медпункте полка. Контужен. Ранен. Обморожены руки и ноги. Воспаление легких. Отправили меня в госпиталь в поселок Пролетарий, где я лечился до мая. Находясь еще там, узнал, что награжден орденом Красной Звезды и что мне присвоено звание ст. лейтенанта. Вернувшись, из рассказа однополчан узнал, что вернулось нас всего семь человек. В газете была статья об этом под рубрикой «Наши герои». Вернулся в полк под Плашкино. Он стоял там последние дни, готовясь к передислокации под Вышний Волочек. Назначили в роту выздоравливающих, заместителем ст. лейтенанта П. Токарева. Затем командовал учебной ротой дивизии (200 человек), находившейся при штабе, и, в основном, охранявшей его же.

Думаю, что никто из полководцев, не говоря уже о командирах полкового звена и батальонного не предвидел, что кто-то окажется на том берегу. Не предвидел и тот, кто спускался к реке. Никто не знал, что некоторые подразделения подобрали плавсредства на берегу и переправились. Статья в газете для авторов операции была полной неожиданностью, как говорили.

Немного погодя из рук командира дивизии полковника П.И. Соленова в Заречье (Волынь) мы с Шимановским (только двое из полка) получили ордена Красного Знамени. Остальных наградили медалями... Наибольшие потери при наступлении из Слуток-1 и -2-й и Пахотной Горки на Котовицы понесли 1-й и 3-й батальоны. Шаповалов погиб. Горькие остатки полка были собраны в один батальон, которым командовал командир 2-го батальона ст. лейтенант Лазарев. Полной ротой командовал Юрченко.

Роте поставили задачу: провести разведку боем, взять опорный пункт противника — Хутын. Часть роты переправилась совместно с соседним полком через Волхолец, но дальше не прошла ни шагу. Она не преодолела проволочное заграждение. За это командир полка майор Маляренко, замполит подполковник Койфман и начальник особого отдела Трубников сочли виновным Юрченко и здесь же на поле расстреляли его на глазах раненых солдат его роты, сняв затем орден (живым он награду не отдал).

Раненный сержант с обнаженной саперной лопаткой подошел к Трубникову и что-то начал тому говорить, но капитан пригрозил ему пистолетом и выстрелил мимо его головы. Так рассказал мне об этом старшина моей роты Башкирцев.

После госпиталя вместе с командиром транспортной роты ст. лейтенантом Тарасовым я вернулся в полк под Хутын и снова командовал 1-й ротой.

К тому времени Маляренко сняли. За что, не знаю. На его место из штаба армии из отдела боевой подготовки пришел майор П.П. Бобровский. Полком он командовал недолго. Говорят, что его судили за членовредительство (под Хутынью порезал себе руку осколками фарфора, имитировал беспамятство), и

он погиб в штрафном батальоне. За командира оставили майора Лазарева. Месяц спустя командиром полка поставили Долгова»¹⁸.

Вспоминает командир стрелкового взвода 811-го СП лейтенант Власов: «Начал переправу 15 марта в 6.00. На середине взвод попал под сильный огонь. Через 15 минут достигли западного берега Волхова. При продвижении вперед под сильным пулеметным огнем был убит командир роты. Я взял командование ею на себя. Продвинувшись на 70 метров, начали оккупываться для создания плацдарма. Приказа отступить не было. Впрочем, связи с восточным берегом совсем не имелось, как и снабжения. Объединил уцелевших, в том числе шесть человек из 783-го полка под своим руководством. 17 марта разрешил восемнадцати оставшимся бойцам съесть часть НЗ. Автоматчики противника вскоре попытались захватить их в плен. Позднее удалось окриком обратить на себя внимание бойцов подразделения лейтенанта Маркелова, высланного штабом полка для наблюдения за ситуацией. И только после этого в 23.00 18 марта подплыла лодка с двумя бойцами, передавшими приказ о немедленной переправе на восточный берег. Похоронив убитых, забрав раненых и оружие, 18 человек переправились обратно без потерь»¹⁹.

В целом 229-я СД понесла серьезные потери от непрерывного артогня противника 15 марта. Погибло 1529 человек.

Не прошло и двух дней моей новой службы в Заречье, как в последних числах апреля полковник Тронников приказал мне построить роту и форсированным маршем двигаться в район рожи Шендорф. Для ускорения продвижения были выделены две машины «Студебеккер». Кроме нас было переброшено немало штабного люда и группа из Плашкино. Как потом оказалось, спешные меры были вызваны чрезвычайным происшествием, к которому привели беспечность и ротозейство. Части 310-й дивизии стали менять на позициях нашу 229-ю. Происходило это так тихо, что немцы догадались что делают «Иваны». Применив ранцевые огнеметы и создав наземную лавину огня, немцы ночью перешли в атаку, и, забросав наши немудреные окопы и траншеи химическими гранатами с хлор-пикрином, опрокинули жидкие цепи 783-го полка между озерами. Очевидцы рассказывали, что жутко было наблюдать, как охваченные огнем люди с раздирающими воплями и кашлем катились с хутынской возвышенности по косоугору к реке. Где был в это время 3-й батальон полка — не знаю, но остатки 1-го и 2-го батальонов и учебная рота дивизии на второй день ночной атакой опрокинула немцев и восстановила прежнее положение. Руководил боем полковник Тронников. После этого учебная рота была подчинена 783-му полку и действовала как отдельный сводный батальон.

5 мая 1943 года, как я уже говорил, нам вручили награды в Заречье. В обороне под Хутынью мы про-

стояли еще до 9–10 мая. Командиры сменяющих нас подразделений каждый день лазали в обороне и говорили, что готовятся при поддержке артиллерии перейти в наступление через наши боевые порядки. Ими даже были проведены две разведки боем, что вроде бы подтверждало разговоры. Смотреть на незащищенных ничем людей, поливаемых со всех сторон губительным огнем, не менее жутко, чем быть среди них самому.

К исходу ночи на 11 мая подразделения 783-го полка были наконец сняты с позиций и отведены в лес напротив Шендорфа, откуда сравнительно хорошо просматривается хутынская местность, но не видать зеркала воды Волховца. Моросил дождик. Костры не разрешалось разводить. Питались сухим пайком. На опушке просидели до наступления темноты. Было приказано окопаться в одну цепочку и зорко наблюдать за противником. На рассвете полк построился и лесом вдоль опушки тронулся в направлении дороги из Робейки на Заречье и оттуда в Плашкино. Учебная рота сосредоточилась в пионерском лагере на опушке Новоселиц.

Путь по прямой на карте составлял 16 км. Но путь этот я и умирая помнить буду. Ничего труднее этого марша на войне я не перенес. Моросит дождь, в фонарике села батарейка. Карта размокла. Вместо 7.00 я привел свое войско только к 10.00. Всех тут же поглотил лес, где бойцы разбрелись по мокрым, но знакомым им землянкам. Я же зашел в первую попавшуюся, сел на ящик весь мокрый и тут же мертвецки уснул. С трудом меня разбудили. Чувствую во сне, что кто-то снимает с меня снаряжение. Просыпаюсь, передо мною стоит здоровый верзила с отращенными рыжими бакенбардами — истинно русский Гаврила — в руках перед собой держит мое снаряжение, в правой — пистолет ТТ стволом направленный мне в грудь. Чур меня! Что за наваждение? Я быстро подхватился с места и с силой ударил по руке, в которой он держал пистолет. Грянул выстрел и пистолет упал на землю. Мне пробило по касательной левое голенище и касательно икру ниже колена. Солдаты навалились на лейтенанта и стали его душить. Окончательно придя в себя, я приказал прекратить своеволие и лейтенант сел на ящик на мое место. Но входящие в землянку люди, которое не видели, что произошло, стали пробираться поближе к этому верзиле и явно вызывали его на конфликт. Группа солдат ввалилась в землянку и один из них держит несколько винтовок.

Спустя несколько минут и мне все стало ясно. Винтовки без затворов. Второй солдат держит шесть затворов, которые бросает к ногам лейтенанта с требованием вставить их немедленно в оружие. Лейтенант стал подбирать и вставлять затворы. Я его не знал до того, но курсанты роты, оказывается, хорошо его знали. Это был особист по фамилии Коняровский, который обслуживал учебную роту и разведроту дивизии.

Зная, что рота прибудет в новое место дислокации, он прибыл и застал всю роту спящей. Немедленно наделал пакостей: попрятал оружие, поснимал затворы, а теперь добрался до командира роты и расправлялся с ним. Все это было очень серьезно по последствиям. В разведроту, которая только что вернулась из ночного поиска, он со своим дружкой проделал подобное, за что невинных людей судили и одного расстреляли, а командир роты ст. лейтенант Н. Голубев оказался в штрафном батальоне, где вскоре и сложил голову.

Я снял сапог. Он почти полон крови. Рана касательная и неглубокая, но, видно, повредила сосуд и пришлось жгутом перетягивать ногу, чтобы остановить кровь.

Знакомство не осталось без последствий. Лейтенант удалился из роты, а во второй половине дня прибыл заместитель командира дивизии полковник Б.П. Тронников и с ним капитан Мальцев, бывший командир учебной роты, только что вернувшийся из госпиталя. Его собирались назначить комбатом в 811-й полк, но все быстро переиграли и приказали снова принять учебную роту. Тронников пожурил меня в землянке, выразил сожаление, что происшествие помешало его намерению представить меня к награде. Это решение отменено. Но он сделал добрый жест: обнял меня перед строем и поцеловал за проявленное мужество и храбрость в бою под Хутыню. Я заплакал и еле выдавил из себя: «До свидания, мои боевые товарищи»... отошел от строя и спазмы сжали горло.

Ночевал в роте. Передал все, что положено Мальцеву, а на второй день с разрешения полковника Тронникова верхом на лошади через Новоселицы направился в Плашкино, представился Долгову и после большой напутственной речи того явился к капитану И.А. Ганже для принятия 1-й роты.

Что случилось после моего отъезда, не знаю. Но спустя примерно две недели перед выходом подразделения в район Киришей меня вызывали в отдел кадров дивизии и мне было предложено вернуться в учебную роту. Состоялась долгая беседа с полковником Тронниковым, в которой он сказал, что погорячился тогда, что он все же включил меня в список награжденных и порекомендовал вернуться на прежнее место. Тут же, как бы между прочим, сказал, что «о вас очень хорошего мнения командир дивизии и есть мнение поговорить со мной на предмет назначения командиром разведроты дивизии, но наш СМЕРШ поднялся против вас. Насолил ты им, голубчик!» Я категорически отказался от всех этих предложений и вернулся в 783-й полк.

О дальнейшем боевом пути 229-й расскажем устами Г. И. Марченко: «После мартовских боев дивизия готовилась наступать в районе Спасской Полисти, под Киришами, стояла в обороне под Чудово. Потом убили в район Вышнего Волочка в пос. Красный Май.

В разгар Новгородско-Лужской операции 25 января прибыла снова на Волховский фронт. В Новосолицах в полк влился отдельный лыжный батальон, который действовал как головной отряд дивизии впереди авангардного 783-го полка. Назывался он лыжным, но лыжами был укомплектован не полностью. Командовал им капитан Прохорович или Прохорук. Адъютантом, старшим батальона был ст. лейтенант Л. Стрижак.

Наступали на Медведь. Мы двигались ночью параллельно дороге на Шимск. Остановились на дневку в селах Старое и Новое Ракомо. Лыжный батальон продолжил движение. Капитан Ганжа приказал и мне двигаться с ними. Командир полка подполковник Долгов уточнил задачу.

Как назло, у командира лыжного батальона и меня кончились карты. Выйдя за Новгород, мы их получили в штабе полка (масштаба 1 : 25000) по шесть листов, захватывая Уторгош. Но склеили их лыжной мазью. Чуть они нагреются, как распадаются. Командир отдельного лыжного батальона приказал мне, как командиру головной походной заставы, пройти Старое и Новое Веретье и ожидать подхода главных сил батальона.

Мы шли на окраины Веретье. Вот-вот начнется рассвет. Среди поля в стороне от села стояли три старых стога соломы и командир батальона приказал на дневку остановиться у них. Холод был страшный. Костров разводить нельзя. Люди не кормленными оставались до наступления темноты. Я видел, что штаб батальона поддерживает с кем-то связь (помню, что не с 783-м полком). Запечатлелись трофейные катушки красного кабеля и зуммеры телефона, по которому связист все время вызывал «Штык». Рядом стояла радиостанция. Она бездействовала.

Я понял, что батальон находится в резерве или во втором эшелоне частей, воюющих впереди. С наступлением темноты нас покормили и все пришло в движение. Отойдя от стогов на 5–6 км, попали в ольховый кустарник, по которому продвигались на Закибье. Примерно на половине пути, в редколесье, нас встретил у примитивных землянок полковник Тронников, заместитель командира дивизии.

Меня с ротой он оставил при себе, а батальон ушел вперед. Заместитель командира дивизии объяснил мне, что землянки принадлежали партизанам и потребовал развернуть карту, чтобы сориентироваться на местности. Карта моя была сложена в гармошку

и вложена под полушубок. Лежа на груди, она нагрелась. Когда я ее достал, она, смазанная лыжной мазью... распалась. Тронников назвал меня болваном. Он показал рукой, в каком направлении расставлять посты.

1-й взвод, которым командовал лейтенант Мышкин, Тронников приказал мне разместить по укрытиям, самому находиться при нем. Все это происходило с 9 на 10 февраля ночью. Где-то около 2-х часов ночи впереди вдруг началась интенсивная оружейная перестрелка. Снаряды стали залетать и в наше расположение. Тронников пояснил, что проводится разведка боем. Днем 10 февраля он подзвал меня и

Мышкина и рассказал, что в разведке боем участвовал батальон, который ворвался на позиции немцев. Как оказалось, [немецкие] позиции обороняли власовцы. Люди не разобрались в обстановке, приняли их по русской речи за своих и власовцы вырезали почти весь батальон. В связи с этим полковник потребовал разъяснить личному составу, к чему приводит потеря бдительности в боевых условиях.

В ночь с 10 на 11 февраля к полковнику Тронникову прибыли заместитель командира 783-го полка майор Лазарев и заместитель командира 1-го батальона капитан Рахимбердиев. Следом стали прибывать с промежутком в полчаса подразделения полка. С наступлением рассвета Тронников отдал приказ командиру полка Долгову (в моем присутствии): 229-я стрелковая дивизия с исходного рубежа такого-то наступает в таком-то направлении. Боевой порядок в два эшелона. В первом: 783-й полк и еще один. Главное усилие сосредоточивает на

правом фланге (т. е. там, где 783-й полк). Полк, усиленный артиллерийским полком, с исходного рубежа атакует и уничтожает противника в деревнях Закибье и Заречье, овладевает опорным пунктом за рекой Мшага. В дальнейшем наступать на Уторгош. Полк наступает на главном направлении дивизии. Боевой порядок полка иметь в два эшелона. Главное усилие сосредоточить на правом фланге. После овладения опорным пунктом 1-я рота сворачивается в линию походных колонн и преследует противника, овладевая населенным пунктом Листовка и седлая дорогу Уторгош — Шимск, действуя в роли разведывательного отряда дивизии и головной походной заставы полка, удерживает Листовку до подхода основных сил.

Перед наступлением, в 9 утра, видим, по дороге с правого фланга на Закибье несется санная упряжка

Командир 1-й роты 783-го ст. лейтенант СП Григорий Иванович Марченко (слева) и парторг 783-го полка лейтенант Подшивалов. 11 мая 1943 года. Д. Заречье Новгородского района. Волховский фронт

рябых монгольских коней из пулеметного взвода. Что стало причиной этого происшествия, не знаю. Но когда они почти доехали до Закибья, поднялась пальба из автоматического оружия. Лошади, ужаленные пулями, начали прыгать и становиться на дыбы, а потом оба коня упали. Погибли и командир пулеметного взвода лейтенант Никонов, расчет и ездовой молодой солдат Тягний. Нелепая смерть. На войне всякое бывает...

В 1944 году под Медведем у д. Закибье я был ранен и контужен с И.А. Ганжой. При наступлении на деревню мы встретили упорное сопротивление немцев. В контрнаступление они перешли при поддержке танков. От разрыва снаряда я был ранен одним осколком в правую челюсть ниже уха. Удар был, будто кувалдой. Вторым осколком перебило правую руку в области локтя. Вдобавок нос расквасило комом мерзлой земли. Я упал и лежал без памяти до наступления темноты. Когда стали собирать раненых и убитых, меня вытащили. Отправляя меня в Новгород, (там в Кремле располагался госпиталь) в карточку занесли все ранения, в том числе травму носа. Оказалось, что был скол черепа в районе носа. Челюсть вставили на место. Дыру зашили. Нос стал как лягушка. Когда увидела меня в первый раз мать после этого, если б не голос, не узнала бы.

После двух дней пребывания в Кремле нас шесть человек отправили самолетом У-2 в Боровичи, в военный фронтовой госпиталь, где я провалялся до июня.

Руку в Боровичах чуть не ампутировали. Я благодарен хирургу Р.Л. Фукс, что она спасла мне руку. Я знал, что она из Киева и разыскал ее в 1947 году. Поддерживал связь до конца дней ее, а умерла она в 84 года... Между прочим, в одной палате со мной в Боровичах лежал командир дивизиона Кузьмин (или Кныш) со страшным ранением. У него в правом плече со стороны спины после разрыва мины небольшого калибра (51 мм) был вогнан стабилизатор ее с оперением.

Ст. лейтенант М.А. Белянцев — человек-история. Коммунист с большой буквы. Истинный идеальный комиссар старой заправки. О таких пели песню: «Комиссар нас с тобой поведет в первый бой. Ты нас в битву повел, боевой наш орел, беззаветное сердце полка».

Рождения он был 1907 года. Среднего роста, немного сутулый, мешковатый, черный, волосы изрядно убелены желтой от тротила сединой. Он учитель математики средней школы. В нашем Совете ветеранов 783-го полка у него самая хорошая аналитическая память. Два раза я его хоронил в войну на новгородской земле. Первый раз под Слутками, второй — под Медведем.

Второй раз дело было так. Я с ротой проводил разведку боем. Комиссары в Красной Армии к тому времени уже были упразднены. Но он, замполит батальона, при проведении разведки боем был с ротой.

Прислали для поддержки штанов.

Я дал ему противотанковую гранату ПГ-42. Ведь не думал, что он способен на такое. Многие за всю войну ни разу противотанковую не бросали. Она так неудачно сконструирована, что выдернул кольцо — немедленно брось, а не бросишь, так через 4–5 секунд взорвешься.

Рота была одета в белые маскхалаты. Я приказал командирам взводов по-пластунски ползти вперед на нейтральную зону. Науке ползать мало кто обучал, но все под пулями быстро учились.

Командиром 2-го взвода был ленинградец, бывший домоуправ, лейтенант И. С. Рулев. Он был просто гражданской личностью, хорошим и добрым дядькой, просто домоуправом. Одним из первых он был убит в атаке и остался лежать на вечном покое под Закибьем. Взвилась красная ракета и потребовалось всего два рывка, чтобы рота была у крайних домов Закибья. Но людей ворвалось мало. Со стороны реки вышли на нас два танка под прикрытием пехоты с окраины Закибья и пошли в контратаку. Видим, танк идет прямо на нас. Уже метрах в тридцати.

Михаил Алексеевич поднялся вдруг во весь рост и как на полигоне — бросил гранату прямо в лоб танку. Произошел страшный взрыв, а за первым последовал второй, очевидно, сдетонировали снаряды в танке. И в это время мне показалось, что нижняя часть туловища с ногами, принадлежавшая Белянцеву, пролетела у меня над головой. Но, видимо, это только показалось, потому что комиссар остался жив и участвовал еще во многих боях, закончив боевой путь за Прагой. Умер он в 1989 году в г. Шарья. Имел трех детей, шесть внуков...

Впереди были еще бои в составе 21-й армии на Карельском перешейке, в Прибалтике, Польше и Германии и окончание войны в Праге. Ну, а после войны меня вернули в Киевское артиллерийско-пулеметное военное училище имени Замоскворецких рабочих, которое я заканчивал 10 мая 1941 года. Петлички и лейтенантские кубики получил из рук полковника И.Х. Баграмяна, будущего маршала СССР. Теперь меня вернули командиром 1-й роты. Преподавал тактику, но чувствовал себя не в своих санях. Долго просился в войска. Наконец, назначили комбатом в 118-ю дивизию в Житомир. После ее расформирования был назначен комбатом в 280-ю дивизию в Ковель. После ее расформирования началось формирование механизированных дивизий и армий. В 1947 году назначен командиром 1-го механизированного батальона 38-го мехполка 10-й дивизии имени Морозова в Луцке.

Женился поздно, почти в 30 лет. И вот получаю назначение в Луцк. Приезжаю, являюсь к командиру полка. А там за столом, заваленным бумагами сидит командир полка ... полковник Б.П. Тронников. На улице встречаю... полковника Миловидова, командира артполка (в 229-й он был начальником артиллерии). Сколько было воспоминаний!

Был я передовым комбатом Прикарпатского военного округа. Надо сказать, что шла война с бендеровцами. Батальон выделили приказом командующего округом для борьбы с ними. До 20 марта 1949 года я не сходил с коня. Исколесил всю Западную Украину. Хранится дома и такая реликвия: объявление бандитов — «Внимание! За голову бандита Марченко Г.И., кто доставит ее — вознаграждение 200 тыс. рублей».

Ранили в левую руку. Родился сын Анатолий. Крестным отцом его был Борис Петрович Тронников.

Когда мы бывали на встречах в Новгороде, я всегда простаивал у окна вагона, пока не проедем участок от ст. Дубцы до Чудова. Сколько связано с этими местами! Вот вправо от мостика идет пологая лощинка, она вся была заложена фугасами и по ней никогда никто не ходил. Командир саперного взвода лейтенант Кашин говорил, что это место никто и никогда не разминировать. Ведь миноискатель фугаса не берет. А сейчас это место все заросло бурьяном и я не верю, что эту местность разминировали».

Героизм одних и преступное пренебрежение жизнями других — как это знакомо по любой войне.

План третьего варианта операции, задуманной и проведенной так неудачно, базировался на неверных сведениях, будто 310-я СД имела какой-то успех наступления. У замысла не было четкого выраженного главного и вспомогательного удара. Все носило неопределенную форму. Удар осуществлялся растопыренными пальцами и недостаточными средствами. Ни артиллерия, ни авиация не были задействованы в

должной мере. С 20 марта в армии уже не было снарядов. Характер местности и времени суток мало учтен. Вместо внезапности проявилась спешка и неорганизованность. Перегруппировка (с 20 февраля по 15 марта) явно насторожила противника. Полковник Егорков справедливо заканчивал анализ операции словами: «Своей видимой активностью командование армии хотело прикрыть свою бездеятельность и военную безграмотность в вопросах организации и планирования боя»²⁰. Цена этого преступно небрежного руководства — 8 737 погибших в мартовских боях по армии²¹.

Но было бы несправедливо возлагать всю полную ответственность за неудачную операцию только на командование армии. Повторюсь, что боевые действия 52-й армии и других, на соседних фронтах, должны были отвлечь силы и внимание германского командования от другого направления: обороны Ленинграда. Поэтому события эти можно и нужно рассматривать только с учетом этого. Анализ обстановки в одной дивизии в этом смысле мало что способен прояснить.

Когда настала пора освободить Новгород, в январе 1944 года, это было сделано достойно. Планы 59-й армии И.Т. Коровникова отличались изяществом, скрытностью, глубоким замыслом, оперативным мышлением. Войска имели хорошее обеспечение и полнокровные подразделения. Иначе быть не могло: ведь Новгородско-Лужская фронтовая операция была составной частью стратегической наступательной Ленинградско-Новгородской операции — первого из десяти «Сталинских ударов».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: «Описание Новгородской операции, проведенной 52-й армией в марте 1943 года», заместитель начальника оперативного отдела штаба Волховского фронта полковник Егорков. 10 августа 1943 года. ЦАМО. Ф. ВФ. Оп. 89. Д. 1463.

² Там же. Л. 1.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Там же. Л. 4.

⁶ Журнал «Лукоморье». № 2. 1999. СШ № 13 г. Великого Новгорода. С. 14.

⁷ ЦАМО. Ф. ВФ. Оп. 89. Д. 1463. Л. 5.

⁸ Там же. Л. 6.

⁹ Там же. Л. 6.

¹⁰ Там же. Л. 6.

¹¹ Погиб 7 октября того же года при наступлении на выс. Мысовая у Кречевиц. См. Погибли за Новгород. Великий Новгород,

1999. С. 56.

¹² Рождественского.

¹³ ЦАМО. Ф. ВФ. Оп. 89. Д. 1463. Л. 7.

¹⁴ Список установленных имен бойцов и командиров 225-й СД, погибших в период мартовского наступления 1943 г. на восточной окраине г. Новгорода, найденных в ходе поисковых работ в сентябре-октябре 1997 г. и захороненных на Рождественском кладбище г. Новгорода.

¹⁵ ЦАМО. Ф. ВФ. Оп. 89. Д. 1463. Л. 7.

¹⁶ В. Андреев. «Боевой путь дивизии». С. 61–71.

¹⁷ Журнал «Лукоморье». № 2. 1999. СШ № 13.

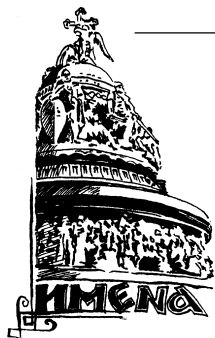
¹⁸ Переписка ветеранов 29-й СД. Личный архив автора.

¹⁹ ЦАМО. Ф. ВФ. Оп. 89. Д. 1463. Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 8.

²¹ Там же. Л. 8.

Автор выражает благодарность за помощь при подготовке публикации председателю Совета ветеранов 229-й СД А.М. Куликовскому и командиру поискового отряда С.С. Котилевскому.

Людмила ПОДОБЕД

АНИЧКОВЫ

(Из цикла «Боровичские усадьбы и их обитатели»)

*«Имена предков моих на всех
страницах истории нашей...»*

(А.С. Пушкин
«Гости съезжались на дачу»)

Аничковы — один из древнейших дворянских родов России — внесен в шестую часть Российского Гербовника и в так называемую Бархатную книгу.

«Аничковы (в старину Оничковы). Берка или Беркай, царевич Большой Орды, выехал в 1301 году к Великому князю Ивану Даниловичу Калите. Крещен святым митрополитом Петром и назван при крещении Анъкием, от него же потомки и стали писаться Аничковыми. Митрополит благословил Аникия золотой панагиею с дорожными камнями, с семью частицами мощей и серебряным ковшиком с надписью «Аз смиренный митрополит Петр Киевский и вся России благословил естми сына своего Берку царевича во святом крещении Аникия»¹.

Приехал он в Москву зимой, а поэтому получил только шубу с государева плеча, а если бы летом — одарены были бы его потомки княжеским титулом. Женился царевич на дочери Викулы Воронцова, и «пошел» от них род Аничковых, служивший России на протяжении более шести веков. «Были Аничковы воеводами, стольниками, стряпчими, городничими, судьями, послами, исправниками, предводителями дворянства, губернскими секретарями, директорами гимназий, действительными статскими советниками, коллежскими асессорами, надворными и титулярными советниками, полицмейстерами, вице-губернаторами, врачами, монахами, учеными, литераторами, художниками. Особенно много было среди них военных — сержанты, прапорщики, мичманы, капитаны, штабс-капитаны, секунд-майоры, капитан-исправники, ротмистры, подполковники, полковники, бригадиры, генерал-майоры...

Обширна и география этого рода: Москва, Петербург, Новгород, Боровичи, Валдай, Старая Русса, Вильна, Владимир, Воронеж, Гдов, Казань, Муром, Порхов, Псков, Самара, Саратов, Себеж, Смоленск, Сургут, Тамбов, Тверь, Тифлис, Уфа, Чебоксары, Челябинск, Ярославль»².

Аничков мост, а вслед за ним и Аничков дворец в Петербурге, названы по имени подполковника Михаила Оситовича Аничкова, под руководством которого был построен в 1725 году первый мост через Фонтанку, на том же месте, что и нынешний.

Усадьба Ждани

На правом берегу Мсты, пониже поселка Волгино, в древние времена было сельцо Ждани. Описание его имеется в Писцовых книгах Бежецкой пятины 1564 года. И числилось оно «за Бовыкою и Зыкою, за Дмитриевыми детми Жданского» и приписано сельцо к Ивановскому, Никольскому и Покровскому Волокодержковским погостам.

Свое название сельцо, скорее всего, и получило от имени того первого владельца, которого звали Жданом.

В тех же Писцовых книгах в Петровском и в Борисоглебском погостах одна деревня Zubovo числится «...за Федором за Некрасовым сыном Оничкова, ... а дворов в ней четыре, а людей пять человек»³. Эта деревня находилась от Жданей ближе к Боровичам. Когда сельцо Ждани перешло в род боровичских Аничковых, неизвестно, да и не так уж это важно. Сами же обитатели родовой усадьбы из поколения в поколение считали, что она им принадлежала «искони».

По семейным преданиям, усадьба и сельцо были полностью уничтожены «литовцами» в Смутное время и будто бы битва здесь была³.

Во второй половине XVIII века в усадьбе проживал Иван Богданович Аничков, и числилось за ним свыше двух тысяч

десятин земли. (Иван Богданович Аничков похоронен в Боровичском Свято-Духовом монастыре, ибо был прилежным прихожанином и щедрым жертвователем.) Его сын, Василий Иванович, дослужился до звания секунд-майора, а женился на Марии Тихоновне Квашниной-Самариной. (М.Т. Аничкова (1759–1825) погребена при Никольской Волокодержковской церкви.) Старший сын их Иван Васильевич (18...–1862) (в этой ветви рода Аничковых традиционными были имена Иван и Василий) вышел в отставку в звании гвардейского полковника, а младший, Александр Васильевич, герой Отечественной войны 1812 года, — в звании генерал-майора.

По разделу, старый отцовский усадебный дом достался Александру, и он перевез его в свою новую усадьбу еще в начале XIX века, которую назвал Александровкой (усадьба Александровка находилась по реке Керемерке выше Волгины), а Иван Васильевич построил в Жданих новый господский дом, одноэтажный, с мезонином, и каменную церковь в 1846 году, во имя св. Георгия Победоносца, на месте старой часовни, которая, по преданию, построена была на месте древнего языческого капища.

Женился Иван Васильевич дважды; вторая жена его была Наталия Дмитриевна Барыкова и родила она ему двоих сыновей — Василия и Николая.

Усадьбой Ждани после смерти Ивана Васильевича стал владеть Василий Иванович Аничков. Случился пожар, и господский дом сгорел в 1864 году. Через три года построили новый, деревянный, дачной архитектуры, в десять комнат, с террасами и балконом. Василий Иванович женился на Ольге Петровне Дириной. В 1860-е годы служил в Боровичах мировым посредником, гласным Боровичского уездного земского собрания. Здесь, в родовой усадьбе, родились их сыновья: Иван (1863) и Евгений (1866).

В 1870-е годы после окончания Василием Ивановичем военно-юридической академии семья Аничковых уезжает в Тифлис, потом в Вильно. С 1878 года живет в Петербурге. Василий Иванович дослужился до чина полковника. Он любил литературу, театр и как актер-любитель даже участвовал в «литераторском» спектакле с И.С. Тургеневым, Ф.М. Достоевским, Д.В. Григоровичем. Скончался рано, в 1881 году. Старшему сыну Ивану было 18 лет, младшему Евгению — 13. Это были последние хозяева старинной небогатой боровичской усадьбы, которая для них оставалась, где бы они ни жили, родовым гнездом.

Иван Васильевич Аничков (1863–1921)

Иван Васильевич умер в Новгороде в голодном 1921 году, от сыпного тифа, в возрасте 58 лет.

«... об умерших часто говорят — он ушел — и мне кажется, что Иван Васильевич, так горячо и непосредственно принимающий к сердцу все происходящее в дорогах и близких ему сферах, постоянно хлопочущий не о своем, а об общественном, болеющий о других и забывающий трудности своего положения — и мне кажется, что он не умер, а только — ушел.

Но он, действительно умер..., надломленный всем, что ему и семье его пришлось пережить в последние годы — разорение, выселения, смерть многих близких, разлука с дорогими людьми, голод, вынужденная физическая работа не по возрасту, тревога за завтрашний день, ...все это надломило его силы, и организм его не мог одолеть недуга...». Эти слова из поминальной речи М.В. Муравьева⁴, друга и соратника И.В. Аничкова по деятельности в Новгородском Обществе любителей древности (НОЛД).

Историки, которые изучали, изучают или будут еще изучать деятелей новгородских земских и других общественных учреждений и организаций в XIX — начале XX века, конечно, не пройдут мимо такой колоритной и деятельной фигуры, каковой являлся наш земляк, боровичский дворянин И.В. Аничков. Он родился на земле своих предков (19 февраля 1863 года в усадьбе Ждани Боровичского уезда Новгородской губернии) и погребен тоже на Новгородской земле. Ничего не осталось от этих мест — ни усадьбы, ни могилы. Остались его дела, его печатные труды, документальные свидетельства о

его работе на благо своего Отечества. Недавно мы разыскивали в Москве у частного лица большую коллекцию фотографий из семейного архива Аничковых. На одной из фотографий — «кабинетный» портрет выпускника Виленской гимназии Ивана Аничкова. Его гимназическим товарищем был Петр Столыпин, будущий великий реформатор, мечтавший о «Великой России» без «великих потрясений».

Они вместе поступили в Петербургский университет. П. Столыпин — на естественный факультет, а И. Аничков — на отделение восточных языков филологического факультета.

После окончания университета, в 1888 году, Иван Васильевич приехал в свое имение Ждани и около двух лет служил участковым мировым судьей Боровичского округа, принимая активное участие в работе Новгородского губернского и Боровичского уездного земских собраний, был гласным Боровичской Земской управы.

Потом была служба в Средней Азии (в Туркестане), в Оренбурге, в Ковно... В Туркестане помимо служебной (судебной) деятельности, изучал историю и быт киргизов. Работал в тесном контакте с академиком М.Я. Марром и профессором Н.А. Веселовским⁵. Результатом научной деятельности И.В. Аничкова явились 23 статьи, посвященные быту, истории, фольклору киргизского народа.

Сохранилась грамота от 26 марта 1907 года о награждении коллежского советника, неперменного члена Ковенского губернского присутствия И.В. Аничкова, орденом Св. Станислава II степени. Тогда же была издана работа Аничкова «О Мировом суде в России и о преобразовании низших судов», появилось в печати несколько статей, посвященных вопросу о восстановлении Виленского университета.

В том же 1907 году Аничков возвратился в Новгород уже семейным человеком: с женой Надеждой Степановной, дочерью Наташей и сыном Василием. Поселились они в просторной квартире на ул. Никольской в доме купца Воронова. Служил, по рекомендации П.А. Столыпина, в Новгородском окружном суде.

Его богато одаренная, деятельная натура не замыкалась в рамках службы и семьи. Он явился одним из тех, кто возродил в Новгороде деятельность Общества любителей древности (НОЛД) в 1908 году⁶.

В задачи НОЛД входили обследование и изучение памятников истории и культуры на территории Новгородской губернии, охрана их от разрушения, просветительская работа. В течение нескольких лет было обследовано огромное количество храмов, монастырей, усадеб, археологических памятников. Стали выходить «Сборники НОЛД». Действительными или почетными членами НОЛД стали известные петербургские ученые: Н.В. Покровский, И.А. Шляпкин, С.Ф. Платонов, В.В. Майков, А.А. Спицын и др.

Председателем НОЛД в 1908–1914 годах был М.В. Муравьев, а его ближайшим помощником И.В. Аничков. Они дру-

Главный или жилой дом в усадьбе Ждани.
Фото 1907 г. НГМ. КП. 39369 (20)

жили семьями. Их жены, Людмила Анатольевна Муравьева и Надежда Степановна Аничкова, являлись также членами НОЛД.

Как председатель Предварительного комитета по подготовке XV Археологического съезда в Новгороде Иван Васильевич организовывал лекции, переписывался с учеными, обследовал Тихвинский и свой родной Боровичский уезды. Результатом его работы по обследованию усадеб в Новгородской губернии явилась книга «Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии» (1916 год), а археологических памятников — две работы: «О Корельских памятниках» и «Жальники Тихвинского уезда».

Серьезно занимаясь археологией, в 51 год И.В. Аничков поступил в Петроградский археологический институт, где прослушал (наездами) курс лекций, но экзамен сдать не успел — помешала война.

В течение 13 лет Аничков составлял отчеты Общества. В его архиве огромное количество писем. В 1915–1916 годы после отъезда М.В. Муравьева в Москву Иван Васильевич за-

После трагического 1917 года Иван Васильевич не покинул Россию. Служил в отделе здравоохранения, на почте, в статистическом бюро, преподавал историю в школе второй ступени, работал в монастырях, спасая архивы и устраивая библиотеки и музеи... Он «...наивно надеялся на действенность декретов о сохранении культурных ценностей, которые на деле оказались пустыми декларациями»⁷.

Уже будучи смертельно больным, все-таки пошел на очередное заседание НОЛД...

Наталья Ивановна Аничкова (1902–1990)

Круглолицая румяная девочка со светлыми тугими косичками радостно и открыто смотрит на нас с семейных фотографий 1910-х годов. Наташа Аничкова. Гимназистка Новгородской женской гимназии, непоседа, отличница...

«...Ты стоишь у доски на уроке Веры Владимировны. Ты великолепно знаешь урок, но простой вопрос из биографии Жуковского почему-то поставил тебя в тупик — «Как звали Жуковского?» Я вижу, что ты слегка растерялась и молчишь. «Василий Андреевич, Василий Андреевич», — надрываюсь я подсказкой. Молчишь. Наконец, ты вспомнила и торжествующе выпаливаешь: «Его звали... поэтический дядька чертей и ведьм»... (Это было дружески-насмешливое прозвище поэта в кругу приятелей — Л.П.). Никто не ожидал такого ответа на прозаическую анкету, и все стали дружно смеяться...», — это напонила Наталье Ивановне сорок с лишним лет спустя (они не виделись с 1918 года) ее гимназическая подруга Юлия Мартынова (Юлия Николаевна Никольская). Она разыскала свою любимую Наташу в глухой вологодской деревушке Борок Череповецкого района в конце 1950-х годов. И написала из далекого Ташкента, куда забросила ее судьба. «...Всю жизнь я тебя вспоминала в разных обстоятельствах моей жизни, Наташа моя, дорогая ты моя!»

Судьба детей И.В. Аничкова оказалась трагичной. Сына Василия (1900 г. р.) расстреляли на Лубянке в 1927 году за участие в контрреволюционном заговоре. А Наташу как сестру врага Советской власти исключили из университета и выслали из Ленинграда. Потом начались аресты. Красноярская, Иркутская тюрьмы... После убийства С. Кирова въезд в Ленинград ей был закрыт навсегда. С больной матерью началась скитальческая жизнь. Работала, как она пишет в своем заявлении в Прокуратуру СССР на реабилитацию в 1957 году, в «системе заповедников»: в Иркутской, Астраханской, Владимирской областях, а с 1950-го по 1975 год — в Дарвинском заповеднике, недалеко от города Вессегонска, в должности старшего научного сотрудника-гидрохимика.

Еще в 1935 году Астраханский институт морского рыбного хозяйства и океанографии ходатайствовал во Всесоюзный комитет по Высшей школе при СНК СССР о присуждении Н.И. Аничковой ученой степени кандидата наук без защиты диссертации, считая ее одним из крупнейших гидрохимиков СССР. Никакого ученого звания она, конечно, не получила никогда, хотя только на последнем месте своей работы, в Дарвинском заповеднике, подготовила и опубликовала в спе-

Семьи Муравьевых и Аничковых. Слева направо: Наташа Аничкова, Михаил Валерианович Муравьев, Людмила Анатольевна Муравьева, сын Муравьевых, Иван Васильевич Аничков, Надежда Степановна Аничкова, Василий Иванович Аничков. Фото 1912 г. Новгород

менил его на посту Председателя НОЛД. Поражает его фантастическая энергия. Он успевал работать в многочисленных общественных организациях, занимался благотворительной деятельностью.

На протяжении многих лет Иван Васильевич — гласный Новгородской губернской и Боровичской уездной земских управ, член губернского по военному налогу Присутствия, действительный член губернского статистического комитета, попечитель Колмовской психиатрической больницы. Он участвует в сборе пожертвований на развитие школ в Боровичском уезде.

В феврале 1916 года ему был пожалован Орден св. Анны II степени.

Летом семья приезжала в свои любимые Ждани. На семейных фотографиях — Иван Васильевич с женой, с детьми, на прогулке, на террасе дома, верхом или в запряженной коляске... Усадьбой Ждани Иван Васильевич владел в доле с младшим братом, а вот усадьба Масловка Шегринской волости и усадьба Концы в Любытинской волости принадлежали только ему. Эти усадьбы И.В. сдавал в аренду.

циальных изданиях шесть научных работ, посвященных изучению режима Рыбинского водохранилища.

Там же, в Весёгонске, она похоронила еще в начале 50-х годов свою мать — Надежду Степановну Аничкову.

«...По делу ОГПУ от 8 сентября 1928 года гражданка Аничкова считается реабилитированной», — это из справки Ленинградского Горсуда от 15 июля 1961 года.

Семьи у нее не было, близких друзей тоже. «Сотрудники заповедника относились к Наталье Ивановне с большим уважением, как к высококультурному, широко образованному и глубоко порядочному человеку... Соседи и многие знакомые помогали ей в хозяйственных делах — ремонте квартиры, уборке, с дровами, огородом и т. д. Умерла она осенью 1990 года, тихо и спокойно, от старости, пролежав недели две. Я ухаживала за ней и закрыла ей глаза. Мы похоронили ее на кладбище в Борке, за могилой ухаживают многие, кто ее знал и помнит...», — написала мне ее коллега М.Л. Калецкая.

Евгений Васильевич Аничков (1866–1937)

Младший брат Ивана Васильевича — Евгений — тоже родился в Жданах в январе 1866 года.

Внешне братья были не особенно похожи: в старшем, как мне кажется, через поколения проявился ген далекого татарского предка, а младший пошел в материнскую «дирижную» породу.

«Любовь к родной литературе и была той умственной атмосферой, в которой я жил мальчиком», — писал в своей автобиографии для энциклопедического словаря Венгера (1904 год) Е.В. Аничков, уже будучи достаточно известным в литературной среде ученым.

Евгений Васильевич Аничков (1866–1931 гг.). Фото 1900-х гг. НГМ. КП. 39500 (16)

Он пошел по стопам старшего брата — поступил на тот же филологический факультет Петербургского университета, где учителем его стал академик А.Н. Веселовский⁸.

Молодые братья Аничковы не избежали влияния революционных веяний того времени: были обысканы по делу А.И. Ульянова, а за участие в студенческих беспорядках в декабре 1887 года обоих исключили из университета. Ивана быстро восстановили,

а Евгению пришлось отбывать воинскую повинность вольноопределяющимся на Украине, и только в 1889 году он снова стал студентом. Окончил университет в 1892 году и был при нем оставлен. С 1895 года состоял приват-доцентом Киевского университета по кафедре западных литератур и лектором английского языка.

Неожиданный подарок судьбы в конце 1890-х годов материально изменил жизнь братьев. На их землях, в родовых Жданах, были обнаружены богатые запасы огнеупорных

глин. Землю удалось выгодно продать боровичским предпринимателям.

Старший брат потратил деньги на приобретение недвижимости в Боровичском уезде⁹, а младший — на жизнь во Франции и Англии. К этому времени он уже женился (в 1897 году) на Анне Митрофановне Авиновой, которая тоже имела отношение к литературе: под псевдонимом И. Странник писала прозу, публицистику, переводила... А.И. Авинова (1868–1935) происходила из старинного Новгородского боярского рода Авиновых (Овиновых). В ней была и грузинская кровь по бабке с отцовской стороны. Она была в полном смысле красавицей, ее литературный салон в Париже посещали А. Франс, В. Иванов, М. Волошин, М. Горький, Г. Чулков, а в Петербурге у Аничковых собирались А. Блок, В. Брюсов, Ю. Верховский, В. Чудовский.

«...Пришли Аничковы. Евгений Васильевич был блестящ, Анна Митрофановна — глубокая и чужая. Я спорил с ними весь вечер, конечно, как всегда, о славянстве, о «желтизне», о религии.

...Обедали у Аничковых... Аничков дал мне много полезных указаний и книг...», — это отрывки из дневника А. Блока, который будучи студентом слушал лекции Евгения Васильевича и сдавал ему экзамен.

Жили Аничковы в 1910-е годы на Французской набережной (ныне наб. Кутузова) в доме, где когда-то жил Пушкин, заняв десятикомнатную квартиру, где до них жил известный книгоиздатель К.Т. Солдатенков. Сохранились рассказы о том, как Евгений Васильевич, проведя ночь в бесконечных беседах, утром выпивал кофе в ресторане Николаевского вокзала и шел читать лекции в университет.

К этому времени он — профессор Петербургского университета, автор многих научных работ, достаточно известный русский ученый на Западе — читал лекции в Оксфорде, в русской Высшей школе общественных наук в Париже, в создании которой принял активное участие в 1901 году.

Докторскую диссертацию Аничков защитил в 1904 году по теме «Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян». В 1914 году в Петербурге вышел главный труд ученого «Язычество и Древняя Русь».

В фондах Боровичского краеведческого музея хранится его сборник очерков по истории западноевропейской литературы «Предтечи и Современники» (1910 год) со статьями о творчестве Э. Золя, Э. По, Ш. Бодлера, П. Верлена, О. Уайльда, А. Франса и др.

Есть у него статьи 1900-х годов, посвященные творчеству М. Горького, Л. Андреева, В. Брюсова, К. Бальмонта и др. (сборник «Литературные образы и мнения», 1904 г.); А. Блока и С. Городецкого (сборник «Последние победы русской поэзии», 1908 г.).

Он проявил устойчивый интерес к Н.А. Добролюбову, изучил и составил его биографию, писал романы, пьесы...

Е.В. Аничков активно участвовал в деятельности общества ревнителей художественного слова, выступал в литературно-артистическом кабаре «Бродячая собака», постоянно посещал знаменитую «Башню» Вячеслава Иванова. «Коноводом» общественных начинаний называл его А. Ремизов, «веселонравным ученым» — А. Амфитеатров, а для многих авторов (А.Н. Толстого, С.А. Ауслендера, В. Пяста) его колоритная фигура литературного мира 1900–1910-х годов послужила прообразом героев их произведений.

Политические взгляды Е.В. Аничкова были крайне неустойчивы: колебались от крайне правых до крайне левых.

В сущности, он, муж и отец семейства (у Аничковых были две дочери — Елизавета и Татьяна — и сын Игорь), большой и талантливый ученый, во многом до конца дней своих оставался «упрямым и задорным» мальчишкой, во многом отрешенным от реальной жизни. Свою старшую дочь, Лизу, родители крестили в Лондоне в русской посольской церкви и крестной матерью записали государыню Александру Федоровну. Однако это не мешало Евгению Васильевичу близко сходить с революционерами, за что он подвергся тринадцатимесячному тюремному заключению в 1903–1904 годах.

Есть сведения о принадлежности Е.В. к масонской ложе «Космос», куда входили А.Н. Толстой, А.В. Амфитеатров, А.А. Вырубов, М.М. Ковалевский.

«Убежденный как историк в непреложности своей формулы о повороте культурно-исторического движения с Запада на Восток, склоняясь в своих социалистических взглядах скорее к марксизму, Аничков все же народник искони и по существу...», — утверждал Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (СПб., 1911. Т. 2).

С объявлением войны, в 1914 году, Е.В. пошел добровольцем в армию, служил в Петроградском гвардейском Уланском Ее Величества полку.

Революция застала полк в Румынии. Евгений Васильевич с однополчанами поступил во французский Иностранный легион, но прослужил там недолго. В Россию уже не вернулся, хотя семья, кроме младшей дочери, осталась в России. С 1920 года он — профессор университета в Белграде, с 1926 года — в Скопле. В Белграде он продолжал писать и публиковаться. Написал мемуары, которые заканчиваются рассказом о женитьбе и признанием в том, что единственной женщиной, которую он любил по-настоящему, была Анна Митрофановна...

Умер в 1937 году. Хоронила русского ученого его квартирная хозяйка... Могила Евгения Васильевича с белой мраморной плитой находится на русском кладбище в Белграде, недалеко от памятника погибшим русским воинам — знаменитого «Черного Ангела».

Игорь Евгеньевич Аничков (1897–1978)

Он «...может быть отнесен к той плеяде русских ученых, которая, сформировавшись в дореволюционную эпоху и впитав в себя лучшие духовные традиции православной русской интеллигенции XIX века, отличалась, как энциклопедической широтой интересов, так и чувством ответственности за историческую судьбу Отечества», — эти слова из предисловия к первому сборнику «Трудов по языкознанию» И.Е. Аничкова. Сборник вышел в издательстве «Наука» в 1997 году. В составе редакционной коллегии были Д.С. Лихачев, С.С. Аверинцев, В.П. Недялков и другие известные русские ученые-филологи. Большая часть работ в этом сборнике была опубликована впервые через 25–65 лет после их написания и через 18 лет после смерти ученого.

23 мая 1897 года в усадьбе Ждани Анна Митрофановна Аничкова родила своего первенца, сына Игоря, Игу, как его звали домашние. Детство и отрочество мальчик провел за границей — в Швеции, Франции и в Англии.

Лицей окончил в Париже, где его наставником был друг

семьи Анатолий Франс. Выходные и праздничные дни Игорь (если родителей не было в Париже) проводил в доме французского писателя.

В 18 лет он окончил философское отделение историко-филологического факультета Петербургского университета. Одновременно вольнослушателем посещал занятия по теории музыки в консерватории.

В студенческие годы на лето часто приезжал в Ждани, а с ним и его младшие сестры — Вета (Елизавета) и Таня¹⁰, двоюродные — Вася и Наташа — из Новгорода. Все очень любили верховые прогулки на лошадях — отлично держались в седле. Купались во Мсте, ходили за грибами. В доме был рояль, молодые Аничковы неплохо играли...

По окончании университета защитил магистерскую диссертацию, оставлен при университете. Это был 1915 год. Уже шла война. Окончив офицерские курсы при Пажеском корпусе и получив звание поручика, Игорь Аничков вместе с отцом около двух лет — на Румынском фронте. Был ранен.

А потом... вихри событий российской истории закружили в своем водовороте молодого отпрыска старинной дворянской фамилии... То он в числе добровольцев едет в Пермь освобождать Великого Князя Михаила Александровича, то вдруг оказывается в отряде Чапаева, откуда переходит, следуя своим монархическим убеждениям, в армию Колчака...

Россию не покинул. Преподавал в Красноярском политехническом институте английский язык, а в 1922 году благополучно вернулся к матери и сестре в Петроград. С 1923-го по 1928 год преподавал в различных высших учебных заведениях. Люди, знавшие Игоря Евгеньевича в это время, запомнили его «...красивым и очень религиозным молодым человеком»¹¹, которого часто можно было видеть в Сергиевском соборе на Литейном.

В действительности, его всегда интересовали философия и богословие, заниматься которыми в советское время возможности не было, и он обратился к лингвистике и практическому преподаванию языков, продолжая всю жизнь негласно заниматься философией и богословием.

Первую (дошедшую до нас) лингвистическую работу 28-летний ученый называл «Запиской». Она содержала в сжатом виде (18 машинописных страниц) несколько фундаментальных теоретических положений лингвистики. Например, впервые была предложена концепция идиоматики как учения о сочетании слов. «Это была в высшей степени оригинальная, стройная и глубокая теория, намного опережавшая свое время», — писал академик Ю.Д. Апресян¹². Работа вызвала неподдельный интерес у ученых-лингвистов, а академик Н.Я. Марр обещал молодому ученому кабинет идиоматики в институте языков и литературы Запада и Востока.

Было это в 1927 году, а в феврале 1928 года Игорь Евгеньевич был арестован как член полутайного «Братства преподавателя Серафима Саровского», руководителем которого был талантливый преподаватель русской литературы И.М. Андреевский. Перед членами «Братства» выступали ученые и священники. Игорь Евгеньевич читал там свой доклад «Россия и антихрист». Это была не политическая организация, однако многие ее члены были арестованы и сосланы на Соловки. В том числе и «кружковцы» «Космической Академии», в которой состоял молодой Д.С. Лихачев. В своих воспоминаниях последний с большой симпатией вспоминает И.Е. Аничкова, с которым был хорошо знаком и близко общался в эти годы. В

ссылке его несколько раз навещали мать и подруга сестры, София Николаевна Иванова¹³, которая в 1940 году стала его женой.

А в 1941 году Игоря Евгеньевича выслали из Ленинграда, и этот «скитальческий» период жизни длился до 1953 года. До 1947 года он заведовал кафедрой английского языка в Архангельском пединституте, защитив кандидатскую (в 1944 году) и докторскую (в 1947 году) диссертации.

С осени 1947 года И.Е. — профессор кафедры романо-германской филологии Ленинградского университета, откуда «космополита-антипатриота» изгнали в 1949 году. Он уехал в Ставрополь.

«...В захолустном институте иностранных языков в Ставрополе-Кавказском пронесся слух — к нам едет доктор филологических наук, профессор И.Е. Аничков. Мы были поражены — тогда в нашей стране было только три доктора наук по английскому языку: Б.А. Ильин, В.Н. Ярцева и И.Е. Аничков...»

«Вскоре в преподавательской мы увидели человека в тюбетейке с клинообразной бородкой... Партийное руководство встретило И.Е. с заранее оформленным мнением — это «не наш»... Мы же, большинство преподавателей, приняли его без всякой предвзятости. Мне больше всего запомнилась его твердость при «защите своих мнений, даже бесстрашие, столь необычное для того времени...». «...Духовная атмосфера нашего провинциального вуза резко изменилась, появилась яркая личность, мощный интеллект», — вспоминали преподаватели П.Д. Полищук и Н.М. Санникова.

«...Студенты встречают бурной овацией одно лишь упоминание профессора Аничкова,.... иной раз становится просто неловко...», — недоумевал зав. кафедрой марксизма-ленинизма Ф.А. Шрамко.

В Ленинград И.Е. Аничков вернулся летом 1953 года. Он преподавал в педагогическом институте им. А.И. Герцена английский язык и английскую филологию; занимался методикой преподавания иностранных языков, общим языкознанием, английской грамматикой, но более всего (по-прежнему, тайно) — религиозной философией.

Его не печатали. Он слыл за чудака, фантазера. Но именно этот «кабинетный» ученый оказался тем, кто выступил «застрельщиком» реформ преподавания иностранных языков в школах и в вузах, где приоритетом должна была стать разговорная речь, а не пассивно-переводный метод...

Жили Аничковы в коммунальной квартире на Греческом проспекте, недалеко от Московского вокзала, где занимали две комнаты, одна из которых была без окон. В этом жилище «разрозненные антикварные предметы соседствовали с обычным ширпотребом...», на столе среди остатков фамильного серебра с монограммами и старинных хрустальных рюмок громоздился зеленый эмалированный чайник. Боярский стул в углу с высокой резной спинкой и над ним — икона в тяже-

лой серебряной оправе... Возникало ощущение, что жизнь в доме Аничковых протекала под пристальным вниманием предков: портреты военных с пышными усами и эполетами, одухотворенных женщин разных возрастов неусыпно следили за происходящим здесь»¹⁴.

Главным же богатством жилища были книги, среди которых много старинных, и рукописи религиозно-философских работ хозяина, «...выходца из другой исторической эпохи» — именно такое впечатление он производил с первой встречи. Хотя на самом деле он не был отрешенным от современной жизни мыслителем, а напротив, с огромным интересом следил за политическими событиями — по газетам, самиздату, рассказам учеников и друзей. Метко и остроумно характеризовал периоды правления государственных деятелей Ленина, Хрущева, Брежнева.

Считал бедствия, обрушившиеся на Россию, исторически неизбежными и очищающими, а воинственно-атеистическую идеологию большевиков хотя и злом, но злом в историческом плане несоизмеримо меньшим, чем равнодушное, механическое следование религиозным обрядам, принятие истины христианства на словах, но не на деле. «Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч: о, если бы ты был холоден или горяч! Но как ты тепл, а не горяч и не холоден, то из-

вергну тебя из уст Моих», — эти слова Откровения Святого Иоанна, обращенные к Ангелу Лаодикийской церкви, И.Е. относил к современности, считая большевиков, свирепых гонителей церкви, «холодными», а, значит, не безнадежными, в отличие от «теплых», т.е. равнодушных.

«Научу беззаконных путям Твоим, — любил цитировать он Псалтырь, — и нечестивые к Тебе обратятся». Религиозно-философские идеи И.Е. были близки идеям Ф.М. Достоевского. В нем непротиворечиво сочетались приверженность идеалам общеевропейской образованности и верность национальным традициям. Он верил в великое общечеловеческое предназначение России во всем ее многонациональном составе.

Подлинного признания его громадных научных заслуг при жизни так и не произошло.

Чтобы оплачивать работы машинисток, приходилось продавать редкие книги и «семейный» антиквариат.

Диапазон лишь коротенького списка работ ученого огромен: «Идиоматика и семантика», «Модальность в английском языке», «Английские адвербиальные послелогои», «Святая Русь», «Идеология Шекспира», «К вопросу о демократии», «О книге пророка Даниила», «Москва — третий Рим», «О Льве Толстом», «Ньютон о христианстве», «О книге патриарха Сергия», «Православное учение о спасении».

Последняя работа — завещание Игоря Евгеньевича — «Письма к русским юношам».

Умер И.Е. скоропостижно 21 мая 1978 года от инфаркта,

Игорь Евгеньевич и София Николаевна Аничковы. Фото 1950-х гг.
НГМ. КП. 39500 (28)

не дожив двух дней до своего дня рождения и пережив свою жену почти на четыре года. Похоронили его на Большеохтинском кладбище. Весенний день был солнечным. За гробом шли около десяти человек.

История усадьбы Ждани в XX веке

На любительских фотографиях — красивый одноэтажный деревянный дом дачной архитектуры, окруженный старинным парком с многовековыми дубами, липами, елями. Около дома — масса цветов, террасы и крыльцо увиты плющом.

Каменная Георгиевская церковь.

Тенистые аллеи и беспокойные темные омуты Мстырки...

С 1901-го по 1910 год усадьбу арендовал у братьев Аничковых швейцарский сыровар Х.П. Фраучи, приехавший в Россию в 1881 году. У него были жена Августа Августовна (в девичестве Дидрихиль) и шестеро детей, старший из которых — сын Артур — стал в дальнейшем видным чекистом, возглавлявшим контрразведывательный отдел ВЧК-ОГПУ и известным под псевдонимом Артузов. В этом доме находили приют на различные сроки семьи Ольги Августовны Кедровой и Нины Августовны Подвойской, сестер хозяйки. Их мужья, соратники В.И. Ленина, революционеры М.С. Кедров и Н.И. Подвойский, приезжали сюда, скрываясь от полиции после бурных событий 1905 года. Здесь в 1907 году хранили они часть типографского оборудования большевистского издательства «Зерно», оружие.

И, наконец, послереволюционная история старинной боровичской усадьбы имеет свои любопытные страницы.

Здесь в начале 1920-х годов располагался совхоз Балтфлота, но несколько комнат занимала «...член союза писате-

лей, ... помещица и бывшая владелица имения» Анна Митрофановна Аничкова. 2 января 1925 года она направила письмо в Ленинградское отделение Всесоюзного Союза писателей (ВСП), в котором просила принять усадьбу Ждани, вместе с имуществом, для Дома отдыха писателей. В мае 1925 года после переговоров с Новгородским губисполкомом и Боровичским уисполкомом, по ходатайству перед ВЦИКом, от 12 мая, Ленинградское отделение ВСП заключило арендный договор на передачу Жданей сроком на пять лет под Дом отдыха писателей, комендантом которого был назначен писатель М.В. Борисоглебский.

Дом отдыха просуществовал всего два года «...из-за стесненности в материальных средствах». И эти два года здесь проживала последняя хозяйка усадьбы Анна Митрофановна Аничкова.

Среди отдыхавших были писатели В.Я. Шишков (август 1925 года), Б.А. Лавренев (июль 1926 года), Е.П. Султанова-Легкова (июль 1925 года), поэт М.А. Фроман (июль 1926 года) и др.

Опустевшие комнаты старого деревянного дома вдруг огласились детскими голосами. Сюда вывозили на дачу боровичских, а позднее и ленинградских ребятишек. Для ремонта здания кожевенного завода Георгиевскую каменную церковь разобрали на кирпич.

Старший научный сотрудник Русского музея, потомок дворянского рода Макшеевых в Боровичском уезде, Тамара Павловна Наринская, рассказала, что 22 июня 1941 года их детский сад был на даче в Жданах. Всех срочно на грузовиках отправили в Ленинград, который через два месяца оказался в кольце блокады...

После войны все оставшиеся обветшавшие постройки были переданы Волгинскому кожевенному заводу и постепенно разрушены до основания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. Энциклопедический словарь / Под ред. И.Е. Андреевского. Т.2. СПб., 1890. С.786.

² Руммель В., Голубцов В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. СПб., 1887. С. 35–36.

³ В 1611–1617 гг. северо-западные земли были, как известно, оккупированы шведами, которых называли у нас «литвою». В 1613 г. московско-новгородское ополчение одержало знаменательную победу над шведами под селом Устреккой и в устье р. Белой (ныне с. Любытино). Отступая по тихвинской дороге, шведы нещадно жгли и грабили все на своем пути. Сельцо Ждани находилось как раз на этой дороге.

⁴ Михаил Валерьянович Муравьев (1867–192... гг.), из старинного дворянского рода Муравьевых (ус. Теребони Новгородского уезда), историк и видный общественный деятель в Новгороде в нач. XX в., председатель НОЛД в 1908–1914 гг., в 1919–1923 гг.).

⁵ М.Я. Марр (1864–1934), русский ученый, филолог и археолог; Н.А. Веселовский (1848–1918), русский археолог, востоковед.

⁶ В 2000 году НОЛД возродилось в очередной раз.

⁷ Петров М.Н. Крест под молотом. Великий Новгород, 2000. С. 35.

⁸ А.Н. Веселовский (1838–1906), знаменитый русский литературовед, в течение 10 лет жил на даче в ус. Волгино Боровичского уезда, рядом с ус. Ждани.

⁹ В Боровичском уезде в Хромской, Любытинской, Шегринской, Кончанской волостях за И.В. Аничковым числилось свыше 1300 дес. Земли (1914 г.).

¹⁰ Елизавета Евгеньевна Аничкова (филолог), арестована в 1927 году, сослана в Сибирь, расстреляна в 1940 году в Красноярске; Татьяна Евгеньевна (художница, скульптор) эмигрировала.

¹¹ Лихачев Д.С., и др. И.Е. Аничков: Биографический очерк. М., 1997. С. 5–45.

¹² Апресян Ю.Д. О работах И.Е. Аничкова по идиоматике. М., 1997. С. 70–87.

¹³ С.Н. Иванова-Аничкова (1897–1974 гг.) родилась на ст. Бологое Валдайского уезда Новгородской губернии. После окончания филологического факультета Петроградского университета с 1920 г. до выхода на пенсию в 1975 г. преподавала литературу в школе №30 Смольнинского района).

¹⁴ Сильницкий Б. [Из воспоминаний.]

ВЫПУСКНИЦА НОВГОРОДСКОГО УЧИЛИЩА

В 1776 году по указу Екатерины II поселение у стен Кирилло-Белозерского монастыря официально получило статус города, который был назван Кирилловом, в честь монаха — основателя монастыря. Кириллов стал уездным центром Новгородской губернии. Ещё до революции 1917 года многие кирилловские юноши и девушки продолжали своё образование в Новгородской духовной семинарии и Деревяницком епархиальном училище. Хотя в 1918 году Кирилловский уезд вошел в состав Череповецкой губернии, связь между Кирилловом и Новгородом не прерывалась, и в новгородские учебные заведения поступали выпускники кирилловских школ. Одной из них была Серафима Кирилловна Петрова (в девичестве Преображенская), закончившая в 1940 году Новгородское дошкольное педагогическое училище.

Родилась Серафима Кирилловна в 1920 году в деревне Голышово Кирилловского уезда. Кроме неё в семье было ещё четыре брата. Родители работали в колхозе, поэтому дети с малых лет привыкли к нелёгкому крестьянскому труду и старались во всём помогать взрослым. Сима была смыслённым ребенком. Когда старшие братья начали учиться в школе, девочка всегда наблюдала, как они делают уроки. Так постепенно, она сама выучилась читать. А когда Симе исполнилось семь лет, она стала ученицей Борбушинской начальной школы. С пятого класса Серафима училась в Кирилловской средней школе.

У Симы была мечта: закончить семилетку, а затем продолжить учебу и получить профессию. После долгих размышлений она, наконец, решила поступать в Новгородское дошкольное педагогическое училище. Мать не хотела, чтобы дочка так далеко уезжала от дома, потому что как раз в это время тяжело заболел отец, и жить семье стало намного труднее. И всё же Серафима вместе с двумя подружками поехала в Новгород. Ехать нужно было через Ленинград, а девчонки до этого нигде, кроме Кириллова не бывали. До Вологды плыли на пароходе, а там впервые в своей жизни увидели поезд. В Ленинграде немного поплутали, но до Новгорода добрались благополучно. Вступительные экзамены — сочинение и матема-

тику — Сима сдала успешно и в сентябре 1937 года стала студенткой. Училище размещалось на территории Кремля, в трёхэтажном здании. На первом курсе студенты жили в общежитии на улице Рабоче-крестьянской, на втором — на улице Московской, а на третьем — в здании самого училища на третьем этаже. Комнаты были большие — на 10–15 человек. В большом городе девушка была впервые, и Серафиму поразило множество церквей и памятников. Каждый день, идя в училище, студенты проходили мимо памятника, возведённого

в честь 1000-летия России, а потом по мосту, через реку Волхов, в Кремль. Во время занятий часто слышался колокольный звон, который доносился с колокольни. Недалеко от Кремля находился театр, девушки были частыми его посетителями. Администрация училища организовывала культпоходы в театр, и тогда студентки ходили на спектакли бесплатно. Иногда в педагогическом училище устраивали танцевальные вечера и на них приглашали студентов из соседнего техникума.

Здание Новгородского дошкольного педагогического училища.
Фото конца 1930-х гг.

Училась Серафима довольно легко. В училище, кроме общеобразовательных дисциплин, преподавали и специальные предметы. Студенты изучали литературу, математику, географию, историю, иностранный язык, естествознание, конституцию, военное дело, детскую педагогику, музыку, изобразительное искусство. На уроках музыки изучали биографии выдающихся композиторов и разучивали детские песни, а на занятиях по изобразительному искусству осваивали приемы рисования карандашом и красками. Особенно углублённо изучалось военное дело. Занятия проводил военный. Студенты изучали устройство винтовки и противогаза, принимали участие в стреловых, тактических занятиях. Большое внимание уделялось противохимической защите, поэтому были распространены занятия в противогазах: построение, стрельба, ориентирование.

На втором и третьем курсах все студенты педагогического училища проходили практику в детских садах Новгорода. Там они замещали воспитателей, проводили занятия с детьми, готовили детские праздники, в основном к важным календарным датам. По многим предметам экзамены сдавали летом, в

конце учебного года. Директором училища в предвоенные годы была Лидия Ивановна Нестерова.

Учиться было интересно, но жили бедно, впроголодь. Студентам выдавали в день по 200 граммов хлеба, кроме того, если они учились без двоек, — 50-рублёвую стипендию. Но денег на руки не выдавали: всё шло на оплату общежития и обедов в столовой. Питание было трёхразовым, но по вечерам уставшие девушки, как правило, в столовую не ходили, поскольку она была далеко от общежития. Многим студентам помогали родители: присылали из дома деньги, продукты. С Серафимой же мать могла поделиться только сухариками, которые сама сушила из хлеба. Когда Сима училась на первом курсе, у неё умер отец, но мать даже сразу об этом не сообщила, так как приехать домой было не на что: не хватало денег. И хотя каникулы в училище были четыре раза в год, домой Серафима ездила только на самые длинные, летние, и всё лето работала в колхозе, помогая матери.

Когда началась война с Финляндией, в Новгороде ввели военное положение. Часто объявлялись учебные воздушные тревоги. Зима 1940 года выдалась холодной, в общежитии студентов отключили воду, порой приходилось умываться растопленным снегом. Один из братьев Симы оказался на фронте и погиб буквально в первые дни войны. Пришла «похоронка», но девушка отказывалась ей верить. Позже, когда в Новгород стали привозить раненых, во многих школах города разместились госпитали. Серафима всё время ходила на вокзал и в госпитали, надеясь встретить среди раненых брата. Война закончилась, и Серафиме пришлось смириться с потерей.

Летом 1940 года, успешно сдав выпускные экзамены, Серафима закончила учёбу и уехала по распределению в Бабушкинский район Вологодской области, где стала работать заведующей детским садом в одном из лесопунктов. Там она встретила известие о начале Великой Отечественной войны. В апреле 1942 года Серафиму, в числе других девушек, вызвали в Бабушкинский райком комсомола. Там им сообщили, что в районе проводится комсомольская мобилизация. Так Сима оказалась в армии. После прохождения медкомиссии почти 200 девушек отправили в Сокол, где размещался штаб 106 батальона ВНОС (воздушное наблюдение, оповещение, связь). До Сокола шли пешком. Почти все местные девушки были обуты в лапти. Серафима пошла в сапогах и сразу же стёрла ноги. В день нужно было проходить по 25 километров. Но такой ритм движения сохранялся недолго. Спустя неделю рота оказалась в Кадникове. Там около 15 человек, в том числе и Сима, отстали от остальных, для того, чтобы подлечить ноги. Задержались они всего на один день. По прибытии в Сокол девушкам выдали обмундирование, они приняли присягу и приступили к обучению. На занятиях изучали устав службы ВНОС, тактику, устройство телефонных аппаратов, все типы советских и немецких самолётов, проходили боевую подготовку. Главной задачей солдат батальона ВНОС было опознавание самолётов. Ночью по звуку мотора, а днем по опознавательным знакам, с помощью бинокля, девушки должны были различить: чей самолёт летит — советский или немецкий (если немецкий, то какой марки), определить его курс и сообщить об этом зенитчикам, которые открывали огонь по вражеским самолётам.

У батальона было несколько пунктов наблюдения: в Со-

коле, Грязовце, Няндоме. Солдат каждой роты распределяли по разным постам. На каждом посту должно было быть по пять человек. Но обычно число солдат на посту сокращалось до четырёх, а иногда и до трёх, поэтому очень часто девушки вместо положенных двух часов вахты вели наблюдение по четыре часа. Периодически солдат переводили из роты в роту. Особенно страшно служить было в Няндоме. Там посты располагались в лесу, далеко от населённых пунктов. Наблюдатели стояли на вышках, поэтому были удачным ориентиром для бомбёжки. Немецкие самолёты бомбили прифронтовые районы почти постоянно. Кроме того, очень часто в тыл проникали немецкие диверсанты и уничтожали советские наблюдательные посты. Иногда девушки не могли вовремя обнаружить немецкие самолёты, и за это им давали от пяти до пятнадцати суток ареста.

Осенью 1943 года 106 батальон ВНОС перевели на новое место службы. Из Вологды девушек повезли по железной дороге в западном направлении. Никто не знал конечного пункта назначения. Ехали очень долго, часто делая остановки. Иногда, во время стоянки, для солдат давали концерты фронтовые бригады артистов. Наконец, в конце осени, солдаты 106 батальона ВНОС оказались в Литве, под городом Шяуляй. Здесь им предстояло служить. Служба оказалась намного тяжелее, чем раньше. Во-первых, посты находились почти у самой линии фронта, во-вторых, трудно было переносить враждебность литовцев. Сложнее стало и с жильём, и с питанием. Жили, в основном, или в освобождённых землянках, или в сараях. Из продуктов питания выдавали только сухари и кукурузную крупу, из которой варили кашу. Дополнительно всем полагались сахар и табак. Получая свою норму, девушки меняли их у местных жителей на хлеб, молоко и другую пищу.

В 1944 году 106 батальон ВНОС опять отправился к новому месту службы, в Восточную Пруссию. Там уже наблюдательные посты строили для себя сами: рыли котлованы глубиной по пояс и в них стояли, наблюдая за передвижением самолётов. Местность была сырая, поэтому котлованы постоянно наполнялись водой, да и в землянках воды было по колено. Чтобы оградить пост от нападений противника, девушки строили «оборону»: рыли траншеи высотой в рост человека, вкапывали столбы в землю и натягивали на них колючую проволоку. Близость линии фронта всё время чувствовалась: в роте, где служила Серафима, на посту погибли две девушки. Именно находясь на посту, Серафима Кирилловна услышала весть о капитуляции немецкой армии. Служила она тогда под Кенигсбергом, там и встретила День Победы.

Война закончилась, но служба девушек продолжалась. Наконец, в августе 1945 года С.К. Петрова демобилизовалась и вернулась домой, в Кириллов. В послевоенные годы жизнь её складывалась нелегко, так как здоровье, подорванное войной, не позволило работать по специальности. В последние годы своей трудовой деятельности Серафима Кирилловна работала смотрителем в Кирилло-Белозерском музее-заповеднике. И хотя немало серьёзных испытаний выпало на долю Серафимы Кирилловны, годы юности, проведённые в Новгородском дошкольном педагогическом училище, оставили светлые воспоминания в её памяти, поэтому она бережно хранит фотографии тех лет.

РЕДКИЙ ЮБИЛЕЙ ИЛИ ОДИН ДЕНЬ ИЗ ЖИЗНИ КРЕЧЕВИЦКИХ КАЗАРМ

Зима 1898 года. Кречевицкие Казармы — уже тогда довольно старый военный гарнизон. В городке более шестидесяти лет квартирует Императорская Гвардия — Лейб-Гвардии Драгунский полк. Он еще только в сентябре 1902 года по Высочайшему повелению навсегда покинет новгородскую землю и перейдет поближе к столице — в Петергоф. В Кречевицах его сменит другой полк все той же Императорской Гвардии — недавно сформированный Запасный Гвардейский кавалерийский полк. Но это еще предстоит впереди, а пока кречевицкие гвардейцы готовятся отметить одно событие полкового масштаба — юбилей своего боевого товарища — старшего вахмистра.

Так вернемся в те старые и добрые, тихие и ухоженные Кречевицы более чем на сто лет назад и посмотрим, как лейб-гвардия отмечает редкий юбилей.

Итак, 1 февраля 1898 года — в Кречевицах праздник — Лейб-Гвардии Драгунский полк чествует своего почтенного вахмистра¹, Василия Афанасьевича Константинова, по случаю его 50-летнего юбилея. Хочется с гордостью добавить, что это не просто 50-летний юбилей жизни заслуженного героя, а 50-летие его военной службы в Русской Армии. А таких заслуженных героев во всех вооруженных силах России можно было сосчитать по пальцам.

Василий Афанасьевич Константинов — уроженец села Погожено Курской губернии, из крестьян. Родился в 1828 году. В 1848 году поступил на службу в Рижский драгунский полк. В этом полку он прослужил четыре года. В 1852 году на одном из строевых смотров полка, на котором лично присутствовал Император Николай Павлович, Василий приглянулся царю своей выправкой и выучкой и... по его личной воле был переведен в гвардию и назначен в Лейб-Гвардии Драгунский полк. В 1857 году Константинов был произведен в унтер-офицеры; в следующем году пожалован в младшие вахмистры; старший вахмистр с 1863 года. Позднее, в 1867 году, он выдержал офицерский экзамен, но от производства в офицеры добровольно отказался (допускалось и такое!), вместо чего и был награжден серебряным шевроном (нашивкой на рукав), офицерским темляком и жалованьем, 100 рублей в год — большие деньги в те времена.

Константинов участвовал в четырех военных кампаниях: Венгерской, Севастопольской, по усмирению Польского мятежа и Турецкой. В них он совершил выдающиеся подвиги

и заслужил три знака отличия Военного ордена — три солдатских Георгиевских креста — самые дорогие и почитаемые награды среди нижних чинов.

Свой первый Георгиевский крест вахмистр Константинов получил в Польскую кампанию, 28 сентября 1863 года, когда третий эскадрон Лейб-Гвардии Драгунского полка проходил цепью Шлавантский лес (тогда — Сейнского уезда, Августовской губернии). Лихой вахмистр Константинов, оторвавшись далеко влево от своего отряда, наткнулся на засевших польских мятежников, около сорока человек. Когда поляки дали по нему оружейный залп, то Константинов пошел на хитрость и с криком: «Пехота, сюда!» — бросился на них. Повстанцы поверили, что он не один и бросились бежать. Один из них несколько раз выстрелил в Константинова, но, к счастью, даже не попал. Вахмистр захватил его в плен и вооруженного притащил в эскадрон.

В Турецкой кампании 1877–1878 годов Константинов участвовал во многих сражениях и делах: он был при взятии Телища и Врацы, в знаменитом Новачинском бою, который является боевой гордостью Лейб-Гвардии Драгунского полка, в сражении при Ташкисене, в трехдневном бою под Филиппополем, в деле при деревне Семидже и многих других.

Особенно Константинов отличился при взятии города Врацы и в деле при деревне Семидже. Участие в этих боях занесено на страницы истории полка: молодые гвардейцы воспитывались, слушая рассказы о его подвигах.

При взятии города Врацы, 28 сентября 1877 года, Константинов в составе эскадрона наездников догонял отступавших по городу турок, первый настиг их и свалил саблей ехавшего сзади турка, при этом захватив его лошадь. Продолжая преследовать противника, вахмистр был осыпан на повороте одной из улиц пулями от залпа пехоты, но даже не был ранен и затем, спешившись во время боя на улицах, постоянно был впереди всех. Он зарубил саблей двух турок и в рукопашной схватке собственноручно заколол штыком еще трех. Награ-

¹ Вахмистр (от немецкого Wachtmeister) — чин и должность унтер-офицерского состава в кавалерии и конной артиллерии русской армии, впервые упоминается в 1711 году. Вахмистр являлся ближайшим помощником командира эскадрона по строевой подготовке, внутреннему порядку и хозяйственным делам и соответствовал чину фельдфебеля в других родах войск. То есть, получаясь, первый после командира и старший над низшими чинами.

дой отважному герою был знак отличия Военного ордена — Георгиевский крест 3-й степени.

В деле при деревне Семидже, 6 января 1878 года, Константинов показал не только свою обычную беззаветную храбрость, но и выдающуюся распорядительность. В этот день, при движении авангарда 2-й гвардейской кавалерийской дивизии к городу Адрианополю, у деревни Семидже, головной эскадрон драгун был предательски встречен почти в упор выстрелами вооруженных жителей. Когда командир эскадрона, капитан Ахвердов, был ранен, а командовавший коноводами, прикомандированный к Лейб-Гвардии Драгунскому полку, ротмистр Кирасирского Его Величества полка Лосев, заменил его в стрелковой цепи, то Константинов привел в порядок рассыпавшихся было коноводов и, под сильнейшим ружейным огнем, отвел их за пригорок, потеряв только двух лошадей. За этот подвиг славному герою вручили знак отличия Военного ордена 2-й степени — золотой крест (вторая и первая степени Георгиевского креста сделаны из золота).

Парадный мундир заслуженного вахмистра весь украшен знаками отличия. На левом рукаве он носит: нашивку из желтой тесьмы за десятилетнюю беспорочную службу, серебряный шеврон за отказ от производства в офицеры, золотой и серебряный шевроны.

Грудь героя украшают: три знака отличия Военного ордена (Георгиевских креста), знак отличия ордена Святой Анны, три серебряные медали — «за усердие», за Венгерскую кампанию и в память коронования Их Императорских Величеств в 1896 году, четыре бронзовые медали — в память о Крымской кампании, за усмирении польского мятежа, за участие в Турецкой кампании и в память царствования Императора Николая I, серебряная германская медаль ордена «Красного Орла» и румынский железный крест.

На шее Константинов носит большие медали: серебряную, на Александровской ленте, и две золотые — на Александровской и на Андреевской лентах. Последняя медаль составляет высшее отличие для нижнего чина.

Кроме того, как прекрасный стрелок и наездник, Константинов имеет знак за отличную стрельбу и приз за выездку молодых лошадей — серебряные часы. Шашка героя, которой он так много поработал во славу родного полка, украшена офицерским темляком.

В 1897 году, Августейший Шеф Лейб-Гвардии Драгунского полка, Великий Князь Владимир Александрович пожаловал Константинову из собственных средств 15 рублей ежемесячной пожизненной пенсии.

Василий Афанасьевич прекрасно сохранился для своих семидесяти лет. Среднего роста, коренастый, с орлиным, чрез-

вычайно приятным взглядом, подвижный и бодрый, он кажется на много моложе своих лет, и только одни почтенные седины выдают его солидный возраст.

Интересно, что геройская наружность Константинова настолько типична, что послужила моделью для серебряной скульптурной группы, работы художника Адамсона, подаренной гвардейскими драгунами 10 апреля 1897 года своему Августейшему Шефу Владимиру Александровичу, по случаю исполнившегося Его 50-летия и шефства над полком. Во главе скульптурной группы — Константинов верхом на лошади с полковым Георгиевским штандартом.

Василий Афанасьевич чрезвычайно гордится высокой честью, что фигура его стоит во дворце Великого Князя Владимира Александровича.

Высокие нравственные качества почтенного юбиляра приобрели ему общее уважение и любовь. Из всего сказанного ясно, что почтенный вахмистр заслуживает, как герой и как человек, полного внимания. Это и выразилось в день празднования его юбилея.

Юбилейное торжество началось в полковой церкви святых апостолов Петра и Павла². Была отслужена воскресная литургия, на которой присут-

ствовали все офицеры полка с командиром, полковником Николаем Александровичем Яфимовичем, во главе. Юбиляр стоял на своем обычном месте, украшенный всеми знаками отличия, радостно сияющий, что Господь сподобил его дожить до такого счастливого дня. В храме заметно было значительно большее, против обыкновенного, стечение богомольцев.

После литургии был отслужен в манеже благодарственный молебен перед иконой покровителей полка, святых мучеников Хрисанфа и Дарии.

По окончании молебна, полковой священник, с иконой в руках, обратился к юбиляру со следующей речью (приводится дословно): «Достопочтейнейший Василий Афанасьевич! Лейб-

Вахмистр Василий Афанасьевич
Константинов

² Церковь построена в 1829 году, являлась пристройкой к большому манежу и была полковой церковью для частей, квартировавших в казармах и для окружавших казармы военных поселений. В 1830–1831 годах она звалась штабной церковью Гренадерского Императора Австрийского полка (впоследствии Лейб-Гвардии Кексгольмского). После перебазирования этого полка в Варшаву в 1831 году церковь значилась состоящей при 3-м округе пахотных солдат. С 1836 года по 1902 год — полковая церковь Лейб-Гвардии Драгунского полка, а с 1902 года — полковая церковь запасного Гвардейского кавалерийского полка. В первые годы советской власти была закрыта и использовалась как хозяйственное помещение. До настоящего времени здание манежа и церкви не сохранилось.

Гвардии Драгунский полк чувствует сегодня вас по случаю исполнившегося 50-летия службы вашей Царю и Отечеству. Если в наш слабый и многобоязненный век не так легко прожить только на белом свете 50 лет, то, что сказать о 50-летней службе вашей в воинском звании! Это редкое явление. Если и в настоящее время, при всей непродолжительности обязательной воинской службы, при всей ее сравнительной легкости и удобствах, еще крепко держится в нашем простом народе предубеждение насчет этой службы, и большинство воинов, отслуживших обязательный срок, на крыльях радости стремится в родные хаты, то, что сказать о вашей полувековой службе в рядах русского христолюбивого воинства, большая часть которой была делом вашей доброй воли, — службе, начатой при суровых условиях, службы, которой вы отдали всю лучшую пору своей жизни, посвятили все свои силы, и на которой обратились из цветущего юноши в убеленного сединами старца? Эта служба поистине достохвальна. Достохвальная годами, она достославна и досточестна делами, потому что пройдена с редким усердием и честью, ознаменована участием в четырех походах, украшена боевыми подвигами! Я не смею касаться подробностей этой службы, как мне малоизвестной, но скажу лишь, что вот открытая книга вашей славной службы — это ваша грудь, украшенная всевозможными знаками отличия; тут наглядно написаны все ваши заслуги и подвиги, только не записано одной заслуги, потому что для нее нет тут места, — это заслуги вашей пред полковой церковью. На вечерней заре своей достославной 50-летней воинской службы вы посвятили себя еще служению полковой церкви в скромной должности помощника ктитора и без малого десять лет с редким усердием трудитесь на пользу святого храма. За это время, можно сказать, каждая церковная свеча, каждая лепта благодетелей на храм прошла через ваши руки. Как пастырь полковой церкви, я высоко ценю ваши труды и усердие на пользу святого храма и в настоящий знаменательный день вашей жизни нахожу благо потребным и благовременным почтить вас за это хотя скромным, но священным даром — сею святою иконою святых мучеников Хрисанфа и Дарии, покровителей наших — храма и полка. Примите же, достопочтейнейший Василий Афанасьевич, этот святой дар, который хотя и не прибавит украшения вашей груди, но зато будет украшать ваше мирное жилище; на него вы будете постоянно взирать с благоговением верующего сердца, пред ним вы будете ежедневно возносить свои усердные молитвы, — молитвы хвалы и благодарения за счастливо и достославно пройденное вами поприще жизни, и молитвы прошения о том, чтобы премилосердный Господь, по молитвам святых мучеников, продлил и еще годы вашей тихой и безмятежной жизни и сподобил в

свое время христианской кончины безболезненной, непостыдной и мирной и доброго ответа на страшном и праведном суде Его. Благословение Господне на вас да пребудет всегда».

При последних словах священник благословил юбиляра святой иконой. Растроганный до слез Василий Афанасьевич с благоговением принял и поцеловал священный дар. Затем началась военно-семейная сторона праздника.

Первым долгом командир полка от имени всего личного состава и от имени Шефа полка, Великого Князя Владимира Александровича, поздравил юбиляра, пожелав ему сил и здоровья, чтобы он еще много лет мог бы украшать собою родной полк. При этом полковник Яфимович надел на старика золотые часы — юбилейный подарок однополчан-офицеров. Затем он зачитал чрезвычайно теплый и сердечный приказ. В нем была упомянута вся примерная служба достойного юбиляра и его заслуги перед Престолом и Отечеством. В конце приказа настолько ярко и задушевно выражены чувства всего полка, что нельзя не привести их дословно:

«Поздравляю от лица всех чинов полка достойнейшего

ветерана — носителя и участника боевой славы полка, Василия Афанасьевича Константинова, со днем исполнившегося пятидесятилетия его славной и примерной службы, желаю ему еще надолго сохранить силы и бодрость для службы нашему возлюбленному Государю и родному полку. Да послужит он назидательным примером для всех нижних чинов, которые, глядя на него и служа так же доблестно и усердно, увидят, что «за Богом молитва, а за Царем служба никогда не пропадают».

Затем наступили самые торжественные минуты: командующий парадом, полковник Здроевский, командовал полку: «Слушай, на караул!» — и герой-юбилар вместе с командиром полка, рядом, при звуках полкового марша и громких криках «ура», обошли фронт полка. С чувством глубокого уважения, весь полк отдал честь носителю и участнику своей боевой славы.

После этого уже полк прошел церемониальным маршем мимо ко-

мандира полка, рядом с которым стоял Василий Афанасьевич. Парад закончился. Полковник Яфимович пожаловал всему личному составу полка по чарке водки, и, по старому русско-му обычаю, все выпили за здоровье старика-юбиляра.

Затем все офицеры отправились в полковое собрание³ и торжественно, с полковым маршем, встретили своего любимца. Василий Афанасьевич вошел в полковое собрание вместе с командиром полка, был всеми приветствован — рукопожа-

«Родному полку бывшие лейб-драгуны в память его столетия». Художественная группа работы скульптора Адамсона, поднесенная полку в день его юбилея.

³ Ныне это находящееся на ремонте здание летной столовой, квартирующего в Кречевицах авиационного полка.

тием, словесно и целованием, и тут же был удостоен редкой чести — принятия его в офицерскую среду на правах равного, с заменой, с его стороны, отдания чести поданием руки всем, включительно до командира полка, и с правом свободного входа в офицерское собрание. В честь юбиляра был дан праздничный завтрак. Юбильяр сидел между командиром полка и его заместителем. Когда полковник Яфимович, с бокалом в руке, обратился к Василию Афанасьевичу с речью, в которой от лица всего полка еще раз поздравил его и пожелал ему всех благ, старик-юбильяр сказал в ответ:

«Ваши Высокоблагородия! Сижу я теперь здесь в ангельском собрании и думаю, какого почитания я дождался. Дай вам, Господи, многия лета и душевного спасения, и быть здоровыми навсегда, и на войне быть храбрыми героями. Покорнейше благодарю вас, господа офицеры, за доброту вашу, за хлеб за соль. Я сегодня словно на небе был, да лет на пять помолодел. За здоровье, и, во-первых — нашего командира полка, и за всех господ офицеров, и за наших молодцов лейб-драгун, — чтобы были всегда героями. Ура!»

Во время завтрака, поручик Николай Николаевич Гульковский прочитал свои стихи, посвященные юбиляру:

*Теперь сидит здесь между нами
Защитник четырех Царей,
Герой, украшенный крестами,
Участник славы наших дней.*

*Полвека прослужил ты с честью,
Твоя заслуга велика;
Слова мои не будут лестью:
Ты — гордость нашего полка!*

*Сейчас Драгуны обращались
К престолу Вышнему с мольбой,
Чтоб дни твои не прекращались,
Служитель мирный и герой.*

*Да! Все мы можем поучиться
У ветерана-старика,
Пред сединами преклониться:
Его заслуга велика!*

Затем полковым адъютантом, штабс-ротмистром Желтухиным 1-м, были прочитаны телеграммы от однополчан — бывших командиров Лейб-Гвардии Драгунского полка, генералов Иванова, Зыкова и Ризенкампа, и бывших эскадронных командиров юбиляра, генералов Ширма, Гульковско-го и полковника Здановича. Приятно, что в Русской Армии были такие хорошие традиции и бывшие однополчане, далеко продвинувшись по служебной лестнице, не забыли своего вахмистра — всего лишь старшего из нижних чинов. Просто-та и сердечность телеграмм заслуживает того, чтобы привести некоторые из них.

От командующего 1-й кавалерийской дивизией:

«Поздравляю Василия Афанасьевича с доблестным 50-ти летним служением. Дай Бог здоровья и еще на многие лета. Генерал Зыков».

От командира 2-й бригады 4-й кавалерийской дивизии,

отца поручика, прочитавшего задушевные стихи:

«В знаменательный день полувескового служения Престолу и Отечеству честного солдата, доблестного воина, образцового начальника, дорогого моего бывшего вахмистра-помощника, крепко тебя обнимаю, Василий Афанасьевич, пью за прошлое, молю Бога, да продлит твою старость в полном благополучии, счастья и здоровья тебе в награду, нам — драгунам — подольше видеть в тебе пример истинного Царского слуги. Генерал Гульковский».

От командира Лейб-Гвардии Атаманского полка:

«Поздравляю полк с достойным честным юбиляром. Родному полку желаю, чтобы в рядах его не переводились такие почтенные служаки. Генерал Ширма».

От начальника Деркульского Государственного Конского завода:

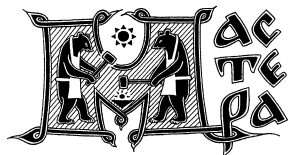
«Сегодня, в знаменательный для тебя день пятидесяти-летнего служения в рядах славного Лейб-Гвардии Драгунского полка, прими от старого сослуживца товарищеский поцелуй, привет, поздравление и пожелание еще долгие годы здоровой, бодрой старости, дабы служить живым назиданием и примером грядущим поколениям молодых драгун честной, славной и верной службы знамени родного полка. Пью за твоё здоровье. Не забывай старого товарища. Полковник Зданович».

Интересно, что во время завтрака гвардейцы послали приветственную телеграмму о состоявшемся юбилее Константинова самому Августейшему Шефу полка, Великому Князю Владимиру Александровичу, командующему войсками Гвардии и Петербургского военного округа, на которую Его Императорское Высочество сразу же удостоил прислать следующий ответ: «Сердечно благодарю Моих драгун, и надеюсь еще долго видеть в их рядах представителя славного боевого прошлого всегда дорогого Мне полка. Владимир».

Как и следовало ожидать, после завтрака все офицеры, во главе с командиром полка, отправились домой к юбиляру, поздравить все семейство, где сам Константинов выступил в роли радушного хозяина. И здесь, в мирной домашней обстановке, почетного ветерана поздравили снова — и его самого, и его почтенную супругу, и его детей (двух сыновей и дочь, уже самостоятельно и счастливо устроившихся), — с юбилейным праздником и пожелали им всем счастливой долго-летней жизни.

А в семь часов вечера торжество продолжилось уже в помещении 3-го эскадрона, в котором Василий Афанасьевич служил вахмистром. Там, за столом, собрались самые почетные из нижних чинов полка — вахмистры и все сверхсрочные. Командир эскадрона поднял чарку в честь старика-героя, сказав при этом очень теплые слова. Ответил юбиляр по военному — кратко и ясно, поблагодарил от всей души и при этом добавил: «Служите по совести и начальство вас не забудет. Старайтесь так служить, чтобы понять своих начальников: тогда вы их полюбите, и они, в свою очередь, будут вас любить».

Незадолго до полуночи тишину и покой Кречевицких Казарм нарушили громкие крики «Ура!» — это старые гвардейцы-драгуны несли домой на руках своего товарища-юбиляра.

«КАКОВ ИНСТРУМЕНТ, ТАКОВ И МАСТЕР»

«Без снаряда и лаптя не сплетёшь»¹ гласит народная пословица. Костык, щемялки да нож — вот тот нехитрый инструмент, который применялся для плетения из бересты и по которому без труда узнаешь мастера-берестяника. Для заготовки коры необходимы были топор, пила, нож-косяк, деревянная лопатка и сочилка (или сочалка).

Современные мастера часто не могут обойтись без ножниц, хотя крестьяне их никогда не применяли. Так же для работы над некоторыми берестяными изделиями, например, туесами требуются линейка, шило, карандаш и циркуль. Как мы видим, инструменты, за исключением костыка, щемялок, деревянной лопатки и сочилки, вполне обычные, известные и привычные в повседневном обиходе. Поэтому мы остановимся на костыке, щемялках, деревянной лопатке и сочилке.

Костыг, костык, кочет, кочеток, колок, калачик, колочик, котач, каточик, коточиг, кочедык и др. — все эти названия относятся к одному и тому же предмету — основному инструменту плетельщика. В деревнях Новгородской области в крестьянской среде бытует, в основном, название *костык*, но иногда можно встретить и *кочедык*. Такое многообразие названий одного и того же инструмента объясняется тем, что крестьяне подчас самопроизвольно видоизменяли названия часто используемых предметов. К тому же это происходило от довольно широко распространённого в русских говорах смешения звонких и глухих согласных звуков².

Учёный Д.К. Зеленин нашёл в словарях начала XX века около 20 названий инструмента. Он поделил их на четыре группы, объясняя происхождение каждой группы использованием одного и того же корня в словах, с одной стороны, и естественными внутриязыковыми изменениями, с другой³. Первая группа, такие как *костыг* и производные от него, происходят от слова *кость*, то есть материала для изготовления кочетыка. Вторая группа — кочеток от слова *кочет* — крюк. Потом кочеток могло быть заменено на кочетык, окончание *к* на *г*, а глухая согласная *т* могла быть заменена, как часто бывает в русских говорах, на *д*. В результате появился термин *кочедыг*. Тре-

тья группа образовалась от слова *колок* — *кол*. *Калачик* могло стать уменьшительно акающим от *колок* и т. д. И четвёртая группа: *котач* и уменьшительные от него являются видоизменением слова *каток*, *каточик* (чем катают). Или *коток* — уменьшительное от слова *кот*, в значении — снабженный когтями.

Есть у этого инструмента и другие названия. Особенно среди этих названий стоят термины *свайка* и *швайка*. Корень у этих слов тот же, что и у слова *шить*⁴. У русских эти два названия до нашего времени не дожили, но их можно встретить у украинцев и белорусов⁵.

Существует и другая точка зрения на происхождение слов *кочетык*, *кочедык*, *коточик*, *кодочиг*, *коточиг*. Основа всех этих слов происходит из тюркского языка, где обозначает сапожное шило и переключается с новогреческим «орудие сапожника»⁶.

В деревенской среде бывало часто так, что один и тот же термин использовался для названия разных инструментов. Например, словом *костыжок* (уменьшительно-ласкательная форма от *костык*) называли и портняжную иглу: «...иголки были костыжки, костыжком под верёвочки подбираем»⁷. Подобный же инструмент типа шила применялся древними новгородцами для шитья коробей из древесной коры бересты и луба.

Интересно наблюдать плавное движение живого языка на примере только одного слова.

Костык — инструмент в виде плоского изогнутого шила с острым выгнутом концом и ручкой-«ложкой». С его помощью продергивали лыки сквозь плетельные стежки. Про него в народе сложена загадка «маленький, горбатенький, все дорожки знает».

Костык вырезался из твердых пород дерева (яблоня, груша), вытачивался из свиных и бараньих костей, из костей крупного рогатого скота или ковался из железа. В Новгородском музее хранится великолепный кованый костык из археологических раскопок, который датируется XIII веком и еще один, сделанный из кости, изготовленный в XV веке. Подобные инструменты были найдены также в Киеве (стальной инструмент), и в Литве (костяной)⁸. Процесс плетения требовал того, чтобы костык был прочным.

Твердость материалов, из которых он изготавливался, иногда бралась для сравнения в житейских ситуациях: «Ну, Миколай, и замерз ты, как костыг стал. Садись к печки да грейся»⁹.

Плетельный инструмент этот пользовался особой любовью у мастеров. Это видно по зафиксированным в словарях выговорам «Вытень лычко из-под кочедычка», «Кочедык иль костыг горбатенький, падка-выривашь им и плятут с пятки, а потом головку»¹⁰.

О широком распространении и особом отношении к этому инструменту говорит и тот факт, что, например, в начале XX века в Новгородской губернии существовала деревня под названием Костыгово. А в конце XV века — Кочетыгово¹¹. По России такие примеры не единичны.

Современный костыг можно сделать из затупившейся или ненужной отвёртки, вырезать из ветки яблони или груши, а можно заказать кузнецу и копию традиционной формы. Длина такого инструмента обычно 16–18 сантиметров. Ширина рабочей части 1,8 сантиметра.

Следующий инструмент, необходимый для плетения, это щемялка или щемилка. Деревенские мастера называют так расщепленный с одного конца прутик, который используется для зажима берестяных лент. В Новгородском областном словаре зафиксированы и другие функции щемялок как расщепленной с одного конца палки, которую применяли для ловли змей, и как приспособления для поддержки лучины у свечка¹². По всей видимости, происхождение названия связано с непосредственной функцией инструмента что-то защемлять, зажимать, удерживать. Современные городские мастера в качестве щемялок используют, например, обычные бельевые прищепки, а иногда даже канцелярские скрепки.

Мастера-крестьяне в наших краях не признают таких городских новшеств и по-прежнему используют деревянные прутики в виде своеобразных зажимов, сделанных наскоро из подручного материала. На изготовление щемялок идут обрезки прутьев ивы, черемухи, рябины и так далее. Прутик срезается на конус с двух сторон одного конца и потом с этой же стороны, поперек плоской части, слегка надкалывается. Количество и размеры щемялок могут быть различными. Это зависит от изделия, которое намечается плести. Чаще всего щемялки следующих размеров: длина 8–10 см и ширина 1–1,4 см.

Для изготовления небольшого лукошка (6х6 лент) мастер обычно использовал пять щемялок и во время плетения свободную от работы он обычно держал во рту, чтобы «не потерять» и легче (быстрее) применить в нужный момент. Об этом рассказал нам Иван Андреевич Петухов (1906 г. р.) из села Уторгош Шимского района Новгородской области, заметив, что во рту её легче найти.

А теперь перейдём к инструментам, необходимым

для заготовки коры. Два мастера, из шести нами опрошенных, сообщили, что при заготовке использовали специальные деревянные лопатки, которыми помогали винтовому движению ленты, «чтобы лучше вести, откалывать бересту», как пояснил нам Баршников Михаил Дмитриевич, мастер из Демянского района Новгородской области. Такие палочки можно было вырезать прямо в лесу, но сухая, заранее заготовленная — всё же лучше. Делали её из берёзы или дуба и, вероятно, произвольных размеров. Какого-то специального названия за ней в нашей области не закрепилось. В некоторых регионах её называют *пазил* от слова *пазить*, то есть делать паз, выемку в бревне при строительстве, например, дома¹³. Иными словами, пазило — это род долота для такой работы. В словаре В. Даля можно прочитать: «Пазить луб, бересту, скалывать, сбивать с дерева, распоров кору вдоль»¹⁴. В Новгородской же области слово *пазило* не закрепилось за этой деревянной лопаткой.

Интересно, что и американские индейцы снимают огромные толстые пласты бересты для изготовления каноэ и крупных предметов обихода иногда так же с помощью деревянных клиньев¹⁵.

Ещё один интересный инструмент для заготовки бересты называется *сочалкой*¹⁶. Он необходим для заготовки (снятия) сколотней (цилиндров) со ствола берёзы. При помощи этого инструмента отделяют кору от дерева, загоняя его между двумя слоями коры и древесины в отпиленной, по размеру будущего сколотня, заготовке. Для этой же цели на Северо-Западе России использовали иногда словый или рябиновый клин¹⁷. Это плоский, сантиметров 30–40 в длину и с деревянной ручкой на конце металлический стержень. Если вы расплющите стальной штырь диаметром 5–6 миллиметров таким образом, чтобы он имел размеры 8–9 мм в ширину и 2 мм в толщину, закруглите края, зачистите всё полотно мелкой наждачной шкуркой, с одной стороны приделаете крепкую ручку, а с другой заострите, то у вас получится хорошая сочалка. Для удобства в работе лучше сделать ручку на 3–4 см выше полотна инструмента, то есть дважды согнуть конец штыря под прямым углом.

За последнее десятилетие на территории Новгородской области нам не удалось обнаружить мастера-крестьянина, который бы делал туеса с использованием сколотня или хотя бы мог рассказать о способах их заготовки. Поэтому не представляется возможным узнать у «очевидцев» более точно, существовавшие в старину новгородские названия инструментов. Термин *сочалка* можно связать с глаголом *сочить*. В Новгородской области это слово означает «снимать, сдёргивать кору с дерева»¹⁸. Основа этого слова *сож* имеет значение заболонь дерева¹⁹.

Крестьяне особо не заботились о внешней отделке инструментов. Главное для них была их функциональность. Часто инструмент, небрежно сделанный,

с годами как бы «прирастал» к руке и становился удобным и «красивым». Красота такого инструмента была в самой его целесообразности. Ведь в любом случае, в инструменте отсутствовало всё, что мешало бы крестьянину работать.

Городские мастера наоборот стараются отделать инструмент со всей тщательностью, «подогнать» по руке, сделать изящной ручку. Городские возможности позволяют мастеру больше разнообразить свой инструментарий, и во многом, благодаря этому, появляются всё новые и новые техники в обработке материала. Так, например, тиснение на плоскости берестяного листа при помощи прокатки сквозь два стальных валика, или специальные приспособления для одновременной нарез-

ки нескольких берестяных лент, или использование детской швейной машинки для пробивания отверстий в краях многочисленных сувенирных берестяных коробочек и так далее. Есть рациональное зерно во всех этих новшествах, но многие ли из них останутся, приживутся в многоликой среде мастеров? Очень часто такие новшества можно отнести на счёт сиюминутной потребности, незнания традиции, тривиального вкуса. Как только кто-то начинает ставить изделия ручной работы на поток, так тут же изобретаются всё новые приспособления для более быстрой обработки материала. И, как следствие, исчезает неповторимая свежесть изделия, традиционная форма, выверенная за долгие века усилиями сотен и сотен мастеров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Даль В. Пословицы русского народа. Т. 2. М., 1984. С. 26.

² Зеленин Д. К. Терминология лапотного дела. Из книги Памятники культуры народов Европы и Европейской части СССР. Л., 1982. С. 139, 140.

³ Там же. С. 138–140.

⁴ Там же.

⁵ Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 205; Зеленин Д. К. Терминология лапотного дела. С. 138.

⁶ Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских, палеоазиатских языков / Под ред. Б.В. Болдырева и др. [РАИ, сиб. отд. Институт филологии]. Новосибирск, 1977. С. 320.

⁷ Строгова В.П. Новгородский областной словарь. Новгород, 1993. Вып. 4. С. 127.

⁸ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 205.

⁹ Строгова В.П. Указ. соч. С. 127.

¹⁰ Строгова В.П. Новгородский областной словарь. Новгород, 1994. Вып. 4. С. 131.

¹¹ Секретарь Л.А., Филиппова Л.А. Бытовые берестяные изделия в коллекции Новгородского Государственного объединенного музея-заповедника. Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. Л., 1981. С. 427–428.

¹² Строгова В.П. Указ. соч. Вып. 12. С. 115.

¹³ Строгова В. П. Указ. соч. Вып. 7. С. 88.

¹⁴ Даль В. Толковый словарь в 4-х томах. М., 1994. Т. 3. С. 11.

¹⁵ Richard C. Schneider. Crafts Of The North American Indians. Published by R. Schneider, Publishers. Wisconsin, 1972. P. 195; This is the way we make our baskets. By Dorothy and Matthew Titus. Minto. Alaska, 1981. P. 12.

¹⁶ Барадулин В. А. Сельскому учителю о народных промыслах. М., 1979. С. 12.

¹⁷ Ларин О. Солнце в рукавице / Сост. Е. Фролова. М., 1994. С. 98–99.

¹⁸ Строгова В. П. Указ. соч. Вып. 10. С. 126.

¹⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, в 4-х т. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачова. М., 1986. С. 435.

Ульрих Моргенштерн, молодой немецкий учёный-фольклорист, окончил Гамбургский университет, где изучал восточную славистику и музыковедение. В настоящее время работает над диссертацией, посвященной традиционным русским музыкальным инструментам Северо-запада России. Хорошо владеет русским и английским языками. Родился в 1964 году во Фрайбурге в семье психотерапевта. Увлёкся игрой на балалайке в возрасте 13 лет. С его слов, звуки балалайки впервые услышал подростком в Париже, в русском кафе, и с тех пор не смог преодолеть в себе желание научиться на ней играть. И когда позже соседний класс в его школе собирался в турпоездку по России, он сделал всё, чтобы попасть в эту группу туристов-школьников. Так он впервые побывал в Новгороде. Наверное, Ульрих тогда и не думал, что когда-то, очень скоро, ему одному придется путешествовать по нашим необъятным заповедным просторам. Творческий интерес и природная настойчивость сделали своё дело, так как, думаю, не много найдётся в наше время иностранцев, желающих совершать фольклорные экспедиции по нашей стране в одиночку.

Превосходное знание русского языка, огромная любовь к традиционной русской культуре тому залог. Мы можем убедиться в этом, читая его статью, написанную по-русски.

Как можем мы иначе, чем трепетно, бережно, относиться к нашей традиционной культуре, если молодые учёные из высоко организованной Европы не считают зазорным увлекаться ею, ездить в экспедиции по забытым Богом русским деревушкам и писать на эти темы диссертации, пропагандируя неповторимую русскую фольклорную музыку на весь мир.

Как можно иначе, чем в степени «превосходно» отнестись к этому материалу, написанному с таким вниманием и уважением к людям, которые сохранили эту совершенно далёкую и, на первый взгляд, малоинтересную для молодого немецкого учёного культуру.

Как не восхититься такому удивительному интересу не только к русскому фольклору, но и русскому языку. Ульрих, несомненно, один из самых ярких молодых представителей европейской школы фольклористов.

Владимир Ярыш

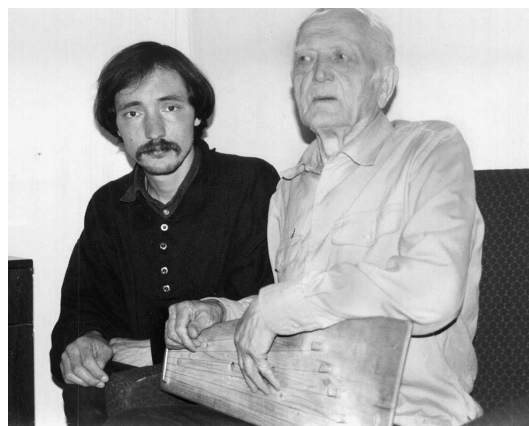
Ульрих МОРГЕНШТЕРН

НАМ ЭТО ИНТЕРЕСНО

В 1983 году мне с группой немецких школьников впервые довелось побывать в городе на Волхове. У всех у нас остались сильные впечатления от замечательных памятников архитектуры, но, может быть, ещё более от встреч с новгородцами. В это время приёмы западных туристов в России часто носили несколько официозный и принуждённый характер. Но наши встречи, к счастью, выглядели совершенно иначе. Здесь — наше общение с людьми воспринималось очень спокойно, естественно и открыто. Уже тогда как бы промелькнул дух некоторой свободы.

Двенадцать лет спустя, зимой 1995 года, я имел счастливую возможность побывать в Новгородской области с фольклорной экспедицией. Вначале предполагалось, что отправимся в поездку вместе с Владимиром Ивановичем Ярышем, с которым я познакомился на международной конференции в Санкт-Петербурге, куда он привозил знаменитых народных музыкантов, гуслиаршу М.П. Степанову и певицу В.Я. Григорьеву. Однако совместная экспедиция состоялась только летом 1998 года; хотя в первый раз я ехал по маршруту, предложенному Владимиром Ивановичем, который поддерживали его коллеги и друзья на местах.

До новгородских экспедиций я неоднократно имел возможность познакомиться с музыкантами в северной Белоруссии, на Псковщине и в Архангельской области, куда я

Ульрих Моргенштерн и Н.П. Никифоров (1914 г.р.).
Фото В. Ярыша

ездил вместе с участниками фольклорной студии А.В. Ромодина (Санкт-Петербург), а так же на Рязанщине, где побывал с Л.М. Ивлевой (1944–1995), безвременно ушедшей из жизни. С 1994 по 1998 год велась самостоятельная экспедиционная работа в Псковской области. В настоящее время я готовлю диссертацию по инструментальным традициям средних регионов Псковщины.

Фольклорист-исследователь, знакомый в некоторой

степени с традиционной инструментальной музыкой России, у новгородских музыкантов может найти немало характерных особенностей в репертуаре и исполнительском стиле. Но об этом речь пойдет позже. Прежде всего, мне бы хотелось от всего сердца поблагодарить исполнителей — музыкантов и певцов, — которые уделили мне драгоценное время, чтобы познакомить меня с совершенно удивительным миром своего искусства. И это искусство не ограничивается пением и игрой на инструменте — в него входит и особое умение владеть живым словом, общаться с собеседником. Всем вам спасибо за вашу музыку, за ваше необычайное гостеприимство и, не в последнюю очередь, за ваше терпение по отношению к бесконечным вопросам фольклористов!

К сожалению, всех талантливых исполнителей и прекрасных людей здесь перечислить невозможно, но хочется назвать хотя бы некоторых из них. Это упомянутая уже гуслища Марфа Петровна Степанова из села Мошенского с её особенно выразительной манерой игры и пения. Гуслища, исполнитель на «бологовке» и блистательный рассказчик, Никита Петрович Никифоров, из деревни Сухолжино Хвойнинского района, незаурядно виртуозный гармонист В.И. Григорьев, балалаечница К.Л. Силина с её огромным исполнительским темпераментом (оба из Мошенского). Гуслища Е.М. Баскова и певица А.П. Григорьева из деревни Шестерня Хвойнинского района — особенно яркий и хорошо сыгранный дуэт. Рожечник и гармонист Н.Г. Яковлев и в совершенстве владеющий инструментом гармонист П.Н. Носов. Не только замечательный гармонист, но и незаурядный певец И.П. Корнев из города Валдая. И особенно приятно была встреча с молодым преподавателем педагогики С.М. Ёлкиным, уроженцем Мошенского района. Никогда я ещё не встречал музыканта его возраста, который в такой манере владел бы игрой на гармонике — хромке. Фактически, его исполнение не отличается от игры старых мастеров.

У меня создалось впечатление, что новгородские музыканты и певцы очень хорошо понимают, что они последние свидетели традиционной крестьянской культуры и что именно от них зависит, сколько об этой культуре будут знать их потомки. А ведь интерес к ним далеко не всегда проявлялся так сильно, как мы это видим в последние годы. Ещё в 1983 году в одном из сборников Научно-методического центра народного творчества и культурно-просветительской работы редактор с горечью указал на то, что «местные работники культуры и руководители сельских советов, к сожалению, знают о них [о народных исполнителях], как правило, очень мало (или даже ничего не знают) и не подозревают, мимо каких сокровищ народного искусства они проходят»¹. Да и сами народные музыканты, впервые столкнувшиеся с интересом к ним приезжих фольклористов совершенно уже отвыкли от той мысли, что их ис-

кусство кому-то ещё может быть нужным². Но времена меняются и, как мне кажется, особенно на Новгородчине.

Фольклорист, занимающийся в настоящее время собирательской работой в новгородской деревне, во многом пожинает плоды бескорыстного труда тех, кто многие годы ездил к пожилым исполнителям и помогал им — после долгого периода презрения к их искусству — укреплять в себе самоуважение как к художникам и восстанавливать творческие силы. Лично я хочу здесь принести благодарность В.И. Поветкину и В.И. Ярышу, которые постоянно ездили к последним гуслищам, предоставляли им подходящие инструменты, приглашали их на фольклорные концерты и фестивали. Так же я благодарен и руководителям фольклорных ансамблей Н.Б. Бобровой из посёлка Хвойная и Л.М. Прокофьевой их Мошенского, которые оказали неоценимую помощь в экспедиционной работе. На меня произвел огромное впечатление тот непоколебимый идеализм, с которым эти люди в самое трудное время следовали избранному ими пути.

Традиционная инструментальная музыка Новгородской области, к сожалению, почти не изучена. Разумеется, и мы сейчас не сможем дать какой-либо обобщённой характеристики. Местный репертуар чрезвычайно богат и разнообразен. Записи, собранные нами за несколько дней, требуют многолетнего и кропотливого изучения. Да порой и трудности, с которыми приходится сталкиваться, исследуя эти неповторимые наигрыши и песни, говорят уже немало об изучаемой традиции.

Музыкальный символ Новгорода — это, бесспорно, крыловидные гусли (по современной инструментоведческой терминологии — крылатая цитра). Они занимают главное место в уникальной коллекции новгородских музыкальных древностей, хорошо известной как в русской, так и в мировой науке, по работам В.А. Колчина и В.И. Поветкина.

О традиции гусельной игры, однако, до недавнего времени, сохранялось немного сведений. В Институте русской литературы и искусства РАН (Пушкинский дом) в Санкт-Петербурге находятся фонозаписи гусельной игры 60-х годов. Позже фольклористы Санкт-Петербургской консерватории, под руководством А. М. Мехнецова, а потом В. И. Поветкин и В. И. Ярыш собрали обширный фактический материал. Эти инструментоведческие документы ждут ещё своего часа, и без них трудно сделать какие-либо выводы. Хочется, однако, заметить, что Новгородские гусли по изготовлению, а видимо, так же и по исполнительским приемам, сохранили в себе во многом старинные черты, которые отчасти утрачены в гусельной традиции Псковщины, где на виду влияние модернизированных крылатых цитр

² Целый ряд грустных, но ценных наблюдений по этому поводу имеются в статье Л.М. Ивлевой и А.В. Ромодина «Раньше старинка никому не нужна была, а сейчас пришли за ней». В сборнике памяти Л.М. Ивлевой. РИИИ. СПб., 1999.

¹ Лапин В. Наигрыши на гармонике-хромке. Новгород, 1983. С. 4.

«Под песни», село Мошенское, Валентин Григорьев — гармоника-минорка,
Варвара Григорьева — пение. Нотации Ульриха Моргенштерна

Музыкальный нотный текст, включающий вокальную партию и фортепианное сопровождение. Текст песни:

Дорогой за лёточка, себя сгу
била ро-зо-чка.
А ещё сгу била я-жи-ву да лёко от те-бя.
Говорят: «Не па рочка, мо-ло-де-ць
кий за ба-во-чка»
С кем-нибудь гу-лять-то на-до, ми-ла-я то-ва-
ро-чка.

народов Прибалтики, а также же оркестровых гуслей, созданных Н.И. Приваловым. Новгородская гусельная игра отличается особенно мягким тембром, постоянная смена аккордов секундового родства порой вызывает ощущение функциональной неопределенности и легкости гармонического движения.

Другая яркая сторона новгородской инструментальной традиции — трёхрядная «бологовка». Некоторые музыканты ещё бережно хранят эти небольшие гармоника, обладающие сильным, резким, но в то же время светлым и чрезвычайно приятным звуком. Хорошо сохранились «минорки» со своим мягким, бархатным тембром, и, конечно, «хромки» фабричные и заказные. На балалайке весьма виртуозно играют и мужчины, и женщины.

Как и во многих других регионах России, в Новгородском крае традиционный инструментальный репертуар по структуре, функции и терминологии делится на две основные группы: «под песни» и «под пляску». Следует ещё указать на пастушеские сигналы. С песнями под музыку связаны уличные шествия молодёжи, посиделки, проводы рекрутов, а также кулачные бои мужчин («игра под драку»). В научных публикациях эти «инструментально-вокальные формы» (термин санкт-петербургского музыковеда Ю.Е. Бойко) часто называются *частушками* поскольку размер поэтического текста совпадает с общеизвестными частушками. Народные исполнители, в свою очередь, применяют термин *частушка* преимущественно к тем общерусским наигрышам, которые во многих регионах возникли лишь в 20-е годы или позже («Подгорная», «Страдания», «Цыганочка» и т. п.). Местные наигрыши «под песни» наоборот носят в себе черты старой инструментальной практики. Так, например, в игре псковских гармонистов можно найти немало исполнительских приёмов, характерных для волынки, одного их любимейших инструментов скоморохов в России, давно вышедшего из употребления.

Наблюдения за псковской традицией отчасти подтвердились новгородским материалом. Игра «под песни» на Новгородчине необычайно сложна. Гармонисты редко придерживаются одной устойчивой формулы. Форма наигрыша принципиально аperiodична. Это требует от музыканта постоянного напряженного внимания к своей игре и особенного творческого отношения к процессу формирования, не говоря уже о мелодическом рисунке, артикуляционных штрихах и прочее.

Вторая группа — это традиционные плясовые наигрыши. Во многих регионах России они представлены формой «Русского» («Барыня») и знаменитой «Камаринской». Яркая особенность новгородской традиции — исключительное богатство местного плясового репертуара, в который входит (часто так же с названием «Русского») огромное количество разнообразных наигрышей, неизвестных или не записанных в других регионах. В плясовом жанре, так же как и в наигрышах «под песни», часто не совпадают инструментальная и вокальная партии.

В прошлом наигрыши обеих групп исполнялись и на

пастушеских рожках (с одинарным бьющимся язычком — в инструментоведческой терминологии называемых *жалейкой*). В настоящее время, однако, рожечники знают лишь исключительно пастушеские сигналы.

Для наигрышей новгородских музыкантов порой трудно применяемы привычные категории музыковедческого анализа. Если, в целом, в исполнительском стиле гармонистов других регионов вполне легко определить, например, основной тон, метрический акцент, то здесь эти ориентиры часто не срабатывают. Или, скорее всего, их надо применять условно, не исключая другие решения. Вот так народные музыканты учат нас не гоняться за будто бы «объективными закономерностями» народного творчества, а пристальнее всматриваться в каждый наигрыш. Конечно, можно, и даже нужно обозначать общие тенденции и композиционные принципы там, где это позволяет материал, но на этом пути абсолютной истины быть не может. На разнообразном материале возможны и различные выводы. Они могут и должны существовать рядом, дополняя друг друга³.

Встречи с музыкантами и певцами новгородских деревень на меня произвели неизгладимое впечатление. И не только не меня — несколько раз я имел возможность показывать видеосъемки своим немецким коллегам на разных конференциях. Трудно сказать, что у них вызвало большее удивление — необычайное мастерство музыкантов или сами люди, которые, несмотря на все тяжести прожитой жизни, да и настоящего времени, смогли сохранить в себе человеческое достоинство, крепкий дух и огромную внутреннюю энергию.

Иногда меня спрашивают: «А зачем Вам это всё? Неужели у Вас в Германии нет своего фольклора?» Фольклора в том понимании, которое принято в России (преимущественно крестьянское творчество) в Германии, действительно, почти уже нет, но дело не в этом. Рациональный ответ на этот вопрос найти довольно трудно. Конечно, можно говорить о том, что знание других культур расширяет кругозор, помогает преодолеть предрассудки и узконациональную предвзятость, ведет человека к более глубокому пониманию своей собственной культуры. Всё это очень важно, особенно в наше время. Но такие соображения вряд ли могут дать первый толчок, чтобы приблизиться к традиционной культуре другого народа. В начале притягивает нечто другое, от чего потом отказаться невозможно. Кстати, музыканты этот вопрос почти никогда не задают, а если все же задают, то сами уже где-то чувствуют ответ на него. Они знают цену своему искусству, и для них вполне естественно, что могут быть люди далекие от деревенской среды, для которых это искусство очень много значит.

³ Здесь вспоминается меткое (и довольно смелое в своё время) замечание И.И. Земцовского: «Совпадение ясности с истинностью — счастливая редкость в науке». «Стиль, жанр, форма» в издательстве ARTES POPULARES. Будапешт, 1985. С. 48.

Тамара СИГАЛОВА

GUTEN MORGEN, ГЕРМАНИЯ

Писать о чужой стране всегда страшно. Ибо наши первые представления о ней, первые мгновенные впечатления зачастую являют парадный фасад этой страны и этого общества. Но, увы, визы отпускают нам очень недолгий срок и потому я, осторожничая в оценках, просто постараюсь рассказать о том, что более всего поразило и врезалось в память.

В Кёльн мы приехали утром. Уже в поезде (ехали из Вупперталя) окунулись в начинающийся массовый спектакль под названием «Форум сексуальных меньшинств», который должен был состояться в этот день в Кёльне. На всех остановках в вагоны врываются с воплями, песнями, свистками чрезвычайно оригинально одетые люди. Вернее — раздетые. То, что было прикрыто — являло собой ярких цветов перья, лоскуты бьющих в глаза тканей, украшения типа наручников на руках и ногах. Чем ближе мы подъезжали в Кёльну, тем веселее становилось в поезде. Но «необычные» люди ни к кому не приставали,

не хулиганили, резвились сами по себе. И выглядело всё это очень забавно, во всяком случае, хмурых лиц я не увидела, народ просто от души потешался.

Томики, лесбиянки и иже с ними отошли на задний план, как только я увидела рукотворное чудо света — Кёльнский собор. Захватывающее дух сооружение взметнуло к небу свои островерхие башни, с которых мудро глядят на землю святые всех веков.

Древний, много выстрадавший, более 250 лет сокрушаемый, сильно пострадавший в войну от бомбёжек (экскурсоводы подчёркивают, что бомбили американцы), собор постоянно подновляется, реставрируется, всерьёз охраняется государством. Шла служба. Звучал орган, с хоров, как с небес, слетало тихое пение, католические священники творили таинство. Прихожане сидели на деревянных скамьях, у каждого в руках — Библия. Со стен, с великолепных витражей смотрели на людей святые, мне показалось, смотрели с укором на строгих ликах. В нишах, в мерцании огромного количества маленьких свечей, сделанные руками талантливых зодчих фигурки Божьей Матери и Христа. Возле этих ниш, в перерывах между службами толпится много людей со всего света. Здесь становятся на колени, молятся, вызывают к нашей общей Матери с просьбами. Пожилые — плачут, молодые — теснее прижимаются друг к другу. И все — зажигают маленькие свечи, вкладывая в мерцающий огонёк свои надежды на помощь...

А на площади возле собора бесновалась жизнь. Мужчины в дамских туалетах, с ярким макияжем, шотландцы в клетчатых юбочках, которые они демонстративно задирали, показывая своё естество, продавцы пива, одетые только с фасада, перевитые узкими кожаными полосками женщины — смешной, забавный маскарад людей, которых, очевидно, не отягощают думы о хлебе насущном, о том, где жить, во что одеться. Причуды Европы, богатой и процветающей...

Кстати, очень высокий уровень жизни Германии, позволяющий успешно решать социальные проблемы, определяет и поведение людей и настроение. С завистью смотрела я на отлично одетых, весёлых пожилых людей, многие из которых передвигаются с

Кёльнский собор

Художник творит на мостовой Дюссельдорфа

помощью металлических поддержек. Я не видела беззубых, унылых, плохо одетых. Инвалидные коляски спокойно въезжают в автобус, площадка которого накрывается на остановках. У пожилых — интенсивная, полная смысла жизнь. Они гуляют по улицам, сидят в кафе, в парках, общаются, делают покупки в магазинах, при желании, эти покупки им доставляют на дом. Они, конечно, же, рассчитывают свои пенсии и пособия, но денег хватает и на еду, и на одежду, и на оплату коммунальных услуг. Государство постоянно заботится об их здоровье, предоставляя бесплатные страховые свидетельства, которые позволяют получать квалифицированную медицинскую помощь и необходимые лекарства.

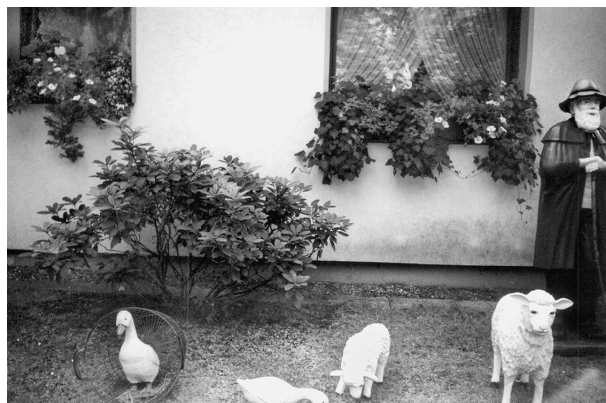
Особой любовью, заботой окружены дети. Они — самая привилегированная часть общества Германии. Детям дарят не только улыбки, ласку, для них — многочисленные парки, игровые аттракционы, море самых прелестных игрушек, костюмчиков. Всерьёз обидеть ребёнка — действие уголовно наказуемое. И вся эта забота вовсе не исключает серьёзного и разумного воспитания человека цивилизованного общества.

...Прямо на мостовой вместе с учительницей дети рисуют мелками увиденное ими рядом. Идёт своеобразный урок рисования. Взрослые с улыбками осторожно обходят малышей. Учебные программы рассчитаны на 13 лет, есть бесплатные школы, есть гимназии, где учатся особо одарённые дети. По желанию родителей и при наличии данных ребёнок может

получить музыкальное, художественное образование. Посещение музеев, картинных галерей, заповедников, постоянные экскурсии по городам — в учебных планах. Особенно трогательна телевизионная программа Ки/Ка (Киндерканал). Видимо создатели этого телеканала не забыли своего детства: забавные сюжеты, смешные человечки, зверюшки. Любовь к животным воспитывается с пелёнок. В парках можно покормить ланей, уток, посмотреть на взлетающую цаплю, в прудах полюбоваться рыбами. И что очень отрадно — бездомных собак и кошек нет вовсе.

Я не буду писать здесь восторженных слов о переполненных товарами магазинах, где постоянно идёт уценка товаров, о роскошных рынках с самыми экзотическими овощами — здорово это конечно. Но истинный восторг вызывают немецкие дворiki возле домов. Это истинные произведения искусства. Подвесные вазоны с яркими цветами, скульптурки животных, дома, увитые красными и жёлтыми розами — восхитительны. Никаких заборов, живые изгороди и — цветы. Всё это стоит огромного труда, усердия. Но такова традиция.

Три недели в Германии пролетели незаметно. Пора собираться домой, по дому начинаешь скучать нестерпимо. И пусть бы наша Россия вошла в число

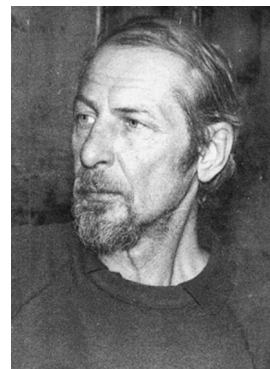
Типичный немецкий дворик с малой скульптурой

стран, открывших границы, и пусть бы немцы безвизово ахали возле нашей Софии, или на Ярославовом дворище. Как бы хотелось не выяснять отношения, а дружить с людьми других стран, перенимать у них лучшее, дарить своё.

Будет ли так?!

Юрий БОЛЬШАКОВ

ШАГНУТЬ НАВСТРЕЧУ КРАСОТЕ

Скучно, господа... Из рук все валится. И наковальня, моя кормилица, уже надоела. И горн уже не греет, а обжигает. Устал... Да и отпуск уже приспел. Как это у Визбора: «Нет мудрее и прекрасней средства от тревог, чем ночная песня шин...» Все, еду!

В Париж хочу. Опять. Как в том анекдоте: «Был?» «Нет, но уже хотел». Смотрю на неоттопыривающиеся (во выдал слово!) карманы и понимаю: «Не потяну...» Анталия, Хургада? Тоже большой знак вопроса. А не махнуть ли мне на мою и предков моих родину? Чего я не видел за границей?

Впрочем, ничего не видел. Был на Украине, в Литве, Латвии, но тогда это еще не была заграница. Еще видел Китай, правда, из-за Амура.

Все, решено, еду. Ах, эти сборы в дорогу! Это уже начало праздника.

А оказалось, так легко собраться.
Решить, договориться, позвонить,
С горящими долгами рассчитаться.
Что не отдать — на время позабыть.

Закинуть в сумку полотенце, мыло.
Краюху хлеба, а воды любой нальет,
Да карту, чтоб ясней в дороге было.
Ну, вроде все. Вперед, судьба зовет!

Сказать родне любимой: «До свиданья»
Ведь раз решил, чего же зря тянуть,
Чем меньше слов, тем легче расставанье,
За спину сумку и скорее в путь.

Плевать мне на удобства Автотранса,
Волнения, что билеты не достал.
Мне важно, чтобы ветер дальних странствий
Три волоска на лысине трепал.

Коль есть дороги, — значит, есть машины,
И кто-нибудь куда-нибудь возьмет,
И запоют свои напевы шины,
Шофер, где надо, тормознет.

И вновь дорога под капот ложится,
И леденящую тоску уносит прочь,
И сердце веселей в груди стучится,
Так бы и мчал по ней я день и ночь.

Дорога — это радость новой встречи,
Ее азарт — адреналин в крови.
И расставанья — это тоже лечит.
Дорога — суть экзамен для любви.

Да здравствует дорога, от порога
Ты нас ведешь до самого конца.
Нет ничего прекрасней, чем дорога.
За это стоит воспевать Творца!

За спиной остались Бронница, Крестцы, Окуловка. Равнина сменяется холмами. Чувствуется, что рядом Валдай с его возвышенностью, и места стали живописнее. Наша Приильменская низменность — она низменность и есть. Во всех смыслах. Умны были мои предки, раз решили жить вот здесь. А вот и Боровичи — город моей, да и, по существу, всех Большаковых, юности.

Ах, как боялся этой встречи я,
Тянул, тянул, но больше нету сил.
Боровичи, здесь родина моя,
Которую я не забыл.

Капот машины воздух рвет тугой,
Лишь два часа и я уже у цели,
И вот он городок над бурной Мстой,
Она все та же — перекааты, мели.

Четыре года здесь топтал подошвы я.
Шагнув из школы, пацаном еще,
И здесь, прощаясь, руки жал друзьям,
Чтоб автомат закинуть за плечо.

А техникум наш около вокзала
Стоит после пожара, как слепой,
Он вроде есть, а вроде и не стало.
Как жаль терять — ведь он для нас родной.

Он помнит, верно, моего отца...
Тут он учился, бегал на свиданья,
И с этого затертого крыльца
Шагнул на фронт навстречу испытаниям.

Вот общежитье, сетка во дворе
Для волейбола, но уже чужая.

Напомнила о дальней той поре...
Как далека ты юность золотая.

Мое окно на третьем этаже
И лестница пожарная при нем,
Не впустит ночью нас уже оно,
Чтоб до утра не мокнуть под дождем.

Ждала общага всех в любой момент,
И мы ее по-своему любили,
Сегодня не для нас в окошках свет,
Но мы ведь здесь когда-то были.

А главное — нашел я здесь друзей.
Они друзья мне и не судят слишком строго.
И потому милей Боровичей,
Не встретил я, хоть видел в жизни много.

Веселый угол, ГДК, пятак.
Полыновка, Усть-Брынкино, Вельгия.
Кому названья эти лишь пустяк.
А для меня здесь началась Россия!

Ночь в Боровичах, и я снова в дороге. Кончанское. Суворовские места. Музей, Светелка. Диорама. И пеишом в Сопины. Сопины — это древняя деревня. Уже в 1564 году о ней писали в летописи. Но появилась она гораздо раньше, это несомненно. А люди здесь жили еще в III тысячелетии до н.э. Во как! Это не я придумал — так говорят ученые, а они зря трепаться не будут. Предки по бабушке моей, Мариш Дмитриевне, наверное, из них. А по дедовой линии — за какую-то провинность высланы были из Войска Донского. Так говорят, — теперь уже не проверишь. А жили дед с бабкой и, соответственно, прадед с прабабкой в деревне Деревково — это километров десять от Сопин на север. Но деревни уже нет...

Русские деревни умирают...
Сколько нет, — теперь не сосчитать
Будто целые страницы выдирают
Книги, что забыли прочитать.

Книги нашей памяти с тобою,
Где смешались слезы, радость, боль.
И дороги, ставшие судьбою,
Павших кровь и пота злая соль.

Кое-где уже в прорехах крыши,
От других и не найдешь следа,
А они кричат, захочешь — так услышишь,
Это надо слышать иногда.

Добивались сказочного чуда,
Не щадили близких и чужих.
И забыли, что мы все оттуда,
Что и я, и ты — ничто без них.

Ведь они поили и кормили,
И учили верить, ждать, любить,
Совесь, совесь в нас они вложили,
И за все за это погубить?

Корни подрубили, размечтались,
Рты пооткрывали, ждем плоды
И, увы, уже почти дождались —
Закрывает солнце тень беды.

Дом был большой, удобный и шумный. Первый этаж был кирпичный, второй — холодный, деревянный. Под окном росла большая яблоня, так что ребяташки осенью рвали яблоки, не выходя из дома. Но пришла новая власть, и все поломалось. Выселили семью из своего дома и пришлось ей обосноваться здесь, в Сопинах. Надо идти проводить деда с бабкой. Как им там лежится?..

По старому кладбищу хожу,
Имен так много... Кем вы были? Кто вы?
Брожу я долго и не нахожу...
Ну, наконец, Табличка. Большаковы.

Уж сорок с лишним пролетело лет.
Мальчишкой был, мы хоронили деда.
Я помню, поднялись тогда чуть свет,
Работу скорбную чтоб кончить до обеда.

Полсотни верст — не близкая дорога,
Но бабка здесь и он сюда хотел...
Лежат, а дочки, сыновья далеко,
Лишь сын Василий лечь до них успел.

Не вышло из погоста здесь, в Сопинах,
Приюта для фамилии моей.
Один нашел пристанище под Пинском,
Отец — среди мерзлых Колымы камней.

Шумят все так же сосны в вышине
О скорбном, о возвышенном и вечном,
О жизни, о разлуках, о войне.
Заботах будничных, и о делах сердечных.

А век кончается, все кончится когда-то,
Нелегкий, черный для России век.
Все изменилось — то, что было свято,
Ничто сегодня, слаб стал человек.

Неправда, что конца дорогам нету,
Любая упирается в погост.
Вы можете объехать вокруг света,
Но каждый в этом мире только гость.

И я умру, меня зароят где-то.
Но не на этом кладбище, не тут,
И, интересно, на могилу деда
Мои потомки также забредут?

А детей у деда с бабкой было девять. Вот на чем стояла Земля Русская. Один сын, Василий, умер подростком. Четверо других получили образование, и пошли на войну офицерами. Двое, Александр и Евгений, с нее не вернулись. Андрей и Николай, мой отец, пришли с войны, но сейчас их уже нет. Из четырех теток нет уже старшей, Мариш. Трое живут, и, дай Бог, им еще пожить. Тетки Мариш, Анна, Таня были учи-

телями, а Клавдия — счетоводом, а потом секретарем сельского Совета в Волоке, под Боровичами. Вот такая семья... Смотрю на старую фотокартонку и думаю...

На старом фото год тридцать седьмой.
Сопины, школа и березок ряд.
И дед мой Павел, немолодой,
Ему на фото лет под шестьдесят.

А рядом дети: Нюра, Таня, Саша.
Наверно, это где-то в сентябре.
В костюме Александр и галстук даже,
Чуть отвернулся — солнце на дворе.

Он этим летом ездил поступать
В Орел далекий, чтобы стать танкистом,
Но дед — кулак, а значит: «Отказать!»
Не зря свой хлеб жевали там чекисты.

А он поступит, только через год,
В сороковом лишь станет офицером.
А там война — не всем на ней везет,
И танк сгорит под вражеским прицелом.

В руках сестричек полные портфели,
Им весело — закончен школьный день,
Устать еще, конечно, не успели,
Но видно, что учиться уже лень.

А дед с бумагами, он в школе здесь учитель.
Задумался, тревога на лице,
Хоть с виду все спокойно, мирно, чинно,
Всё гложут, гложут мысли об отце.

Кулак... В лесу без вести так и сгинул
А вся недвижимость — лишь двухэтажный дом,
Пахал на дом, не разгибая спину.
Ведь больше дюжины детей по лавкам в нем.

Отобран дом просторный, свой, родной.
Две комнатухи — их жилье при школе.
Кумач, хлестая, реет над страной.
Они не знают, что случится вскоре.

А беды не приходят по одной.
Сгустились тучи, пожирая свет.
Село Сопинны, год тридцать седьмой...
Меня еще не будет десять лет.

А школа стоит. Правда, сейчас в ней какая-то база отдыха. Церкви — Суворовская каменная и старая деревянная, стоят, но какие же они страшные. Люди их терзали, время не щадило, да еще ураган несколько лет назад «обласкал». Вот судьба... Как у людей. Били их, унижали, ссылали, из домов выгоняли, а они флаги красные на праздники вывешивали и планы перевыполняли. «Умом Россию не понять» — воистину. А церкви жалко. Хоть бы Суворовскую восстановить. Все-таки память о нашем национальном герое...

В Сопинах церкви без крестов
Чуть живы, среди ивовых кустов,
Настежь двери, дремлют сиротливо
Позабытые, обласканы крапивой.

А бывало, тетки говорили,
Эти церкви, как невесты были,
И взлетали певчих голоса
Чудные, пронзая небеса.

Пахло ладаном, и головы кружились,
Тлели свечки, образа светились,
Было сладко и немного страшно,
Ну, а за воротами что, — не важно.

Колокольня, протыкая небеса,
Обнимала звоном здешние леса.
И не только лишь за верою в Христа
Шли сюда, — манила красота.

Но начало есть, так жди конца,
Будто кто-то поменял сердца,
И колокола летели вниз,
Выполняя злой Кремля каприз.

Храмы жаль, но ведь сегодня можно
Жизнь вдохнуть в них, хоть и очень сложно,
Чтобы вновь святая красота
Возвратилась в эти чудные места.

Ну, все, никого у меня здесь больше не осталось, кроме тех, что лежат в земле, а с ними я уже пообщался. И снова дорога...

А дорога дальше, дальше мчится.
Так длинна она, что просто жуть.
То она двоится, то троится...
Прямо ехать или в сторону свернуть?

Хорошо герои в сказках жили.
Чуть развилка — камень на земле.
Четкие инструкции там были,
Что, в какой случится стороне.

Влево — жить красиво вам и справно,
Прямо — можешь голову сложить,
Конь с копыт — коли поедешь вправо.
Выберешь и нечего тужить.

А сегодня — сплошь чулки на мордах,
То ли киллер это, то ль ОМОН.
Доллары в кармане — смотришь гордо,
«Деревянные» — не жизнь уже, а стон.

И куда свернуть — сам черт не знает,
Даже доллары нам не помогут тут,
А дорога дальше убегает,
Взлеты иль паденья вас там ждут.

И развилок бесконечно много,
И не ясно, что на них вас ждет.
Все равно, да здоровствует дорога!
В путь скорей и пусть вам повезет!

Здесь недалеко живет мой старый друг и учитель кузнечного дела, Пакселев Виктор Андреевич. Обещал заехать к нему. Заехать или нет?.. Нет, не поеду. Потому как знаю, что там ждет меня. Осмотр хозяйства, разговоры, а потом — пьянка. А я еще после Боровичей не просох.

И снова дорога... А дороги у нас уже хорошие. Если не асфальт, то все равно ровные и ухоженные. Вот только ездят по ним теперь мало. Некому и не на что. Дорогое теперь это удовольствие.

Лес сменился на хвойный — оно и понятно — впереди Хвойная. На пару дней остановлюсь у тети Тани. Она младшая из теток, и фамилия даже у нее осталась наша. А живет она в поселке Ракитино, что стоит на чудном Ракитинском озере — рыбном, красивом, большом и облюбованном (губа не дура) питерскими дачниками. Охи, ахи, разговоры, воспоминания и топленое молоко — давно я не пил такого. Разговоры были очень интересными, а молоко еще вкуснее.

И опять в путь. Любытино (мы говорили раньше «район» — это наш райцентр). Каменка. Говорят, что здесь, а не в Москве, родился Суворов. Дальше Артём...

Шелест шин, как песня вечная.
Спуск и вновь опять подъем.
Промелькнет машина встречная.
Стоп! Приехали — Артём.

Все знакомо мне до боли здесь:
Бугорок любой, кусты.
Сотни раз уже измерен весь
Путь недалекий в две версты.

Вот Обломовка, заросший пруд,
Барский дом на берегу.
Сколько раз мы собирались тут —
Я теперь припомнить не смогу.

Костерка лучи неяркие
Держат пробки поплавок,
И угли с шипеньем жаркие
Рыб нам жарят — лежбаков.

Сколько жутких былей, небyleй
Я мальчишкой тут слышал.
Жаль, магнитофонов не было,
Я б все это записал.

Беды, горести, сомнения,
Накопившиеся днем.
Предавались здесь сожжению,
Улетали вверх с огнем.

Дружбы и добра законы вечные
Я попутно постигал,
И врагов своих доверчиво,

Благородно здесь прощал.

Ах, Обломовка, заросший пруд
Свой бальзам на память льет.
Вспоминать приятно все мне тут,
Но Зарубино уж ждет.

Ждет ли? Наверное, ждет. Но больше-то этой встречи жду я. Столько связано с этим поселком. Здесь я родился. Отсюда я ушел в жизнь. Здравствуй, Зарубино!

Позабыл я многие названия,
Но вот это крепко в память врублено.
Говорю, а кто-то ноль внимания,
Мне ж оно, как музыка — Зарубино.

Терриконы ввысь взметнулись пирамидами.
Ну, Египет, и стою я рот раскрыл.
Двадцать лет с их взлетами, обидами
Мы не виделись. Стою я, все забыв.

Но к тебе, шахтерский мой поселок,
Сколько раз во сне я приходил!
Наяву же, несказанно долог
Путь случился. Ты меня простили?

Над копрами шахты плыли звезды,
Звали лозунги «Сверх плана глину дай!»
Под землею прорубались версты,
И гудел наш «Голубой Дунай».

Пели соловьи, крутились шашни.
А орали как, когда играл «Шахтер»;
Если супер-форвард наш, Башашкин,
С левой забивал победный гол.

Научился здесь я слышать, помнить, верить,
И отсюда в мир большой пошел.
Дорог для меня, родной он мне ведь,
Много видел я, а лучше не нашел.

Дай же Бог, чтоб скинув комья лени,
Помнил каждый, где увидел свет,
Приходил и преклонял колени
К малой Родине, неся ей свой привет.

Опять на колеса наматываются километры. Ветер свистит, душа поет, жизнь продолжается. И вот уже Волок — большое село. старинное и красивое. Здесь живет Клавдия — еще одна моя тетка. В детстве я часто гостил у нее. До сих пор помню её мед, она держала пчел, от которых я один раз бежал аж до Мсты. А какое вкусное молоко давала нам комлатая корова Ветка! В селе две церкви, а когда-то было четыре. Мста протекает вдоль всего села. Она здесь рыбная и красивая. Ах, Волок, Волок...

Я помню в детстве в Волоке, над Мстою,
Завидовать мальчишкам всем устав,
Карабкался я, словно за мечтою,
На дерево, колени ободрал.

А позже, щелкая орехи,
Вниманием друзей своих задет,
Я думал, для какой потехи
Кедр вторнул в землю чей-то тут прадед?

И вспомнил я о кедре том случайно,
Увидев рощу с сотней свежих пней,
Красивая была необычайно,
А вот теперь ряды полениц в ней.

Ведь были же они нужны когда-то
Березки людям в этой вот глуши
Не для стропил и ручек для ухватов,
Не на дрова, а просто — для души.

Что где продать и что купить призывы,
Фанфары праздников и буден маята,
— Коль будет хлеб, так значит, будем живы,
Ну, хлеб-то есть, а как же красота?

А как же шепот тихий светлой рощи?
О чем она вздыхает у реки,
Когда заря свои лучи полощет?
Забыли это даже старики.

Забыли мы, что можно удивляться,
Увидев в поле рыжую лису,
И ярким мухомором восторгаться,
Алмазной паутиночкой в лесу.

Русалки, черти — ни во что не верим.
Сегодня нас ничто не удивит.
Чего тут удивляться — в клетках звери,
А роща? Да пускай себе горит.

Но можно просто в руки взять лопату,
Рвануть от «телика», рекламы ужас где,

Без лишних слов, высоких и крылатых,
Шагнуть самим, навстречу красоте.

Двадцать минут, и я в Боровичах. Поднимаю руку. Тормозит УАЗик. Знакомые. Повезло, или мир так тесен?

И опять несется прочь дорога,
Вновь уносит в неизведанное нас.
Так устроено, что хочется потрогать
Все, что неизвестно нам сейчас,

Для одних она ковром ложится,
Для других — петляет средь кустов.
Обгоняя ветер, кто-то мчится,
Кто-то этот мир взорвать готов.

Поворот, а что за ним, кто знает?
Что судьба на этот раз повернет?
То ль погладит вас и приласкает,
То ли в грязь с размаху вас швырнет.

Даже в снах, бывает, не приснится
Злоба туч и неизбежность тьмы.
Ведь не зря в народе говорится:
«Не далеко от тюрьмы, да от сумы».

Все равно, да здравствует дорога!
Хоть она порою и трудна.
И, как здорово, что их на свете много.
В путь! И ни покрышки вам, ни дна!

Новгород встречает меня темнотой. Улицы пусты. Четыре дня не был я дома, а кажется, целый месяц. На душе тепло и покойно. Действительно, дорога лечит. Спасибо, дорога, что ты была, есть и будешь всегда.

Тамара СИГАЛОВА

Медовое лето
липами пахнет,
Берёзою пбрит
и щедро одарит
И лугом, и лесом.

Лукошки, ведёрки,
мальчишки, девчонки,
Мордашки в малине,
под небом, под синим.

Мальчишки, девчонки,
ладошками к солнцу,
Вам — радость в оконце,
медового лета —
янтарного цвета.

Заболело у Ксюшки ушко.
Очень хочется Ксюшке заплакать.
И пожаловаться на несчастье.
Только смотрит на Ксюшку
Настя.

Если только сестренка заплачет,
Настя сразу устроит рёв.
Потому очень терпит девчушка,
Прижимает ладошку к ушку,
Улыбнуться старается Ксюшка.

Мне не страшно на окошке,
Смело вниз гляжу.
Помашу ладошкой кошке,
«Здравствуй», — ей скажу.
Скорчу рожицу вороне,
Зарычу на пса.
Хорошо мне на окошке,
Топать ножкой,
строить рожки,
глядеть на чудеса.

Милизяка

Что-то страшное
стоит на балконе —
Это дедушкина милизяка.
Очень хочется её потрогать,
Большую такую, огромную.
А дедушка не разрешает.
Я попрошу его, жалобно, жалобно.
Он улыбнётся и разрешит.

Анатолий Сергеевич Мищенко. Доцент кафедры ИЗИ и МП НовГУ. Член Союза художников России. График. Преподаёт рисунок, композицию, печатную графику на факультете искусств и технологий.

Для творчества этого художника-графика характерен свободный, «живой» рисунок. Это портреты, фигурные композиции, пейзажи, выполненные в технике пастели, угля, сангины.

В последнее время обращается к живописи, чтобы полнее, объёмнее выразить свои мысли, чувства. Одна из живописных работ — триптих «Белые ночи» — экспонируется в музее изобразительных искусств. Анатолий Мищенко полон новых замыслов. Главное чего ему не хватает — это времени.

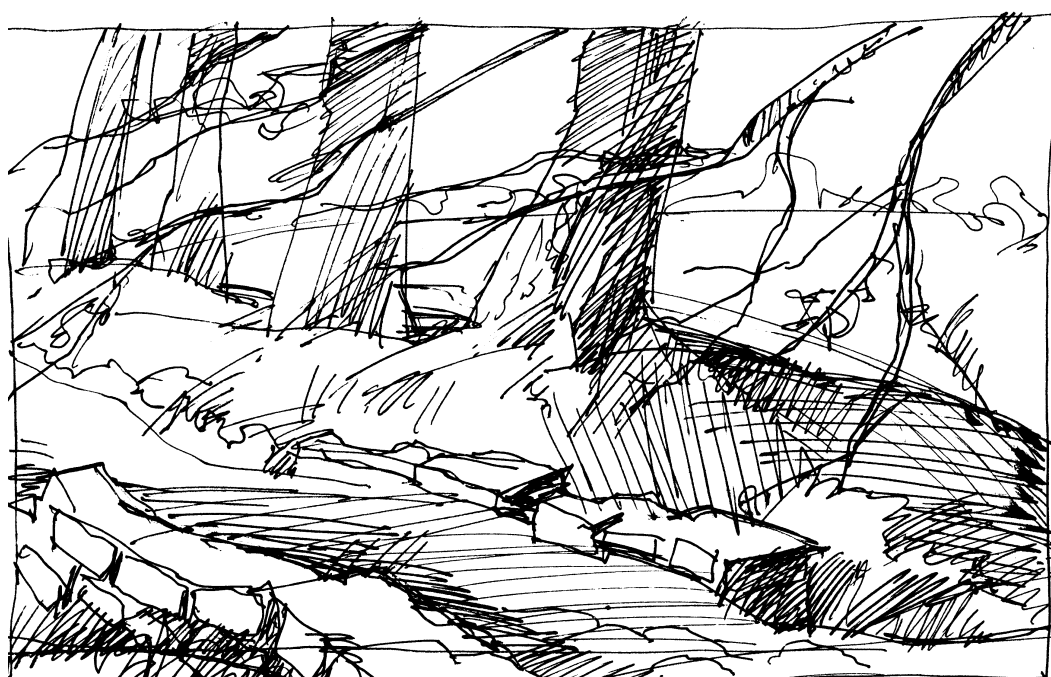
Вид на Ярославово дворище

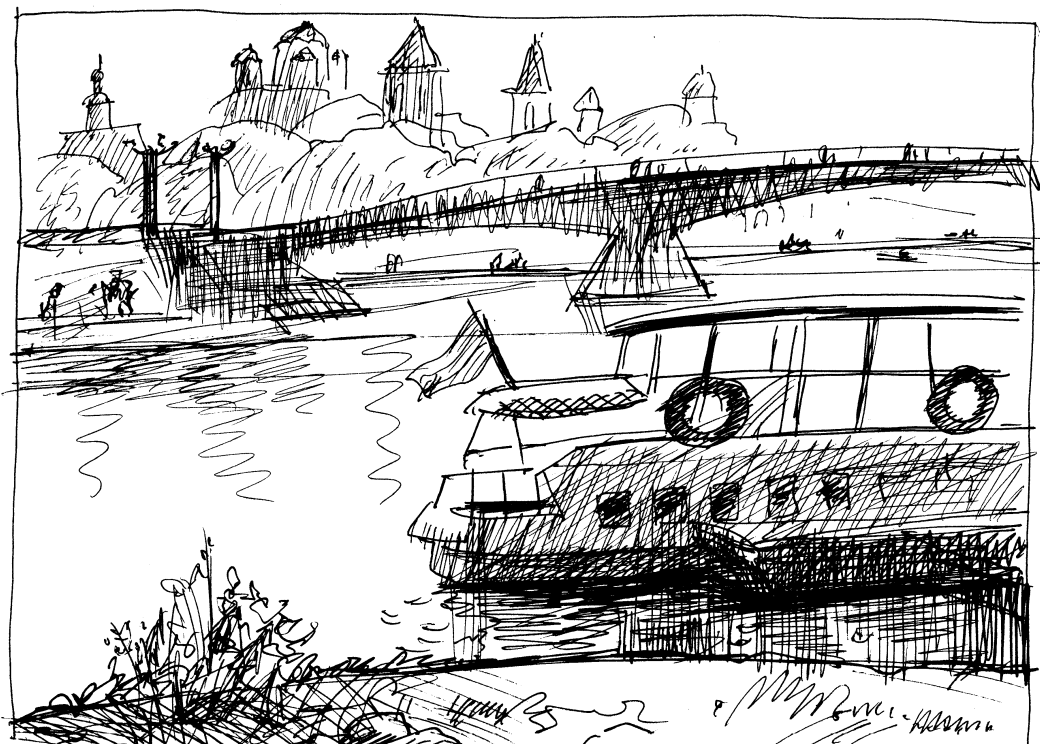
Вид на Никольский собор из двориков

Вид на кремлевские башни из парка

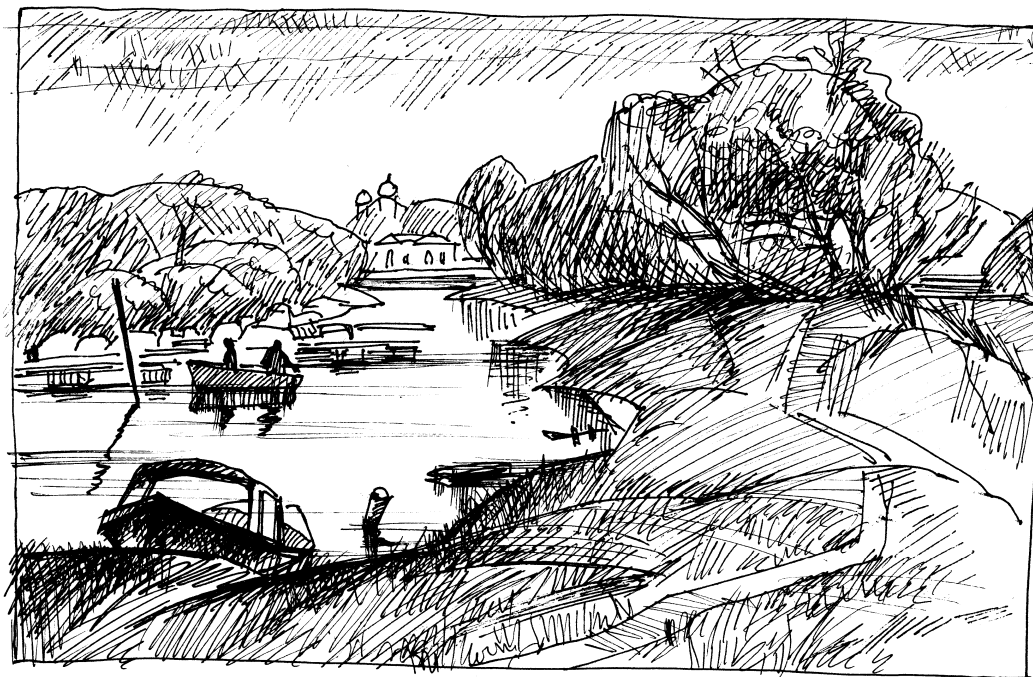
Старый мостик и липы у Кремля (район спортивной площадки)

Вид на Ярославово дворище через пешеходный мост

Вид на волховские просторы от пешеходного моста

Вид от Белой башни в сторону Волхова

Вид в Воскресенской слободе

В НОМЕРЕ ПУБЛИКОВАЛИСЬ:

Татьяна БОГОМОЛОВА, работник Белозерского историко-художественного музея.

Юрий БОЛЬШАКОВ, кузнец.

Валерий ВАСИЛЬЕВ, кандидат филологических наук, преподаватель НовГУ.

Сергей ВИТУШКИН, заместитель директора ГАНПИ-НО, главный редактор областной Книги Памяти.

Борис ГУЩИН, старший научный сотрудник музея-заповедника «Кижы».

Виола ГУЩИНА, старший научный сотрудник музея-заповедника «Кижы».

Нинель ДОЙНИКОВА, доцент кафедры гуманитарных дисциплин НРЦПРО.

Геннадий КОВАЛЕНКО, заведующий отделом истории Новгорода Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН.

Наталья КУЗЬМИЧЁВА, научный сотрудник Кирилло-Белозерского музея-заповедника.

Сергей МАНТЕЙФЕЛЬ, поэт.

Юрий МАРКИТАНОВ, военнослужащий.

Анатолий МИЩЕНКО, член Союза художников России, доцент кафедры ИЗИ и МП НовГУ.

Ульрих МОРГЕНШТЕРН, немецкий учёный-фольклорист.

Наталья МОРЫЛЁВА, главный библиотекарь научной библиотеки НовГУ.

Людмила ПЕТРОВА, главный библиотекарь Новгородской областной научной библиотеки.

Людмила ПОДОБЕД, заведующая Боровичским краеведческим музеем.

Алексей ПШАНСКИЙ, член Союза театральных деятелей России, редактор отдела культуры газеты «Новгород».

Ирина САВИНОВА, член Союза журналистов России, литературный сотрудник газеты «Время новгородское».

Владимир СЕВЕРИНОВ, заведующий археологической лабораторией исторического факультета НовГУ.

Тамара СИГАЛОВА, член Союза журналистов России, главный редактор альманаха «Чело».

Владимир ТЮРИН, профессор НовГУ, заслуженный работник культуры России, член Союза писателей России.

Каари УТРИО, финская писательница.

Владимир ЯДРЫШНИКОВ, старший научный сотрудник Отдела хранения архитектурных памятников НГОМЗ.

Владимир ЯРЫШ, член Союза художников России, преподаватель фольклорных дисциплин Музыкальной школы русского фольклора.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

173007, Россия, Великий Новгород, ул. Льва Толстого (Чудинцева ул.), д. 6/64
Телефон: (816-22) 11-55-60. E-mail: chelo@info.novsu.ac.ru

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Рег. номер 013934.

Подписано в печать 6.08.2001. Заказ № .

Бумага 80 г/м². Формат 60х84/8. Тираж 1000 экз.

Графика на обложке Владимира ПОВЕТКИНА

Художники: Владимир ПОВЕТКИН, Геннадий СЕНЕЧКО, Александра ГОРОДЕЦКАЯ.

Тираж отпечатан в ЗАО «Новгородский Технопарк». Телефон: (816 22) 27-683

Редакция не рецензирует и не возвращает присланные рукописи.

Перепечатка допускается по согласованию с редакцией,

ссылка на «Чело» обязательна.

Мнение редакции может не совпадать с мнениями авторов.

Над номером работали:

Главный редактор – Тамара СИГАЛОВА

Инженер-программист – Ирина АЛЕКСАНДРОВА

Ведущий редактор – Елена БАРКАНОВА

Редактор отдела – Юлия СИЛКО